

НОВАЯ ВЕРСИЯ

Франсуа
Керсоди

Герман
ГЕРИНГ

Франсуа Керсоди
Герман Геринг: Второй человек Третьего рейха
Серия «Новая версия (Этерна)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8009147

*Герман Геринг: Второй человек Третьего рейха / Пер. с фр. В. В. Егорова.: Этерна; Москва; 2014
ISBN 978-5-480-00314-7*

Аннотация

В начале двадцатых годов прошлого столетия капитан Геринг был настоящим героем войны, увешанным наградами и пользовавшимся большой популярностью. Патриот и очень предприимчивый человек, обладавший большим умом и неоспоримой харизмой, он отправился искать счастья в Швецию, где и нашел работу в качестве пилота авиалиний и любовь всей своей жизни.

Было ли это началом сказки? Нет – началом долгого кошмара. Этого горделивого ветерана войны, честолюбивого, легко попадавшего под влияние других людей и страдавшего маниакально-депрессивным расстройством психики манили политика и желание сыграть в ней важную роль. Осенью 1922 года он встретился с Адольфом Гитлером и, став его тенью, начал проявлять себя в различных ипостасях: заговорщик в пивной, талантливый бизнесмен, толстый денди, громогласный оратор, победоносный председатель рейхстага, беззастенчивый министр внутренних дел, страстный коллекционер произведений искусства и сообщник всех преступлений, который совершил его повелитель...

В звании маршала, в должности Главнокомандующего немецкой авиацией и официального преемника фюрера Геринг вступил в великое испытание Второй мировой войны. С этого момента он постоянно делал ошибки и сыграл важную роль в падении нацистского режима.

Благодаря многочисленным документам, найденным в Германии, Англии, Америке и Швеции, а также свидетельствам многих людей, как, например, адъютанта Адольфа Гитлера, национал-социалистический режим нашел свое отражение в лице неординарного и противоречивого человека – Германа Геринга.

Содержание

Перечень карт	5
Введение	6
I	8
II	13
III	26
IV	35
V	52
VI	65
VII	83
VIII	105
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Франсуа Керсоди Герман Геринг: Второй человек Третьего рейха

*Памяти Питера С. Сквайра, профессора Колледжа им.
Черчилля, офицера Вооруженных сил Ее Величества и выдающегося
славяноведа, который тайно, но эффективно способствовал краху
«великогерманского рейха»*

FRANÇOIS KERSAUDY

HERMANN GOERING

Le deuxième homme du IIIe Reich

*Ouvrage publié avec l'aide du Minist`ere franc,ais charge' de la
Culture – Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

Перевод осуществлен по изданию:

François Kersaudy. Hermann Goering. Perrin, Paris, 2009

Дизайн – Александр Зарубин

Франсуа Керсоди – профессор Университета «Пари I Пантеон-Сорбонна», автор многочисленных книг по истории, в том числе «Де Голль и Рузвельт», «Лорд Маунтбеттен» и др. Написанная им биография «Уинстон Черчилль» была удостоена «Гран-при» по истории Французского общества писателей в 2001 году.

© Perrin, 2009 © В.В. Егоров, перевод на русский язык, 2014 © Палимпсест, 2014 © ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2014

На данный момент не существует ни одной столь полной биографии Германа Геринга на русском языке, хотя он был вторым человеком Третьего рейха. И теперь, благодаря многочисленным документам, найденным в Германии, Англии и Швеции, а также свидетельствам многих людей, как, например, адъютанта Адольфа Гитлера, читатель сможет в книге профессора Сорбонны Франсуа Керсоди проследить судьбу этого сильного, страшного человека, полного противоречий и ошибок.

Перечень карт

Удивительно, но опубликованные в разных странах биографии Германа Геринга не содержат ни единой карты, хотя этот человек принял участие в двух десятках сражений в ходе двух мировых войн.

Из замка в замок: мир Германа Геринга, 1893–1914 гг.

Места расположения воинских частей, в которых служил лейтенант Геринг, и места сражений, в которых он участвовал, 1915–1918 гг.

Из ада в рай: полет 20 февраля 1920 г.

Неудавшаяся попытка путча 9 ноября 1923 г. в Мюнхене

Маршрут эмиграции, ноябрь 1923-го – март 1925 г.

Берлин Германа Геринга

Вторжение в Польшу, сентябрь 1939 г.

Оккупация Норвегии, апрель 1940 г.

Французская кампания, май 1940 г.

Каринхалл: этапы развития мании величия

«Битва за Англию», лето 1940 г.

Действия люфтваффе в Средиземноморье, весна 1941 г.

Операция «Барбаросса», июнь – ноябрь 1941 г.

Наступательные действия вермахта, лето 1942 г.

Сталинград и Юго-Восточный фронт, ноябрь 1942-го – январь 1943 г.

Стратегические бомбардировки Германии

Боевые действия Германии на 20 апреля 1945 г.

Дороги плена, 23 апреля – 12 августа 1945 г.

План зала заседаний Международного военного трибунала

Введение

Складывается впечатление, что во Франции интерес к национал-социалистской Германии ограничивается личностью Адольфа Гитлера, структурой и ролью СС и зверствами нацистов. Зачем же в таком случае нужна биография Германа Геринга? Для этого есть по меньшей мере четыре причины. Во-первых, этот человек был вторым лицом Третьего рейха. Во-вторых, в свое время Геринг оказался наиболее популярной и наименее мрачной фигурой из окружения Гитлера. В-третьих, он сыграл решающую роль как в становлении, так и в спуске в пропасть нацистской Германии. И, в-четвертых, несмотря на все перечисленное, не существует ни одной франкоязычной биографии этого не знавшего ни в чем меры человека.

Предназначения не существует, но нет сомнения в том, что судьба экзаменует каждого человека. В начале 1920-х годов капитан Геринг был настоящим героем войны, удостоившимся множества наград. Это был патриот, романтик, имевший рыцарские и предпринимательские наклонности. Умный человек, он обладал также неоспоримой харизмой. Решив попытать счастья, он отправился в Швецию, где устроился работать пилотом и встретил любовь всей своей жизни. Это напоминает начало сказки? Возможно, однако на самом деле является началом длительного кошмара, поскольку Герман Геринг, прославленный ветеран, высокомерный, честолюбивый, поддающийся чужому влиянию и страдавший маниакально-депрессивным синдромом человек, увлекся политикой и после этого жаждал играть в ней особую роль. И вот осенью 1922 года он повстречался в Мюнхене с Адольфом Гитлером, который стал объектом его восхищения на всю оставшуюся жизнь. Находясь в тени фюрера, Герман Геринг в дальнейшем выступал в самых разных ролях: руководитель штурмовых отрядов, неумелый путчист, странствующий активист нацистской партии, пристрастившийся к употреблению морфия безработный, предприимчивый делец, пышнотелый денди, громогласный оратор, продажный депутат, завоеватель поста президента рейхстага, бесчестный министр внутренних дел, законченный махинатор, блестящий министр авиации, разбогатевший парвеню, ловкий дипломат, прекрасный охотник, салонный стратег, экономист-любитель, опередивший свое время эколог, страстный коллекционер произведений искусства, официальный преемник Гитлера и сообщник во всех его преступлениях. Но именно в качестве главнокомандующего немецкими военно-воздушными силами маршалу Герингу суждено было пройти великие испытания Второй мировой войны, многое изменившей в его жизни...

Очень сентиментальный человек, без колебаний убивавший всех, кто становился на его пути; антисемит на словах, руководивший имперским управлением по вопросам еврейской эмиграции; вояка-фанфарон, предпринимавший миротворческие усилия; гиперактивный человек, всюду сующий свой нос и при всем этом совершенно безвольный... Натура Геринга состояла из множества противоречивых качеств! В связи с этим следует признать, что этот ловкий актер, выступавший в бесчисленных ролях, во многом остается загадкой для историков. Биографу также следует помнить о неспособности Геринга к сопереживанию, пусть даже этот человек далек от таких монстров, какими были Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, Сталин, Пол Пот или Мао Цзедун.

Но трудность задачи лишь убеждает меня в том, что ее необходимо выполнить. Поэтому читателю представляется созданный с использованием многочисленных источников, как германских, так и английских, американских, шведских, канадских, французских и итальянских, персонаж, напоминающий одновременно Фальстафа и Макбета. Хотя конец пьесы весьма печален, ее сюжетные перипетии необычайно интересны. Поскольку, прослеживая каждый шаг этого опасного комедианта, читатель получает возможность увидеть

жизнь Третьего рейха под совершенно неожиданным ракурсом и проследить неизбежное переплетение нитей, образующих ткань судьбы.

Ф. К.

I

Барская жизнь

Двенадцатого января 1893 года в санатории «Мариенбад», располагавшемся неподалеку от баварского городка Розенхайм, Франциска Геринг произвела на свет крепкого младенца с голубыми глазами и нарекла его Германом в честь его крестного и Вильгельмом в честь императора Вильгельма II. На первый взгляд это событие могло бы показаться ничем не примечательным эпизодом, если бы не отсутствие отца ребенка рядом со счастливой роженицей... Для того чтобы объяснить этот факт, придется сделать относительно большое отступление в пространстве и времени.

Отец Германа, Генрих Эрнст Геринг, окончил в молодости университет и принял участие в войне с Австрией в 1866 году и в войне против Франции в 1870–1871 годах в качестве кавалерийского офицера. После войны он служил судьей в разных провинциальных городках, а затем был замечен канцлером Бисмарком, который назначил его на пост генерал-губернатора Германской юго-западной Африки с проживанием в этой немецкой колонии. Это только внешне выглядело повышением: Бисмарка очень мало волновали колонии, а расселение немцев в Африке было делом весьма деликатным. Но задачей Генриха Геринга как раз и оказалось расширение колонии и укрепление немецких позиций. Сорокасемилетний министр-резидент совершенно не имел дипломатического опыта и впервые оказался на африканском континенте... И тем не менее Генрих Геринг добился на новом поприще значительных успехов: менее чем за пять лет он сумел умиротворить местные племена и значительно расширить немецкое влияние в регионе, подружившись с Сесилом Родсом, великим британским колонизатором Южной Африки.

Когда получил назначение в Африку, Генрих Геринг был уже вдов и имел пятерых детей. Однако в Лондоне, куда он сначала отправился по поручению канцлера перенимать у англичан опыт управления колониями, отец Геринга женился во второй раз на служащей гостинице, девице Франциске Тифенбруннер, с которой он познакомился в том же 1884 году, отдыхая на юге Германии, и которую взял с собой в столицу Великобритании. Франциска была на двадцать шесть лет моложе своего супруга. Родив в Лондоне сына Карла, она поехала вместе с ним к мужу в Виндхук, главный город немецкой колонии, куда Генрих Геринг прибыл еще раньше. В течение четырех последовавших лет у этой пары в Африке родились еще один сын и две дочери. Полное отсутствие гигиены в тех краях, несомненно, привело бы к смерти молодой матери уже при вторых ее родах, если бы в Виндхуке не оказался имевший профессию врача человек. Звали его Герман Эпенштейн, и он был одновременно искателем приключений, рантье, холостяком и соблазнителем. Эпенштейн принял у Франциски роды (в тот раз она родила дочь, Ольгу) и надолго стал другом семьи Герингов, и когда в 1882 году Генрих Геринг получил назначение на пост генерального консула Гаити, жена его, будучи опять беременной, по совету милого доктора вернулась в Германию, чтобы там родить четвертого ребенка. Поэтому Генрих Эрнст Геринг не присутствовал в баварском санатории «Мариенбад» 12 января 1893 года во время рождения сына Германа Вильгельма, чьим крестным отцом стал не кто иной, как Герман Эпенштейн. Непонятно другое: почему мать новорожденного уехала на Гаити спустя всего лишь шесть недель после родов, оставив на целых три года маленького Германа Геринга на попечении фрау Граф, близкой подруги своей матери? Доктору Фрейду, который в тот самый год начал практиковать в Вене, это не понравилось бы наверняка. И действительно, когда в 1896 году Франциска Геринг вернулась на родину и взяла сынишку Германа на руки, тот залепил ей пару звонких пощечин...

«Это был красивый мальчуган, к тому же очень упрямый», – вспоминали дочери фрау Граф, очевидицы первых подвигов Германа. Позже их слова никто не опроверг, поскольку в берлинском буржуазном районе Фриденау, где семейство Герингов поселилось по возвращении в Германию, Герман проявил себя капризным маленьким тираном, который, очень рано вознамерившись стать героем, оказывал определенное воздействие на брата и обеих сестер. Их отец, ставший служащим Министерства иностранных дел, весьма снисходительно относился к любимому сыну. Подарив ему на пятилетие гусарский мундир, он каждое воскресенье брал с собой Германа на парад Потсдамского гарнизона. Это произвело сильное воздействие на мальчика. «Я ни секунды не сомневался, – скажет позже Герман Геринг, – что стану офицером кайзеровской армии».

В 1898 году в судьбе семейства Герингов произошел крутой поворот. Доктор Эпенштейн, обладавший предпринимательской жилкой и располагавший значительными средствами, купил замок Маутерндорф, неподалеку от Зальцбурга, и еще один, Фельденштейн, в 30 километрах от Нюрнберга¹.

Оба замка находились в очень запущенном состоянии, но Эпенштейн решил во что бы то ни стало вернуть им первозданное великолепие. А затем он пригласил семейство Герингов поселиться в качестве гостей в замке Фельденштейн. Генрих Геринг, который вышел в отставку, удостоившись лишь формальной официальной признательности, и явно начал опускаться², не смог отказаться от подобного предложения. Так начиная с шестилетнего возраста юный Герман оказался в окружении величественной средневековой обстановки, полностью соответствовавшей его мечтам о власти и славе...

Действительно, крайне трудно было не поддаваться влиянию наполненных историями и легендами старинных казематов замка, расположившегося посреди дикой красоты баварских гор. Герман привлекал брата, сестер и всех детишек деревни к участию в военных играх, целью которых было защитить или взять штурмом античные укрепления на скале, господствовавшей над рекой Пегниц. По-прежнему увлекаясь оружием и униформой, он наряжался рыцарем, Робинем Гудом... или бургундским офицером: в то время на юге Африки полыхала война, а большинство немцев симпатизировали африканцам, воевавшим против англичан. Мальчик с замиранием сердца слушал рассказы друзей своего отца, которые с ностальгией вспоминали о великих кампаниях 1866 и 1870 годов. Само собой разумеется, у Германа была большая коллекция оловянных солдатиков, а позже он признался, что имел обыкновение обставлять их со всех сторон зеркалами, чтобы визуально увеличить численность своего войска. Эта привычка, претерпев некоторые изменения, сохранилась у него и в зрелом возрасте...

Не совсем удобно присоединяться к бахвальству своего персонажа и к елейным похвалам его первых биографов, но кое-что сегодня представляется очевидным: Герман Геринг очень быстро стал виртуозом скалолазания. Презируя головокружение и страх, он штурмовал скалы с таким воодушевлением, что это заставило бы побледнеть многих опытных горных стрелков. Кроме того, его гордыня и его чувство чести почти не позволяли ему вести себя почтительно, когда он чувствовал себя жертвой несправедливости, и поэтому одна из его сестер назвала его маньяком справедливости.

Проблема, очевидно, заключалась в том, что он был склонен видеть несправедливость во всем... И наконец, поборники исторической предопределенности могут очень сильно разочароваться: молодой Герман, несомненно, обладал задиристым нравом и отличался неисправимым фанфаронством, но это не лишало его великодушия, не мешало ему быть

¹ См. карту 1

² В свои пятьдесят шесть лет он, будучи диабетиком, упрямо отказывался соблюдать какую бы то ни было диету, к тому же начал злоупотреблять спиртным.

идеалистом, с нежностью и бесконечной лаской относиться к родным людям и всем домашним животным, которых он встречал.

Из всех взрослых, которые его окружали, самое большое влияние, безусловно, оказывал на Германа его крестный отец. Несмотря на невысокий рост, лишний вес и небольшую лысину, доктор Эпенштейн очаровывал всех своим шармом, природной властностью, знанием мира и княжеским образом жизни. В замке Маутерндорф, где Геринги часто гостили, огромные залы украшали доспехи, штандарты, картины старых мастеров, ковры и гобелены, а также дорогая мебель. Хозяин замка, который получил от кайзера дворянский титул и стал именоваться «господин барон фон Эпенштейн», управлял своими землями и своими людьми как настоящий феодал: он устраивал шикарные праздники, делал щедрые пожертвования, становился крестным отцом детей всех своих друзей. Он организовывал охоту на ланей в горах для молодых людей и ревностно наблюдал за их воспитанием. Все это не могло не нравиться юношам, которые достаивались его внимания. «Мы все им восхищались, – позже признался другой его крестник, профессор Тирринг. – Он был так элегантен... Мы сразу же начинали ненавидеть любого, кто позволял себе оказывать ему неуважение, но именно Герман сильно повредил лицо одному деревенскому парню, который сказал, что Эпенштейн получил свой титул за деньги, а не благодаря заслугам».

И все-таки эти почти семейные отношения омрачали две проблемы: во-первых, барон фон Эпенштейн исповедовал католичество и упорно демонстрировал это каждое воскресенье в церкви, хотя отец его был настоящим евреем и даже принадлежал к своеобразному кругу, который можно назвать еврейской аристократией той поры. Конечно, в начале XX века принадлежность к еврейской расе не имела того значения, какое приобрела спустя два десятка лет. Но нацистским биографам будущего рейхсмаршала этот факт все-таки создал большие затруднения, и они предпочитали обходить его молчанием. Больше того, Эрих Гритцбах, услужливый помощник Германа Геринга, в 1938 году написал, что тот еще в восемь лет заставлял своего пса лаять на деревенских евреях. Это Гритцбах назвал проявлением расового самосознания, не характерным для столь юного возраста. Действительно, нечто подобное встречается весьма редко, поскольку является чистой выдумкой: в восьмилетнем возрасте Герман и знать не знал, кто такие евреи, а когда позднее узнал, что в жилах его героя, фон Эпенштейна, течет еврейская кровь, это никак не сказалось на их отношениях.

Вторая проблема заключалась в том, что барон фон Эпенштейн, великодушно предоставив свой замок Фельденштейн в распоряжение семейства Герингов, оставил за собой главную спальню, которая соседствовала со спальней комнаты госпожи Геринг. А супруг последней во время визитов хозяина замка уходил ночевать на первый этаж... Когда же семейство приезжало в замок Маутерндорф на многочисленные праздники, которые так любил устраивать барон, господин Геринг и дети располагались в пристройках, а Франциска, принимавшая на себя обязанности хозяйки дома, присоединялась к семье только во время завтраков. Посему совершенно излишне говорить о том, что ни для кого не составляло тайну: Герман фон Эпенштейн и Франциска Геринг были любовниками, и довольно продолжительное время. «Мы в этом ничуть не сомневались, – вспоминал профессор Ганс Тирринг. – Все, кто находился в Маутерндорфе, воспринимали это как данность, и это явно не беспокоило Германа и других детей Герингов». Это, кажется, не угнетало и их отца, который, приспособившись к такому положению, медленно спивался. Кроме того, он был в курсе того, что все вокруг давно заметили: в 1895 году его жена родила третьего сына, Альберта, необычайно походившего на Эпенштейна. И этот факт нацистские биографы предпочли обойти молчанием, хотя это абсолютно не повлияло на отношение Германа к младшему брату, которого он искренне любил...

Пребывание юного Германа в начальной школе оказалось по меньшей мере бурным. В 1900 году его отправили в фольксшULE, «народную школу», баварского города Фюрт, неподалеку от Нюрнберга, и там он повел себя агрессивно, стал активно противиться обучению и дисциплине.

Карта 1

Из замка в замок: мир Германа Геринга, 1893–1914 гг.

Вообразая себя владельцем замка и копируя отличающиеся высокомерием манеры крестного отца, он за короткое время настроил против себя учителей и одноклассников, которые вскоре почувствовали к нему антипатию. И решил справиться с этими проблемами по-своему: улегшись в кровать, он отказывался вставать с нее в течение нескольких недель, добившись того, что пришедшее в отчаяние руководство школы отправило его домой... Это была первая победа упрямства, не получившая, правда, продолжения, поскольку в 1905 году родители определили Германа в интернат города Ансбах. Там двенадцатилетний мальчик оказался среди учеников, которые были старше, сильнее и задиристее него; дисциплина в интернате отличалась особой строгостью, учеба была изнуряющей, а питание вызывало отвращение. По истечении трех лет, отмеченных многочисленными побегами и даже забастовкой, господину и госпоже Геринг пришлось снова забрать сына домой...

В конце концов семейству Герингов в этом затруднении помог крестный Германа, барон фон Эпенштейн: благодаря своим связям, он добился приема упряма в кадетское училище в Карлсруэ. Это учебное заведение находилось еще дальше от Фельденштейна, чем интернат в Ансбахе, дисциплина там была намного жестче, но Герман оказался среди военных, форма шла ему, а об уроках верховой езды, фехтовании и стрельбе из винтовки он мог лишь мечтать во время своих детских игр. И кадет Геринг стал прилежно учиться, а в шестнадцать лет окончил училище, получив оценку «отлично» по выездке, истории, английскому, французскому, музыке и даже... по поведению. А главное, в его деле оказалась такая

запись: «Этот примерный кадет достиг уровня, который поможет ему далеко пойти: он не боится рисковать».

С такой рекомендацией Герману не составило труда поступить в 1910 году в главную военную школу в Лихтерфельде, близ Берлина, где готовили будущих офицеров немецкой армии. И там он обрел свое счастье: воинские упражнения его необычайно увлекали, выходной мундир с галунами неотразимо действовал на берлинских девиц, а кодекс чести кадетов, напоминавший рыцарский обет времен Средневековья, его просто очаровал. «Я чувствую себя наследником немецкого рыцарства», – написал семье этот неисправимый романтик... И в марте 1911 года, в возрасте восемнадцати лет, он с отличием окончил Берлинскую военную школу, удостоился поздравления самого кайзера и получил звание младшего лейтенанта³.

Перед тем как получить назначение, молодой офицер попросил отпуск для поездки в Фельденштейн. Родные встретили его как героя, а крестный отец прислал поздравительное письмо и кошелек с 2000 золотых марок. Но Герман заметил, что обстановка в семье после его отъезда сильно изменилась. Франциска Геринг выглядела сильно постаревшей, а ее муж, то ли в приступе запоздалой ревности, то ли под действием спиртного, к которому давно пристрастился, начал кричать, что фон Эпенштейн подло его предал. И поскольку честь не позволяла ему и далее пользоваться гостеприимством человека, который его обесчестил, Генрих Герман заявил, что уедет из Фельденштейна вместе с семьей. Неизвестно, выполнил бы он свое намерение или нет, потому что богатый аристократ фон Эпенштейн, забыв о том, что ему уже исполнилось шестьдесят два года, влюбился в Лили фон Шандрович, молодую двадцатилетнюю красотку, и вознамерился взять ее в жены. А сорокашестилетняя любовница, да еще со злобным мужем в придачу, которая жила бесплатно в одном из его поместий, естественно, серьезно мешала матримониальным планам барона. Так что семейство Герингов получило от него в начале 1913 года вежливое письмо, в котором им предлагалось в кратчайшие сроки подыскать себе новое жилище. Для Франчески и Генриха Герингов, целых пятнадцать лет беззаботно проживших в замке Фельденштейн, это стало настоящим потрясением. Как и для их сына Германа, который рассказал товарищам по военной школе, что он владелец замка. Но делать было нечего, и весной 1913 года семейство Герингов переехало в скромный домик, который они сняли в пригороде Мюнхена. Генрих, не перенеся этого удара, умер в начале декабря, спустя всего несколько месяцев после переезда.

Накануне похорон Герман помог матери разобрать бумаги покойного отца... И пожелтевшие фотографии, письма, доклады, аттестации и воспоминания матери открыли ему, с каким достоинством и героизмом воевал в Европе и служил в Африке Генрих Эрнст Геринг, до того как превратился в старого озлобленного алкоголика, бродившего как призрак по коридорам Фельденштейна. По его собственному признанию, Герман Геринг в тот момент остро почувствовал вину из-за того, что не смог установить добрые отношения с презируемым им отцом. А на следующий день, во время похорон на мюнхенском кладбище Вальдфридхоф, молодой младший лейтенант даже разрыдался. Реакция, конечно, не очень мужская, явно недостойная прусского офицера, но весьма человеческая...

Спустя несколько недель Герман Геринг получил назначение в 112-й пехотный полк 6-й армии. В часть он должен был прибыть в начале января 1914 года. «Если суждено начаться войне, – сказал он перед отъездом зачарованным сестрам, – вы можете быть уверены в том, что я отличусь в боях и добуду славу семейству Герингов».

³ В апреле, желая отметить выпуск, Геринг поехал с товарищами в Италию, где его впервые очаровали полотна Рубенса, Леонардо да Винчи, Рафаэля и Беллини. И там же он совершил одну из своих дерзких выходок – взобрался на Доломитовые Альпы.

II

Небесные рыцари

Сто двенадцатый пехотный полк принца Вильгельма квартировал в департаменте Верхний Рейн, в небольшом городке Мюлхаузен, который угрюмые жители оккупированного Германией Эльзаса упрямо продолжали называть Мюлузом. Гарнизонная жизнь оказалась не лишена определенных прелестей: совершенно не зная суровых традиций полка, младший лейтенант Геринг сразу же позволил себе некоторые вольности в отношении соблюдения дисциплины, подружился с весельчаком-сослуживцем по имени Бруно Лёрцер и принялся с энтузиазмом участвовать в традиционных офицерских попойках; он также пользовался малейшей возможностью, чтобы получить увольнительную. К этому надо добавить, что на обоих берегах Рейна его темно-голубые глаза редко оставляли равнодушными местных девиц... А что ему было еще нужно? Следует, правда, отметить, что в высших эшелонах власти западных стран начали ходить тревожные слухи, с Балкан стал доноситься все более громкий топот солдатских сапог, но тем летом 1914 года двадцатиоднолетний красавец Герман Геринг, постоянно живший в военной обстановке, без опасения рассматривал перспективу близкой войны, ведь она позволила бы ему по-настоящему сражаться «во славу Бога, Кайзера и Родины» и стать известным...

Август 1914 года: начало великого противостояния. Но как всегда случается на войне, самое непредвиденное событие всегда становится реальностью... Для 112-го пехотного полка первый звук трубы оказался сигналом к отходу: начальник полевого Генерального штаба Людвиг фон Мольтке, имея намерение начать наступление на северо-западе, предположил, что французы атакуют немецкие войска в Эльзасе, и посему решил перевести части 6-й немецкой армии на восточный берег Рейна. Но младший лейтенант Геринг все же несколько раз по приказу командования перебирался со своим взводом на другой берег реки, чтобы разведать расположение французских войск. Немного нарушив полученные приказы, он в ходе первой же своей вылазки в занятый французами Мюлуз завязал перестрелку с французским авангардом, перед тем как переправиться через Рейн назад. Да еще прихватил с собой четырех лошадей. На другой день, 10 августа, он тайно вернулся в город со взводом на велосипедах, планируя всего-то похитить генерала По, командующего расположенными в Мюлузе французскими войсками! Это опять было отступлением от приказа, план Геринга полностью провалился, и ему пришлось бежать со своими людьми под усиленным огнем противника. Эта неудача несколько его не обескуражила, на другой день он снова пошел в бой, и неподалеку от Ильцаха его взвод захватил в плен нескольких французских солдат. Естественно, командование полка не стало наказывать его за нарушения приказов, наоборот, оно по достоинству оценило его отвагу: через некоторое время после взятия Мюлуза младший лейтенант Геринг был награжден Железным крестом 2-го класса. Затем его отправили в разведку на французский берег для корректирования огня артиллерии, и это занятие вскоре стало его специализацией. Работа эта была крайне рискованной, потому что его могли захватить в плен или обстрелять французы, он также мог попасть под огонь своей же артиллерии. Однако удача явно улыбалась Герингу: он продолжал оставаться невредимым, хотя зона боевых действий постепенно переместилась к Мольсхайму и Саарбургу.

В начале сентября 1914 года, когда основной удар 1-й и 2-й немецких армий начал ослабевать на рубеже реки Марны, 112-й пехотный полк преодолел горный массив Вогезы совместно с 6-й армией принца Рупрехта Баварского, и фронт установился под городом Баккара, расположенным юго-восточнее Нанси. Воюющие стороны перешли к позиционной войне, стали рыть окопы, а спустя некоторое время пришли осенние холода и слякоть. Младший

лейтенант Геринг очень скоро стал одной из жертв окопной войны: всего за три недели у него появился ревматизм суставов, колени распухли, и он был эвакуирован в госпиталь города Мец. Для молодого младшего лейтенанта, мечтавшего о славе и наградах, это вынужденное бездействие стало настоящей пыткой. Перспектива совершения подвигов скрылась за горизонтом, Геринг был морально подавлен...

В госпитале Германа навестил его приятель Бруно Лёрцер, который незадолго до начала войны покинул 112-й пехотный полк и начал осваивать летное дело в авиационном училище «Авиатик», неподалеку от Фрейбурга. Оставаясь фанфароном, Герман сказал приятелю, что проблемы с ногами у него временные, что не пройдет и двух недель, как он вернется в свою часть. Лёрцер возразил, сказав, что Герман, вновь очутившись в окопах, рискует снова заболеть и в конце концов быть уволенным из армии по состоянию здоровья. Зато в авиации, новом, престижном роде войск, ему не потребуется следить за ногами, каждый вечер он будет спать в сухом помещении, а главное, у него появится намного больше шансов покрыть себя славой! Последний довод оказался решающим: стоило другу удалиться, как Герман отправил в штаб полка телеграмму с просьбой одобрить его перевод в авиационное училище во Фрейбурге для освоения навыков наблюдателя...

Не дождавшись ответа из штаба полка в течение двух недель, выздоравливающий Геринг самовольно покинул госпиталь и добрался до авиационной базы в Дармштадте, где лейтенант Лёрцер только что получил удостоверение летчика. Существует несколько вариантов дальнейшего развития событий: если верить его первым биографам, Геринг, наплевав на три недели ареста, который был наложен на него за отказ явиться в резервный пехотный батальон, квартировавший в Донауэшингене, сам обучился технике наблюдения, летая вместе со своим другом Лёрцером. Но в его личном деле офицера содержится весьма банальная информация: 14 октября младший лейтенант Геринг был переведен в 3-й авиационный резервный отряд в Дармштадте для обучения в качестве воздушного наблюдателя. Дальнейший ход событий также противоречив: по словам Геринга, они с Лёрцером «угнали» самолет и, пролетев над Шварцвальдом и Люксембургом, приземлились в Стене, где базировался 25-й полевой авиационный отряд 5-й армии. Но личное дело младшего лейтенанта Геринга полностью исключает подобное приключение: там просто сказано, что 28 октября 1914 года он был направлен на авиабазу в Стене для прохождения службы в качестве воздушного наблюдателя⁴. Продолжило ли командование 112-го пехотного полка требовать немедленного возвращения в часть Германа Геринга, которому грозил строгий арест и даже трибунал? Возможно, но в любом случае нашего героя очень скоро оставили в покое⁵, потому что из первых же совместных полетов экипаж Лёрцер – Геринг начал возвращаться с очень ценными снимками расположения войск Антанты в районе Аргонского леса...

Стене находился всего в сорока километрах к северо-западу от Вердена, а 5-й армией командовал сам кронпринц Фридрих Вильгельм... Осенью 1914 года, после провала главного наступления к Марне, новый начальник Генерального штаба Эрих фон Фалькенхайн назвал Верден засовом, который препятствовал продвижению 4-й и 5-й армий на равнины Шампани. Французы в этом секторе сильно укрепили свои позиции, и тяжелой артиллерии никак не удавалось их разрушить по причине отсутствия достаточно точных сведений об их расположении: аэрофотоснимки делались с довольно большой высоты, так как самолеты воздушной разведки старались не попадать под адский огонь французских пулеметов, либо снимки оказывались смазанными из-за того, что пилоты по той же самой причине пролетали над французскими укреплениями очень низко и слишком быстро.

⁴ Тут, возможно, имело место назначение задним числом, что широко практиковалось в кайзеровской армии.

⁵ По мнению английского биографа Леонарда Мосли, длительное время поддерживавшего отношения с семейством Герингов после 1945 года, барон фон Эппенштейн якобы вступился перед военными властями за своего любимого крестника.

Именно в это время новички оказали германскому командованию неоценимую помощь: конечно, их биплан «Альбатрос» был самолетом крайне примитивным, его нижнее крыло делало минимальным сектор обзора наблюдателя, а бортовой фотоаппарат представлял собой громоздкий и неудобный агрегат. Однако друзья применили тактику, которая больше напоминала вольтижировку, нежели военное искусство: подлетев к цели, Лёрцер закладывал длинный вираж на низкой высоте, а Геринг почти полностью высовывался из кабины, цепляясь за кресло лишь пальцами ног, и направлял на объект съемки свой пятнадцатикилограммовый аппарат, меняя стеклянные пластины после каждого отснятого кадра... Вся операция продолжалась несколько минут под плотным огнем противника и повторялась столько раз, сколько требовалось! Естественно, навыки скалолазания, приобретенные в детстве, помогали Герингу, но мало нашлось бы альпинистов, которые решились бы исполнить подобный трюк на летающей трапедии в столь опасных для жизни условиях...

Как бы там ни было, результаты говорят сами за себя: высшее немецкое командование наконец-то получило точные схемы оборонительных позиций французов под Верденом и теперь могло корректировать огонь своей артиллерии. Лёрцера и Геринга часто вызывали в штаб, просили помочь расшифровать сделанные ими снимки, и там к ним вскоре стали относиться как к героям. Двадцать пятого марта 1915 года после успешного выполнения сложного задания, в ходе которого они зафиксировали точное положение батареи тяжелых орудий французов на высоте Талон, обоих приятелей вызвали в штаб, где кронпринц лично вручил каждому Железный крест 1-го класса. Через неделю они вновь отличились – в ходе налета французской авиации на Стене на своем лишенном вооружения «Альбатросе» вынудили вражеский бомбардировщик приземлиться на занятой немцами территории⁶.

Герман Геринг был сторонником нововведений: для того чтобы внести смятение в ряды противника на земле в ходе аэрофотосъемок, он стал брать с собой в полет и использовать винтовку фирмы «Маузер» и маленькие бомбы серого цвета, которые назывались «воздушные мышата». Затем он установил перед своей кабиной пулемет. Конструкция получилась ненадежная и малоэффективная, но это было первым опытом подобного рода. Геринг также выучил азбуку Морзе, чтобы иметь возможность незамедлительно передавать разведанные по радиации немецким артиллерийским частям. В этом он также был первым. Но артиллеристы недостаточно оперативно использовали его сведения, и младший лейтенант Геринг, не отличавшийся терпением, высказывал им открытым текстом все, что думал об их некомпетентности. Это проявление недовольства перед лицом противника снова едва не подвело его под трибунал... Он опять едва избежал наказания, но эта история дала ему понять, что ему надоело прелести воздушного наблюдения. В конечном счете героями тогда считались Иммельман, Бёльке, Гесс, получавшие звания и награды авиаторы. И Герман Геринг решил стать летчиком-истребителем. Тридцатого июня 1915 года он добился зачисления его в летную школу во Фрейбурге, которую за девять месяцев до этого закончил его друг Лёрцер...

Младший лейтенант Геринг оказался талантливым курсантом: менее чем за четыре месяца он прошел летную подготовку с поразительной легкостью. Инструкторы с открытым ртом наблюдали, как он исполняет фигуры высшего пилотажа. В октябре 1915 года Геринг был зачислен в 5-ю истребительную эскадрилью, имевшую в своем составе современные двухмоторные самолеты, вооружение которых сильно изменилось за последнее время: теперь истребители были вооружены мощными спаренными пулеметами «Шпандау», которые стреляли через диск винта. Размещаясь на базе в Стене, живя в комфортабельных условиях, летая вместе со своим другом Лёрцером, Геринг чувствовал себя очень счастливым человеком... В это время элитное содружество летчиков, которые день за днем

⁶ В журнале боевых действий 25-го полевого авиаотряда было записано, что «оба офицера за это удостоились чести быть представленными Его Императорскому Высочеству кронпринцу».

поднимались в небо над землей, где сотни тысяч мужчин в липкой окопной грязи дрожали от стужи в ожидании очередного смертоносного залпа артиллерийских орудий, стало практиковать героические традиции средневекового рыцарства: в небе над Шампанью стали проходить воздушные одиночные бои, на бортах самолетов появились изображения щитов и гербов, как на накидках рыцарских коней, экипированных для турнирных схваток. Механики и адъютанты заменили древних слуг и конюхов, вечеринки, устраиваемые после боевых вылетов, не уступали размахом феодальным пирам, размещаться летчики стали все чаще в замках, а все немцы славили пилотов, как древних германских героев...

Как мог Геринг не чувствовать себя среди своих в авиации? Отважный летчик, он совершал безумно рискованные поступки, летал на разведку до Эперне, Шалона и Сент-Менеу, атаковал английские самолеты, мерился силами с французскими истребителями и, наконец, одержал свою первую официально подтвержденную победу: 16 ноября 1915 года в небе над Таюром он сбил «Фарман»... Через четыре месяца, когда началась великая битва под Верденом, Геринг, оказывая авиационную поддержку 5-й армии на мощном, хорошо вооруженном самолете AEG, вынудил французский бомбардировщик сесть на немецкой территории. Тридцатого июля 1916 года его перевели в 203-й полевой авиаотряд под Мец, и он подбил двухмоторный «Кодрон» над Мамегом. В октябре, в начале битвы на Сомме, он вновь был переведен в 5-ю истребительную эскадрилью⁷, где с радостью снова встретился со своим приятелем Бруно Лёрцером и где познал, как опасно недооценивать противника. Второго ноября 1916 года он заметил «Хэндли-Пейдж», тяжелый бомбардировщик, летавший на малых скоростях и довольно неуклюжий: такие самолеты англичане совсем недавно направили на франко-германский фронт. Охваченный любопытством и желанием одержать легкую победу, Геринг приблизился к британскому самолету, из пулемета убил стрелка в задней кабине, а второй очередью поджег один из двигателей бомбардировщика. Но, в отличие от своих товарищей, Геринг не знал, что самолеты «Хэндли-Пейдж» всегда летали в сопровождении истребителей... Через мгновение по нему открыли огонь шесть истребителей «Сопвич F1 Кэмел». Пули попали в двигатель и в бак, пробили шестьдесят отверстий в фюзеляже. Сам Геринг был ранен в бедро. В работе мотора его самолета появились перебои, бензин из бака стал заливать фонарь, самолет начал входить в штопор, а истекавший кровью Геринг почувствовал, что теряет сознание. Но когда он на высокой скорости приближался к земле, грохот зенитных пулеметов противника привел его в чувство. Геринг с трудом выровнял самолет, дотянул на бреющем полете до позиций немецких войск и совершил аварийную посадку на каком-то кладбище. Счастье и на этот раз оказалось на его стороне: рядом с кладбищем находилась церковь, превращенная в полевой госпиталь. Санитары вытащили раненого младшего лейтенанта из его сильно поврежденного самолета и сразу же положили на операционный стол...

Операция оказалась крайне сложной из-за тяжести ранений, к тому же Геринг, находившийся в состоянии шока, потерял много крови. Если бы не мастерство хирурга и не крепкое здоровье младшего лейтенанта Геринга, его славные боевые похождения, несомненно, закончились бы в небольшом помещении церкви, превращенной в операционный зал. Тем не менее еще целых четыре месяца он провел в госпиталях в Валансьене, Бохуме и Мюнхене, прежде чем поправился и получил разрешение провести два месяца до полного выздоровления в кругу семьи...

Семьей же Геринг считал мать, сестер и братьев, которые остались в Мюнхене, а также, что немаловажно, барона фон Эпенштейна и его юную жену Лили, которые встретили его с распростертыми объятиями в замке Маутерндорф. Прославленный летчик в великолепном

⁷ По его личной просьбе и не без поддержки самого кронпринца. Очевидно, что Геринг просил о переводе всякий раз, когда в секторе, где он совершал полеты, интенсивность воздушных боев шла на убыль...

мундире, с боевыми наградами на груди, Геринг каждый раз оказывался в центре внимания во время всех приемов, что устраивались в замке, – и в течение всех пяти недель, что пробыл там, он заставил учащенно биться множество женских сердец. Кстати, именно в это время у него зародилась первая «официальная» любовь к некой Марианне Маузер, дочке зажиточного фермера, проживавшего по соседству с замком, которая ответила взаимностью. Но работающие на земле люди – трезвые реалисты: надежда на то, что боевой летчик в ходе текущей войны уцелеет, была очень мала, так что и речи быть не могло ни о какой женитьбе... Поэтому влюбленным пришлось ограничиться обменом клятвами верности. К тому же осенью 1916 года Герман отправился к новому месту службы – в резервный авиационный полк, базировавшийся в Бёблингене, неподалеку от Штутгарта. Это практически гарантировало вынужденный отпуск до самого окончания войны, но Геринг имел на этот счет другие планы. Желая как можно скорее вновь принять участие в боевых действиях, он послал в Главный штаб немецких военно-воздушных сил телеграмму, в которой сообщал, что, поскольку не смог найти Бёблинген ни на карте, ни в железнодорожном справочнике, принял решение кратчайшим путем вернуться на фронт...

Карта 2

Места расположения воинских частей, в которых служил лейтенант Геринг, в которых он участвовал, 1915–1918 гг.

Это было неслыханной дерзостью, и на сей раз такая выходка могла повлечь немедленный арест. Но, казалось, действие немецких военных уставов не распространялось на протеже фон Эпенштейна и кронпринца, и 3 ноября 1916 года Геринг без затруднений добрался

до своего бывшего места службы – авиабазы в Мюлузе, где лейтенант Лёрцер стал к тому времени командиром 26-й истребительной эскадрильи. В тот период в этом секторе у германских летчиков-истребителей было много работы, поскольку осенью 1916 года авиация Антанты особенно активизировалась. Поэтому Лёрцер, несмотря на предосудительное поведение приятеля, не смог отказаться от усиления своего подразделения в лице такого пилота, как Герман Геринг... Тем более что в день его прибытия на авиабазе хоронили лейтенанта Освальда Бёлке, воздушного немецкого аса, который за пять дней до этого погиб неподалеку от Бапома при посадке своего поврежденного «Альбатроса».

В ходе той суровой зимы 1916/17 года, когда от Фландрии до Вогезов огромные, зарывшиеся в землю, армии схлестывались друг с другом ради того, чтобы отвоевать у противника несколько сотен метров земли и снова их потерять, немецкие летчики со своими коллегами-союзниками вступали в схватки, которые становились все более кровопролитными, так как постоянно улучшались летные характеристики самолетов, вооружение и тактика ведения воздушных боев. В Эльзасе Геринг уже сбил восемь вражеских самолетов и был награжден еще тремя медалями. Его друг Лёрцер спас его однажды от неминуемой гибели, когда Герман очутился в прицеле английского самолета, и Геринг вернул ему долг чуть позднее, дав возможность вырваться из клещей трех французских истребителей. Двадцать восьмого апреля Герман Геринг сбил еще одного «сопвича», а 29-го – «Ньюпор»... Для молодого немецкого офицера, любившего славу и презиравшего опасность, это была именно та жизнь, о какой он мечтал. «Я не хочу быть таким, как все, – написал Геринг своей дульсинеи Марианне. – Для меня бой был и остается главным смыслом жизни, будь то бой против природы или против людей. Я не хочу быть членом стада, не я должен идти за ними, а они обязаны следовать за мной. Так пожелал Господь».

В начале мая 1917 года эскадрилья лейтенанта Лёрцера была переброшена на фронт во Фландрию, где ожидалось крупное наступление англичан, а младший лейтенант Геринг был назначен командиром 27-й эскадрильи, действовавшей в том же секторе. Базировавшаяся в Изегеме, неподалеку от города Ипр⁸, эта эскадрилья была у командования на плохом счету, и Геринг решил это положение исправить. Хороший организатор, он к тому же внимательно изучал тактику ведения боя противником и понял намного раньше своих товарищей, что воздушные одиночные схватки, какими бы героическими они ни представлялись, перестали оказывать решающее влияние на ход операций. Английские летчики-истребители, в большом количестве появившиеся в небе над Фландрией, старались добиться стратегического результата, прикрывая рейды своих бомбардировщиков в глубину территории противника. Эти действия, казалось, сулили меньше славы, нежели одиночные схватки, но зато оказывались более эффективными с военной точки зрения. И высшее военное командование Германии поняло это и перестроило эскадрильи, объединив их в истребительные эскадры по пятьдесят самолетов в каждой, способные противостоять английским «авиационным крыльям». Первый истребительный полк возглавил Манфред фон Рихтгофен, легендарный Красный Барон, сбивший к тому времени больше вражеских самолетов, чем все остальные воздушные немецкие асы, вместе взятые⁹. Двадцать шестая и 27-я эскадрильи Лёрцера и Геринга были затем сведены в 3-ю истребительную эскадру, которая действовала во Фландрии в течение всей зимы 1917/18 года и боролась за господство в воздухе. Противники уже начали побаиваться их «фоккеров», крылья которых имели «шахматную» черно-белую раскраску.

⁸ См. карту 2

⁹ К 1 ноября 1917 года он сбил шестьдесят один вражеский самолет, а на счету Геринга и Лёрцера было по пятнадцать воздушных побед.

В отличие от Красного Барона, гордившегося своей репутацией беспощадного убийцы и действовавшего соответственным образом, Герман Геринг, получивший в августе 1917 года звание обер-лейтенанта, старался всячески поддерживать рыцарский дух в ходе воздушных сражений. Подбив и заставив приземлиться противника, Геринг не расстреливал его самолет на земле: пролетев над поверженным врагом, он приветствовал его выразительным жестом и вновь набирал высоту. Однажды, когда одному весьма отчаянному английскому летчику пришлось посадить свой самолет на занятой немцами территории, обер-лейтенант Геринг приземлился рядом, желая поздравить противника... Один датский летчик, воевавший на стороне французов, оказался в беспомощном положении, когда его пулемет заклинило: он отчаянно колотил по затвору и магазину, а заметив противника, решил, что настал его последний час, — но вдруг датчанин с удивлением увидел, что немецкий самолет начал удаляться, а пилот дружески помахал ему рукой. Этот скандинав даже представить себе не мог, что средневековый кодекс чести не позволял Герману Герингу добивать противника, сломавшего копье в ходе турнира¹⁰. А позже имел место эпизод с английским капитаном Фрэнком Бьюмоном из 56-й эскадрильи Королевского летного корпуса, которому пришлось сесть на вражескую территорию из-за поломки крыла его самолета. Капитана арестовали и привели в штаб 27-й немецкой эскадрильи, где обер-лейтенант Геринг предложил пленному шоколад и сигареты и организовал банкет в его честь. Геринг высоко оценил действия подразделения противника и в конце добавил: «Ради бога, не попадайте в руки пехотинцев. Если можете, оставайтесь с нами. Мы вами займемся, и вам будет здесь намного лучше!» Английский летчик, целый месяц пользовавшийся немецким гостеприимством, вспомнил об этом спустя чуть менее двух лет...

Весна 1918 года началась для немецкой армии весьма удачно: русский фронт рассыпался, американцы в бои всерьез не ввязывались, предпринятые Антантой в ушедшем году наступления обескровили их войска и даже вызвали серьезные разногласия между союзниками, а Гинденбург и Людендорф, назначенные на высшие посты в немецкой армии после провала под Верденом и отставки фон Фалькенхайна, выработали новую наступательную стратегию, которая, как они надеялись, должна была привести к окончательной победе. Двадцать первого марта 1918 года сорок восемь немецких дивизий перешли в наступление на участке между Аррасом и Компьенем на стыке французских и английских войск и сумели прорвать линию обороны союзников. В конце мая германские войска оказались всего в 80 километрах от Парижа... Многим немцам уже виделась скорая победа, и Геринг был чрезвычайно горд тем, что способствовал этому успеху. Он одержал свою восемнадцатую официально зарегистрированную победу во главе эскадрильи, боевые качества которой значительно выросли после назначения его командиром. А в начале мая до него дошла весть, которую он так долго ждал: его наградили орденом «За заслуги», высшей военной наградой кайзеровской Германии. Несмотря на то что некоторые другие пилоты сбили больше самолетов, чем он, награда была присвоена Герингу по совокупности заслуг. И 2 июня кайзер лично вручил ему маленький, но столь желанный мальтийский крест, покрытый синей эмалью¹¹. Таким образом, в двадцать пять лет Герман Геринг официально вошел в очень узкий круг настоящих героев войны, тех, чьи фотографии печатались на почтовых открытках и распространялись по всей Германии, вызывая трепетное уважение у мужчин и приливы страсти у девиц...

Возвышение обер-лейтенанта Геринга на этом не закончилось. За месяц до этого, на следующий день после своей восьмидесятой подтвержденной победы в воздушном бою,

¹⁰ Более прозаичным объяснением этого эпизода представляется то, что Геринг к тому времени расстрелял весь свой боезапас...

¹¹ Кое-кто уверяет, что в этом деле Лёрцер, кронпринц и фон Эпенштейн использовали все свое влияние. Вполне могло быть и так.

капитан Манфред фон Рихтгофен не вернулся на базу. Его сбил канадский летчик, противники похоронили Красного Барона с воинскими почестями, а фотографии его украшенной цветами могилы вскоре сбросили с самолетов над позициями немецких войск. Рихтгофен оставил некое подобие военного завещания, в котором назначал своим преемником лейтенанта Рейнхарда. Именно Рейнхард и стал в начале мая 1918 года командиром истребительной эскадры «Рихтгофен», но пробыл в этой должности недолго. Немецкая авиационно-строительная промышленность продолжала производить все новые типы самолетов и постоянно приглашала немецких асов опробовать новые машины¹². И 3 июля 1918 года Рейнхард и Геринг оказались на берлинском аэродроме Адлерсхорст в окружении многочисленных инженеров с целью «облетать» усовершенствованный «Альбатрос». Обер-лейтенант Геринг вылетел первым, совершил несколько маневров на большой скорости, продемонстрировал несколько элементов высшего пилотажа на большой высоте, сделал «бочку» перед посадкой, приземлился и объявил, что очень доволен новым самолетом. Потом лейтенант Рейнхард сел в кабину, поднял самолет на высоту 2000 футов, выполнил несколько крутых виражей и уже пошел на посадку, но тут вдруг левая плоскость самолета оторвалась от фюзеляжа... «Альбатрос» вошел в крутое пики и врезался в землю. Лейтенант Рейнхард погиб на месте. Все полагали, что его преемником станет Эрнст Удет или Эрих Левенхардт, поскольку оба они были лучшими пилотами знаменитой 1-й истребительной эскадры. Но 7 июля 1918 года на авиабазе Бенье асы «кружка Рихтгофена» обступили младшего лейтенанта Карла Боденшаца, который сообщил товарищам, что вышел приказ командования военно-воздушных сил Германии № 178654, согласно которому «обер-лейтенант Герман Геринг назначен командиром истребительной эскадры имени Манфреда фон Рихтгофена».

Станет ли Геринг хорошим командиром этого наиболее известного германского авиасоединения? Боденшац твердо это утверждал, но именно его убежденность заставила других усомниться в этом. Все другие пилоты категорически это отрицали, но на их объективность в значительной степени повлияла зависть. Однако у Германа Геринга не оказалось ни времени, ни возможности проявить себя в должности командира: приняв командование 14 июля 1918 года и возобновив полеты на следующий же день, он оказался между молотом и наковальней, поскольку в тот момент расклад сил стал катастрофически меняться не в пользу Германии: британские дивизии, прижатые к Ла-Маншу, выстояли, а французы в июне остановили немецкое наступление в районе Шмен-де-Дам. Тут еще и американцы начали принимать более активное участие в боевых действиях, союзные танки действовали очень эффективно. И к середине июля, когда началась вторая битва на Марне, немцы оказались столь же уязвимыми, как и во время первой битвы: их войска были измучены, а пути снабжения чрезвычайно растянуты...

Несмотря на отвагу летчиков, немецкая авиация уже не имела возможности оказывать серьезное влияние на исход битвы, тем более что авиация союзников превосходила немецкую числом самолетов. Уже 15 июля в военном дневнике Геринга появилась такая запись: «Множество боев с большим числом самолетов противника в долине Марны. [...] Во второй половине дня отмечена повышенная активность авиации противника на всех высотах. Особенно активно ведут себя крупные формирования одноместных английских истребителей. [...] Совершили 99 боевых вылетов. Активность противника продолжает возрастать». Восемнадцатого июля эскадра «Рихтгофен» сбила девять французских и два английских самолета, а Геринг записал на свой счет 22-й сбитый им самолет союзников. Но в то же время он отметил в своем рапорте: «Количество английских одноместных истребителей возрастает [...], французские двухместные самолеты постоянно летают плотным строем и незамедли-

¹² То же самое предпринимали и французские авиастроители. Именно в ходе одного из таких испытательных полетов получил очень серьезную травму воздушный французский ас Шарль Нунжессе.

тельно атакуют, в основном на малой высоте. Это двухмоторные самолеты “Кодрон”, чью броню не пробивают наши пули. Я лично атаковал 15 июля один “Кодрон”, потратив на него практически весь боезапас. Но “Кодрон” продолжал полет, не обратив на меня ни малейшего внимания». В это, конечно, трудно поверить, но последние модели поступивших на вооружение союзной авиации «сопвичей», «бристолей», «ньюпоров», SPAD, а также истребитель RAF S.E.5 имели более высокие летно-технические характеристики, нежели немецкие «фоккеры», «пфальцы», AEG, «альбатросы» и «хальберштадты». А главное, союзных самолетов было значительно больше...

С 26 июля по 21 августа Геринг находился в отпуске, а когда вернулся на фронт, обстановка там сильно осложнилась. После провала второго наступления кайзеровской армии на Марне контратаки войск Антанты встречали значительно меньшее противодействие со стороны немцев. Восьмое августа стало черным днем для немецких войск: под Амьеном им пришлось отступить на 14 километров. Союзники захватили 22 000 пленных и 400 немецких орудий. Эта катастрофа стала концом наступательных действий Германии и началом целой череды отступлений, ускоренных в начале сентября уничтожением суассонского выступа. Моральный дух немецкой пехоты, остававшийся весьма высоким в течение четырех лет войны, начал падать при первых же отступлениях под Лиллем, Дуэ, Камбре и Сен-Канте-ном. Для немецкой авиации это означало необходимость постепенно оставлять аэродромы передового базирования, которые попадали в зону досягаемости огня артиллерии противника. Кроме того, личный состав эскадры «Рихтгофен» за неимением зенитных пушек не имел возможности с земли противостоять налетам французских бомбардировщиков, и летчикам-истребителям приходилось все чаще сокращать радиус своих действий, чтобы защитить собственные базы.

Эскадра теряла чуть ли не по два сбитых самолета ежедневно, не считая раненых. Пилоты были утомлены, самолеты до крайности изношены, не было запчастей, а вскоре начались перебои с топливом. А ведь эскадре надо было биться за господство в небе над Мецем, Седаном, Мобежем и Монсом... То, что Герингу удавалось сохранять боеспособность своего подразделения и поддерживать на должной высоте моральный дух подчиненных в таких катастрофических условиях, свидетельствует об его командирских и организаторских качествах. Но к середине сентября в «Рихтгофене» осталась лишь половина летного состава – 53 летчика и сержанта, – а также 473 рядовых, включая поваров, снабженцев и охрану. И поэтому никто не удивился, когда в часть пришел приказ кронпринца: «В связи с тяжелыми потерями, понесенными истребительной эскадрой, приказываю переформировать ее в истребительную эскадрилью. Ей предписывается действовать совместно с 3-й авиационной эскадрой под командованием Грейма¹³».

Авиационное подразделение «Рихтгофен», уменьшавшееся, словно шагреновая кожа, постоянно передвигалось, стараясь не подвергаться атакам противника: Гюиз, Каппи, Стене, Марвиль... В каждом новом месте Геринг и его люди получали новости из тыла, и эти вести оказывались еще тревожнее, чем обстановка на фронте: 3 октября принц Максимилиан Баденский был назначен канцлером, и, по некоторым слухам, он якобы при посредничестве Швейцарии обратился к Соединенным Штатам с предложением начать переговоры о перемирии. Болгария только что капитулировала без боя, после чего ожидалось падение Турции и распад Австро-Венгрии. Из самой Германии постоянно поступали тревожные известия: 26 октября Людендорф подал в отставку, 28 октября немецкий флот отказался выйти в море для того, чтобы с честью погибнуть, и восстал. Советы матросских и солдатских депутатов захватили Киль и другие порты на севере Германии. Волнения моментально охватили армейские части, расквартированные поблизости. Тем временем во Франции отступающие

¹³ Это тот самый Роберт Риттер фон Грейм, который активно участвовал в двух мировых войнах.

немецкие пехотные части, проследовав через расположение базы эскадрильи «Рихтгофен» в Марвиле, принесли новости о неудержимом наступлении союзников на широком участке фронта, а когда подтвердилось, что французы и американцы во многих местах форсировали реку Мёз, в журнале боевых действий эскадрильи «Рихтгофен» появилась запись об очередном отступлении:

«7 ноября. Напряженные бои на восточном берегу реки Мёз. Противник опять продвинулся на восток. Необходимо эвакуироваться с аэродрома Марвиля. Отходим на своих грузовиках в направлении Теланкура. Аэродром западнее города находится в ужасном состоянии, взлетная полоса усеяна бугорками, покрытых травой участков крайне мало, казармы умеренной комфортности. Дожди и облака».

8 ноября. Занялись оборудованием аэродрома и казарм. Пасмурно. Плотная облачность».

Но в журнале боевых действий подразделения в тот день остались незафиксированными другие, более важные события: на улицах Берлина произошло несколько стычек, солдаты стреляли в своих офицеров, в Компьенском лесу проходили переговоры между маршалом Фошем и немецкой комиссией по заключению перемирия под руководством Маттиаса Эрцбергера. А потом, вечером того же дня, в Марвиль пришла новость, которая была обнародована только на следующий день: кайзер Вильгельм намерен отречься от трона, а король Баварии Людвиг III за два дня до этого бежал из дворца...

Утром 9 ноября, когда в Берлине была провозглашена республика, а в Мюнхене запестрели красные знамена, Геринг собрал своих офицеров и сказал им, что, несмотря на потерянность политиков и штабов, эскадрилья «Рихтгофен» непременно должна сохранять единство. Если часть атакуют солдаты-предатели, подразделение будет защищаться с применением оружия. Дух коллективизма явно не угас: в ту ночь офицеры истребительной эскадрильи «Рихтгофен» стояли на часах вместе со своими подчиненными, их командир тоже был с ними.

На следующий день в подразделение из штаба 5-й армии поступили противоречивые приказы: отступить на Дармштадт, оставаться на месте, сдаться американским войскам... Геринг решил выполнить приказ, с которым был согласен сам: имущество отправится в Дармштадт наземным маршрутом, а самолеты вылетят туда. Но из-за тумана в тот день не представилась возможность взлететь, а на следующий день, утром 11 ноября, штабной офицер доставил новый приказ верховного командования: снять с самолетов вооружение и перегнать их в Страсбург для передачи французам. Прибывший офицер уточнил, что невыполнение приказа может помешать переговорам о перемирии. Посоветовавшись с ближайшими соратниками – Боденшацем, Удетом, Левенхардтом и Лотаром фон Рихтгофеном¹⁴, – Геринг согласился отправить в Страсбург пять самолетов, а остальные, как и было предусмотрено, в Дармштадт. Пять самолетов вылетели в Страсбург, и летчики, следуя указаниям Геринга, при посадке опрокинули все машины через носовую часть, сделав их непригодными к использованию. Остальные самолеты полетели в Дармштадт, но четыре пилота заблудились в тумане и сели в Мангейме. Аэропорт этого города находился под контролем революционного совета рабочих и солдат, которые конфисковали все бортовое вооружение для собственных нужд. Узнав об этом, Геринг отправил в Мангейм эмиссаров с ультиматумом: или оружие будет возвращено незамедлительно, или его самолеты совершат налет на аэродром и разгромят его. Революционеры сразу же все отдали, и самолеты вернулись в Дармштадт, где и были приведены в негодность. В тот вечер Геринг записал в журнале боевых действий своей эскадрильи:

¹⁴ Младший брат Красного Барона. Его кузен Вольфрам тоже в конце войны служил в эскадрилье «Рихтгофен».

«11 ноября. Заключено перемирие. Эскадрилья перелетела в Дармштадт при плохой погоде. Со времени своего формирования истребительная эскадра сбила 644 вражеских самолета. Наши потери: погибли 56 офицеров и младших командиров и 6 рядовых, получили ранения 52 офицера и младших командиров и 7 рядовых».

Это был некролог эскадрилье «Рихтгофен»... Официальная демобилизация состоялась несколько дней спустя в Ашаффенбурге неподалеку от Франкфурта. Этот городок, как и многие другие, балансировал между революцией и анархией: солдаты, матросы и рабочие-большевики, став властителями улиц, оскорбляли офицеров и срывали с их мундиров награды. Толпа, которая еще вчера приветствовала своих героев, теперь встречала их с враждебностью и угрюмостью. Как можно было оставаться равнодушными к такой внезапной перемене? Церемония демобилизации проходила во дворе какой-то типографии, после чего рядовые разошлись, а офицеры собрались в ближайшей таверне. «Им следовало бы вернуться в свои семьи, – вспоминал Боденшац, – но они явно не решались уходить, словно опасались того, что их ждало по возвращении. В этой новой Германии, странной, пугающей и побежденной, все мы чувствовали себя иностранцами и, как все иностранцы, старались держаться вместе. [...] Помню, что настроение Германа балансировало на грани цинизма и ярости. Он заявил, что намерен эмигрировать в Южную Америку и навсегда проститься с Германией, но потом вдруг заговорил о великом крестовом походе, который должен вернуть родине потерянное ею величие. [...] А затем в какой-то момент он поднялся на небольшое возвышение со стаканом в руке и начал говорить [...] об эскадре “Рихтгофен”, о подвигах, мастерстве и смелости летчиков подразделения, которые прославили его на весь мир. “Только в Германии сегодня ее имя марается в грязи, ее подвиги забыты, ее офицеры оскорблены”, – заключил он. А затем яростно высказался о революционерах, которые разрушали страну, позорили армию и всю Германию. [...] “Но мы сумеем побороть эти силы, которые пытаются сделать нас рабами, и победа будет за нами, – добавил он, – те самые качества, что прославили эскадру “Рихтгофен”, пригодятся в мирное время, как годились во время военное”. Потом он поднял свой стакан и сказал: “Господа! Предлагаю тост за Родину и за эскадру “Рихтгофен”!” Он выпил и разбил стакан о пол. И все мы последовали его примеру. Многие из нас плакали, и Герман в том числе».

В Германии той поры царил такой беспорядок, что для того, чтобы доехать до Мюнхена, надо было проехать через Берлин. Когда демобилизовавшийся в звании капитана Геринг в поисках работы приехал в столицу вместе с Эрнстом Удетом в середине декабря 1918 года, их пригласили на собрание Общества защиты демобилизованных офицеров в Берлинскую филармонию, где по поручению правительства выступил генерал Георг-Ханс Рейнхардт, военный министр Пруссии. Он призвал собравшихся не порывать связей с армией, постараться пережить тяжелые времена и пообещал принять всех желающих в военизированные формирования, создававшиеся для защиты правительственных зданий от мятежников и экстремистов. Рейнхардт пришел на собрание уже в униформе новых отрядов, принятой в упрощенном варианте: эполеты заменили скромные голубые нашивки на рукаве. Обращаясь к офицерам, генерал сказал, что эти нашивки ему не очень-то по душе, но придется потерпеть некоторое время. Однако Геринг, всегда придававший чрезмерное значение военной символике, не стерпел. Он попросил слова и, не дожидаясь приглашения, вышел на сцену. Геринг был в полной форме офицера кайзеровской армии, с белыми эполетами, на которых сверкали капитанские звезды, с орденом «За заслуги» на голубой с золотом ленте, повязанной вокруг шеи, с полным набором Железных крестов и другими наградами. И при общем молчании пораженной публики сказал, обращаясь к Рейнхардту: «Ваше превосходительство, эти голубые нашивки вам не к лицу! Лучше бы вы повязали черную ленту в знак скорби по германской армии. [...] Мы, офицеры, выполнили свой долг на войне! Долгих

четыре года мы рисковали жизнью ради отечества, а теперь они плюют на нас и лишают нас последнего, что у нас осталось, – наших званий и наград! Позвольте мне заявить, что не народ виноват в нашей беде. [...] Винить надо тех, кто нанес удар в спину нашей славной армии, – тех людей, которые думают только о захвате власти и о том, чтобы обогатиться за счет народа!» Затем Геринг сказал, что день расплаты придет и что предатели будут изгнаны из Германии, и призвал всех трудиться ради этого дня и готовиться к нему.

Излишне говорить, что слова Геринга были встречены бурей аплодисментов. Но оба раза, когда публично произносил импровизированные речи, капитан Геринг выразил негативное отношение к обоим политическим течениям, которые в то время боролись за власть в Германии: в Ашаффенбурге высказался против революционных советов рабочих и солдатских депутатов, в Берлине – против социалистического правительства Эберта... Однако во время второго своего выступления Геринг ввел в обращение обостривший политическую борьбу в Германии на целое десятилетие миф об «ударе в спину», согласно которому германская армия проиграла войну не на полях сражений, а из-за предательства левых внутри страны. Действительно, внешний враг не сломил кайзеровские войска, а союзные армии не оккупировали Германию. Но утверждение, что страна могла бы еще долгое время продолжать борьбу в деморализованном и нестабильном состоянии, в каком она оказалась в ноябре 1918 года, свидетельствовало о непонимании ситуации либо было просто нечестностью, и Геринг, с его опытом и связями, должен был это четко сознавать. И вот это самое ослепление положило начало многим бедам в будущем...

Вернувшись в Мюнхен, Герман Геринг увидел, что после поражения мать его ведет такую же трудную жизнь, как и все остальные соотечественники. Но ему пришлось вскоре покинуть родной дом, поскольку его активно разыскивали... Дело было в том, что в начале 1919 года советы рабочих и солдат, тайно поддерживаемые большевиками, захватили власть в Мюнхене и принялись устанавливать в городе режим террора, направленный прежде всего против офицеров бывшей императорской армии. Над Герингом, примкнувшим к образованному из ветеранов подразделению «Добровольческого корпуса», которое выступало против власти новых, коммунистических правителей Мюнхена, нависла угроза уничтожения, но ему удалось найти неприступное убежище. Мы помним капитана Бьюмонта, английского летчика, который за два года до описываемых событий пользовался гостеприимством офицера 27-й истребительной эскадрильи лейтенанта Геринга. Так вот, случилось так, что Фрэнк Бьюмонт возглавил миссию союзников, которая осуществляла надзор за расформированием подразделений немецкой военной авиации. Штаб-квартира этой миссии разместилась в гостинице «Четыре времени года» в Мюнхене, где Бьюмонта и посетили в начале февраля 1919 года Геринг и Удет. Английский офицер, чем бы он ни занимался, был благодарным человеком, и он предложил им на месяц приют, питание и свою личную защиту, а затем помог тайно выбраться из Мюнхена, связав их с людьми из подразделения «Добровольческого корпуса», которое обосновалось в окрестностях Дахау. Несколько дней спустя это подразделение атаковало красные бастионы Мюнхена, разбив их из пушек, а затем взяло в свои руки власть во всей Баварии...

Геринг лично в этих боях не участвовал. Он искал для себя работу, но никак не мог ничего найти. Попытавшись снова установить контакт с Марианной Маузер, своей возлюбленной из Маутерндорфа, получил лишь короткую записку от ее отца: «Что ты можешь предложить моей дочери теперь?» Ответ Германа был еще короче: «Ничего».

Этого было явно мало, но так оно и было: капитан Геринг не имел права на военную пенсию, а кроме как обращаться с оружием, делать больше ничего не умел. После своей резкой речи в Берлине он полностью лишился возможности продолжить военную карьеру

в будущем рейхсвере. Всего за восемь месяцев Герман Геринг рухнул с вершины славы и благополучия в пропасть безвестности и нужды...

III

Блуждания

На помощь безработному капитану пришла немецкая самолетостроительная промышленность. Несмотря на то что Версальский договор еще не был подписан, уже было известно, что Германия лишится права возродить свою военную авиацию, однако запрет никоим образом не коснется авиации гражданской. Поэтому производители истребителей времен мировой войны быстро переориентировались, а Фоккер оперативно выпустил гражданскую версию последней модели своего биплана D VII и решил показать его в Копенгагене, где в апреле 1919 года устраивалась большая авиационная выставка. А кто мог лучше всех представить самолет и выполнить демонстрационные полеты, как не бывший командир эскадры «Рихтгофен». Ведь разработчики фирмы прекрасно знали его как летчика-испытателя! Когда к нему с этим предложением обратился Антон Фоккер, Геринг не стал колебаться ни секунды. «Я согласился, – вспоминал он, – но при условии, что этот самолет после проведения салона станет моей собственностью. Фоккер не возражал, и я начал немедленно готовиться к вылету. Поскольку предстояло лететь над Балтийским морем, а у меня, естественно, спасательного жилета не было, я надел на грудь накачанную велосипедную камеру и поднялся в воздух. В 18 часов того же дня я приземлился в Копенгагене».

Там капитана Геринга приняли очень тепло. В Скандинавии продолжали высоко ценить асов воздушного германского флота. И как во времена расцвета его славы, Геринга сразу же засыпали просьбами дать автограф. С ним также связались руководители датской гражданской авиации, планировавшие установить авиационное сообщение с Германией и соседними скандинавскими странами. Для этого они намеревались закупить пять новых самолетов типа «биплан». Тут Геринг неожиданно для самого себя превратился в предпримчивого торгового агента: он моментально сумел убедить датчан в прекрасных летных качествах «Фоккера» D VII. Но еще более убедительным стал его показательный полет: ни один летчик другой национальности не решился исполнить фигуры высшего пилотажа, которые продемонстрировал Герман Геринг. Потом он скромно сказал: «В военное время я был в лучшей форме [...], а в сравнении с воздушными боями, которые я вел над Фландрией, эти безобидные полеты в весеннем небе показались мне детской игрой». Возможно, это было сказано для красного словца: когда он летел над портом Копенгагена на низкой высоте, в винт его самолета попала чайка, и винт разлетелся на куски... Самолет начал пикировать, но Герингу удалось выровнять его в самый последний момент и приземлиться в планирующем полете на прибрежную песчаную косу. Зрители, решившие, что это новая фигура высшего пилотажа, горячо зааплодировали Герингу и тут же дали ему прозвище Безумный Летчик. Радостные представители фирмы «Фоккер» немедленно предоставили ему запасной винт... и новый самолет в качестве подарка!

Царившая в Дании атмосфера явно понравилась капитану Герингу, и он решил остаться там после окончания авиационного салона. Гранд-отель «Мариенлист», центр модного тогда курорта, предложил ему катать на самолете клиентов, а за работу – жилье, питание и солидное вознаграждение. Конечно, работа эта была сезонной, но от этого не становилась менее приятной...

После дня полетов вдоль побережья Геринг приземлялся на пустынный пляж, подруливал на самолете к самой террасе отеля, закатывал машину хвостом вперед в зал для игр через большую стеклянную дверь и привязывал хвост самолета к бильярдному столу... Двадцать семь лет спустя он все еще смеялся над этим: «Представляете себе это зрелище! Из-под балкона прекрасного отеля торчат крылья, двигатель и шасси немецкого самолета.

К несчастью, каждый день приходилось выкатывать его оттуда ранним утром, чтобы иметь возможность взлететь до появления на пляже купальщиков [...], и поэтому клиенты отеля просыпались, как по сигналу, от мощного рева двигателя!»

Немецкий ас зарабатывал деньги: на разных аэродромах он предлагал желающим совершить первый в их жизни полет за 50 крон; Геринг также присоединился к «летающему цирку» датских летчиков, предложившему ему 2500 крон и столько шампанского, сколько он сможет выпить, всего за два дня воздушной акробатики над городом Оденсе. То, что он выпил первую бутылку *перед* началом выступлений, казалось, ничуть не повлияло на его технику пилотирования, даже наоборот. Но выпивка после посадки – совсем другое дело: перебор со спиртным и последовавшие за этим выходки вынудили его сменить лучший номер гранд-отеля на худшую камеру полицейского комиссариата Оденсе. Наутро все уладилось, и комитет по организации праздника города предложил ему 50 крон за каждую «мертвую петлю», которую он выполнит над городом. До десятой петли на аэродроме царил веселье, потом, начиная с двадцатой, стала чувствоваться некоторая озабоченность, после исполнения же пятидесятой петли руководство комитета начало предчувствовать катастрофу... Но Геринг великодушно ограничился половиной заработанной им суммы! А потом наступил тот памятный день, когда он вместе с четырьмя другими бывшими пилотами эскадрильи «Рихтгофен» выполнил ряд фигур высшего пилотажа, вызвавших восторг у жителей Копенгагена. Вечером того же дня некая прекрасная датчанка привела его к себе домой... «Мы провели ночь в ванне шампанского», – написал потом Геринг своему приятелю Боденшацу. Позже тот так прокомментировал эти слова: «Я все еще не знаю, следовало ли мне понимать его буквально, и, естественно, ни разу не посмел его об этом спросить». И сделал все-таки такой занятный вывод: «Почти целый год он прожил, словно чемпион мира по боксу. Зарабатывал больше денег, чем мог потратить, и мог заполучить любую девушку».

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается: ночные похождения наделали много шума, почти не скрываемая связь с замужней женщиной добавила новых сплетен, а после того июньского дня 1919 года, когда он узнал условия заключения Версальского мира, Геринг перестал быть гвоздем программы устраивавшихся в городе ужинов. Тогда он пришел в ярость и закричал в присутствии двух десятков пораженных гостей: «Настанет день, и мы вернемся, чтобы подписать другой договор!» Осенью 1919 года датчане с исключительной вежливостью попросили его попытать счастья в другой стране...

В середине декабря Герман Геринг вылетел в Швецию. Посадив свой «фоккер» неподалеку от Линчёпинга – при этом он сломал шасси самолета, – безработный пилот добрался до Стокгольма поездом. Прибыв в столицу Швеции, он предложил свои услуги авиакомпании «Свенска люфтвафлик», которая намеревалась установить регулярное воздушное сообщение между основными городами страны. В то время в Скандинавии опытных летчиков было немного, и воздушный ас капитан Геринг ожидал, что его встретят с распростертыми объятиями. Но, возможно, потому, что его репутация воздушного акробата и распутника уже достигла Швеции, руководство фирмы «Свенска люфтвафлик» встретило его довольно прохладно и согласилось нанять лишь в качестве «пилота-контрактника» – что-то вроде пилота, перевозящего пассажиров по их просьбе. Зарплату ему предложили небольшую, но Геринг в то время стал эксклюзивным торговым агентом в Швеции немецкой фирмы «Хейнекен», производившей парашюты, снабженные системой автоматического раскрытия купола, что было по тем временам новинкой. Таким образом, жизнь в Швеции обещала стать приятной, к тому же во время войны шведы испытывали определенную симпатию к Германии, а поражение и экономический кризис в этой стране эти симпатии только усилили. И Геринга, чья репутация героя давно уже преодолела Балтийское море, благосклонно принял местный высший свет. Конечно же для человека, привыкшего к опасной военной жизни, к воздушным боям и к высшему пилотажу, несколько провинциальный и пуританский образ жизни

в Стокгольме мог показаться скучноватым. Но все изменил случай, да так, что превзошел все ожидания Геринга...

Двадцатого февраля 1920 года в конторе авиакомпании «Свенска люфттрафик» появился швед благородных кровей – граф Эрик фон Розен, прославившийся в начале века на весь мир своими экспедициями в Африку и Южную Америку. Граф хотел попасть в свой замок Рокельстод неподалеку от Спаррехо льма, примерно в 150 км от Стокгольма, но опоздал на последний поезд... Предоставим фон Розену рассказать, что было дальше: «Поскольку мне требовалось как можно скорее попасть в Рокельстод, я обратился в авиационную компанию, где мне сказали, что погода для полетов совсем непригодна. Два самолета уже пытались взлететь, но снежная буря вынудила их вернуться. Я стал настаивать, и во время разговора мне сообщили, что у них работает бывший немецкий летчик-истребитель, некий капитан Геринг, который, возможно, согласится полететь».

Но графа при этом не уведомили, что несколько шведских летчиков, которым до этого предложили слетать в Рокельстод, заявили, что они не самоубийцы. Их отказ оказался предсказуем, ответ Геринга тоже можно было предвидеть: «Мне было очень трудно отказаться, даже несмотря на то, что время было уже позднее, потому что в это время года в 17 часов уже темнело. Я попросил принести карту и стал готовиться к полету – изучал карту в течение получаса, для того чтобы запомнить ее. Именно так я делал на французском фронте. [...] Наконец я рассмотрел снимок замка Рокельстод, который нашел в каком-то шведском атласе культурных ценностей: я хотел, чтобы эта картинка сохранилась у меня в мозгу. Замок располагался на берегу озера, которое в это время года уже успело замерзнуть и являлось хорошей посадочной площадкой...»

В половине третьего дня фон Розен, Геринг и его механик прибыли на аэродром. Небо было еще чистым, но на юге уже виднелось нечто вроде стены из темно-серого снега зловещего вида. Два шведских летчика подошли к ним и стали отговаривать от полета, поскольку надвигалась очень мощная снежная буря. О том, что было дальше, рассказывает сам Геринг: «Я усадил сзади механика и графа фон Розена, завел двигатель и взлетел. Но уже на пути, над городком Гестер – или что-то в этом роде¹⁵, – буря настигла нас. Она оказалась такой сильной, что даже сегодня не могу слышать название этого населенного пункта без того, чтобы не вспомнить об ужасном буряне, вынудившем нас снизиться на километр всего за несколько секунд. Самолет исполнял какой-то дьявольский танец, его постоянно тянуло вниз, мы едва не касались верхушек деревьев, потом он резко взмывал вверх. Мне с большим трудом удавалось вести его в горизонтальном полете. [...] Один раз я едва не врезался в вершину какой-то горы, дважды едва не задел верхушки деревьев. Можете мне не верить, но ручка управления самолетом изогнулась. Наконец мы увидели пейзаж, который походил на тот, что был нам нужен. Буря слегка утихла. Я разглядел внизу замок на берегу белого озера, поблескивавшего льдом в последних лучах дня. Обернувшись к фон Розену, я выкрикнул название замка и сделал вопросительный жест рукой. Граф мотнул головой, и мы продолжили полет. Некоторое время спустя я увидел другой замок на берегу озера, но он явно отличался от того, что я видел на фото в Стокгольме. Я снова обернулся, чтобы спросить графа. Но тот отрицательно покачал головой. Однако теперь я хотел привести все в ясность и приземлился, чтобы расспросить кого-нибудь.

Естественно, первый замок, который мы увидели, и был Рокельстод... Неправильный ответ графа объяснялся очень просто: его сильно укачало, взгляд его помутился, и поэтому он ничего не мог видеть и не понял, о чем я его спрашивал. Итак, мы снова взлетели и через пять минут вернулись к замку Рокельстод. Я прикладывал так много усилий к управлению самолетом, что, несмотря на ветер и зимний холод, весь покрылся потом. Когда самолет

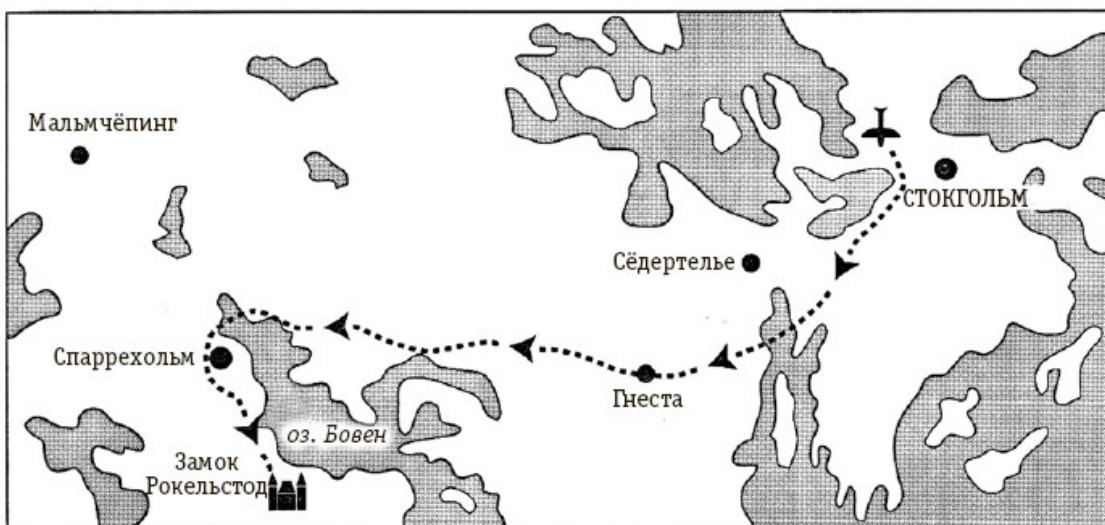
¹⁵ Город Гнеста (см. карту 3 на с. 55).

приземлился, навстречу нам вышли две женщины». Это была жена фон Розена и служанка, и они быстро отвели графа в замок. Геринг с механиком привязали самолет к выступу скалы и последовали за ними.

Все, что происходило потом, должно было показаться Герингу раем после пребывания в аду. После того как он принял горячую ванну и выпил для согрева крепкого грога, хозяин провел отважного летчика по лабиринтам замка. Сводчатые потолки залов, старинная мебель, картины, гербы, оружие, стяги, статуи, ковры, охотничьи трофеи и древние германские символы не могли не напомнить ему о счастливых днях жизни в Фельденштейне и Маутерндорфе. Затем все уселись за стол в парадном зале, где жарко горел огромный камин, украшенный средневековыми скульптурами. Начался шикарный ужин в обществе графа и его супруги Мари. Хозяева были крайне предупредительны и явно симпатизировали Германии. А когда к ним присоединилась высокая и стройная девушка с темными волосами и огромными голубыми глазами, пребывавший в приподнятом настроении Герман Геринг почувствовал блаженство. Появление красавицы – это оказалась Карин фон Фок-Канцов, младшая сестра хозяйки дома, – заставило его на какое-то время умолкнуть из-за того, что у него перехватило дыхание. «Ее облик и ее походка пленили меня», – просто скажет потом Геринг, который, по всеобщему признанию, был довольно болтлив. Графиня Фани фон Виларович-Меллендорф, третья сестра Карин, позже описала все, что случилось за ужином, более объективно. И хотя ее рассказ выглядит слишком лиричным, она, несомненно, дала довольно точное описание того памятного вечера: «В тот вечер мы сидели за столом очень долго. Летчик-истребитель смог поделиться своими мыслями свободно и открыто. Он внезапно высказал все долго копившееся в нем возмущение [...] относительно того, на что была обречена его родина. Он рассказал взволнованным слушателям об унижении его народа, поведал историю страданий прекрасной немецкой молодежи, сражавшейся до последней минуты. [...] Хозяин замка поднял свой бокал с немецким вином. [...] Он сказал, что хотел бы выпить за славное будущее Германии, в которое он сам и весь шведский народ твердо верили. Все торжественно встали, и хозяин дома горячо пожал руку своему гостю. Разговоры продолжились до поздней ночи. Граф фон Розен взял лютную, и присутствующие запели народные песни, чувственные, гордые и веселые. [...] В первый вечер Герман Геринг мало общался с Карин, поскольку был очень взволнован».

Карта 3

Из ада в рай: полет 20 февраля 1920 г.

На самом деле эта встреча взволновала и Карин. К тому времени она уже десять лет была замужем за шведским офицером и уже родила от него сына. Графиня Карин фон Фок-Канцов совсем не любила мужа, очень скучала и мечтала о великих приключениях и страстной любви. В Швеции тогда уже перевели роман «Госпожа Бовари» – но читала ли его Карин? Впрочем, это не имело значения: эта тридцати-двухлетняя женщина, отчаянно романтическая и немного загадочная натура, увидела перед собой вынужденно покинувшего родину немца двадцати семи лет, привыкшего к героическим поступкам, патриота, красавца, умного собеседника, в буквальном смысле свалившегося с неба, и сразу же поняла, что это мужчина ее жизни. Взаимное влечение родилось мгновенно и было в каком-то смысле сродни удару молнии после грозы... «Так случилось, – заключил позднее Герман Геринг, – что мой самый сложный полет стал самым прекрасным моим приключением».

На следующий день, выдавшийся погожим, Герман Геринг летел в Стокгольм с легкостью на сердце. Они с Карин дали друг другу обещание видаться, что и делали тайком в последовавшие за первой встречей месяцы, хотя возможности для этого представлялись очень редко. Справедливости ради надо отметить, что в то время Геринг много работал: как «водителю летающего такси» ему приходилось бывать во всех уголках Швеции, а также посещать Эстонию и Финляндию. Поскольку шведские летчики имели обыкновение ломать шасси своих самолетов при посадке – из восьми имевшихся у авиакомпаний «Свенска люфт-трафик» машин годными к эксплуатации оставались лишь две, – Геринга срочно наняли на должность инструктора, хотя зарплату увеличили не намного. Когда же наконец его личный «фоккер» был отремонтирован, Геринг возобновил полеты с выполнением фигур высшего пилотажа и имел определенный успех. А тем временем Карин приходилось исполнять обязанности супруги нелюбимого мужа и матери восьмилетнего мальчика, которого она обожала и боялась потерять в случае развода. К этому следует добавить, что здоровье ее не отличалось крепостью: Карин серьезно беспокоили слабые легкие и сердце.

Однако ни одна из этих проблем не смогла помешать Карин и Герману уехать в июне 1920 года в Мюнхен, где графиня познакомилась с семейством Герингов в полном составе¹⁶.

И там она с удивлением услышала, как Франциска Геринг строго отругала сына за то, что тот похитил жену уважаемого офицера и лишил восьмилетнего ребенка матери... Карин тоже досталось: ей было сказано, что единственное достойное решение – незамедлительно получить развод, чтобы соблюсти все приличия! Этот урок морали, преподанный женщиной, которая четырнадцать лет сожительствовала с любовником под одной крышей с мужем, мог бы возмутить, но капитан Геринг был послушным сыном, а Карин умела сохранять флегматичный вид в любой обстановке, так что согласие было вскоре установлено, а любовники провели прекрасное лето в баварских горах. Тот факт, что Карин посылала в ходе своего странствия почтовые открытки и фотографии сыну и *мужу*, удивил бы лишь того, кто еще не догадался о том, что история этой семейной пары была не совсем обычной...

В конце лета Карин вернулась в Швецию, где с радостью вновь встретилась с сыном Томасом, со своими родственниками и... с мужем Нильсом фон Канцов, который продолжал ее любить и терпеливо ждал ее возвращения в семью. Но его ждало разочарование, потому что Карин немедленно потребовала развода, несмотря на неодобрение родителей и сестер. Она стала умолять любовника вернуться в Стокгольм. Герман так и поступил. Вернувшись в Швецию в декабре 1920 года, он снова взялся за работу. Именно он проложил первый почтовый авиамаршрут между Германией и Швецией: Варнемюнде – Копенгаген – Мальмё. Параллельно он продолжил свою деятельность в качестве представителя немецкой фирмы, производящей парашюты, и один из его английских конкурентов, Вильям

¹⁶ Включая обеих сестер Германа, Ольгу и Паулу, младшего брата Альберта и старшего брата Карла Эрнста.

Блейк, набросал такой точный и провидческий портрет знаменитого летчика-коммерсанта той поры: «Геринг был очень способным, но несколько странным! Он считал, что может сравниться с кем угодно. [...] У него была удивительная склонность к саморекламе. [...] Его визитная карточка размером напоминала почтовую открытку, и в этом был он весь. Он все преувеличивал, делал из мухи слона. Ужасно любил хвастать. Полагаю, он надеялся, что ему поверят. Он очень любил вино. Мне кажется, что у него была слабость к женщинам. Он всегда стремился натворить много историй из ничего. Неплохой продавец. Но не из тех, кому можно было доверять. При всем этом он был очень умен, и в голове у него было много серого вещества». Сомнений нет, это истинный портрет нашего персонажа.

Любовники поселились в небольшой квартире в районе Остермальм. Образ жизни вели довольно скромный, к чему графиня не была приучена, но она жила ради своего Германа, а сестре Фани призналась: «Мы – словно Тристан и Изольда, опьяненные любовным напитком». Высшее стокгольмское общество, спокойно воспринимавшее творчество Вагнера, сурово осуждало поведение Карин, как и ее родные. Полковник барон Карл фон Фок, хотя он и имел немецкие корни и был явным германофилом, с большим неудовольствием относился к любви дочери к немецкому офицеру без родины, да еще и почти бедняку. Его супруга баронесса Хюльдин, мистично настроенная и крайне эксцентричная особа, с пониманием воспринимала романтическую сторону этой истории, что, несомненно, объясняло то, что пару несколько раз приняли в семейном доме, где юмор и обходительность Германа в конечном счете немного смягчили предубежденное отношение к нему. А поведение покинутого мужа выглядело еще более удивительным: следуя традициям того времени, лейтенант Нильс фон Канцов мог бы вызвать любовника жены на дуэль, но вместо этого он пригласил его на обед в обществе жены и сына! Обстановка за столом могла быть по крайней мере странной, но Геринг рассказывал о своих военных приключениях, Нильс фон Канцов с интересом его слушал, а юный Томас явно восхищался гостем, о чем сам позже и рассказал: «Я сразу же его полюбил. Это было нетрудно, потому что у него прекрасный характер. [...] Помню, как он очень нас развеселил, особенно когда заговорил о своих злоключениях в качестве летчика. Я видел, что мой отец очарован, и заметил, что мать практически не сводила глаз с Геринга. В то время я не мог выразить это словами, но чувствовал, что она в него влюблена».

Точно подмечено... Той весной 1921 года Карин и Герман были неразлучны. Их спартанский образ жизни только веселил их, сплетни шведского высшего света их не трогали, Томас часто уходил из отцовского дома к матери, а та водила любовника по музеям и картинным галереям Стокгольма, желая, чтобы ему передалось ее увлечение живописью и скульптурой. В этом она, кстати, преуспела сверх ожиданий... Но в то время Геринг понимал, что карьеры в Швеции ему не сделать: работодатели, конечно, ценили его мастерство, но их отталкивали его надменность, его предрасположенность делать из мухи слона и его стремление установить в компании строгую тевтонскую дисциплину, очень непонятную для шведского менталитета. С другой стороны, Герман, ставший политическим сиротой после падения кайзера и внимательно следивший за жизнью Веймарской республики, продолжал интересоваться развитием событий в Германии. Поэтому он взял в привычку внимательно читать берлинскую и мюнхенскую прессу, чтобы быть в курсе политической жизни своей страны. Имел ли он уже тогда какие-либо политические амбиции, желание сыграть в этой сфере свою особую роль? Вполне возможно, но он отлично осознавал, что пробелы в его политической культуре не позволяют надеяться на успех в политике. Вот что он сказал на этот счет: «Я понял: для того чтобы способствовать развитию страны, необходимо по меньшей мере знать механизмы этого процесса, постараться понять взаимосвязь между внешними и внутренними событиями». Постепенно у Геринга созревает решение вернуться в Мюнхен и поступить в университет для изучения экономики и политической науки. Он при-

нялся торопить свою подругу с разводом, но стоило той лишь поднять этот вопрос, как весьма мягкотелый Нильс фон Канцов дал понять, что в данном случае он потребует, и несомненно добьется, чтобы Томас остался с ним. Правду говоря, Карин в этом и не сомневалась, но она так любила сына... Поэтому летом 1921 года ее любовник вернулся в Германию один.

Осенью того же года Геринг стал студентом факультета политических и экономических наук Мюнхенского университета. Ему уже исполнилось двадцать девять лет, он, конечно, был старше большинства однокурсников, но дальнейшее развитие событий покажет, что Геринг прекрасно усвоил материалы лекций по экономике и политической науке, хотя они и могли казаться чистой теорией ему, непоседливому человеку, для которого дело всегда было важнее слова. Впрочем, нельзя с уверенностью говорить о том, что эти предметы он добросовестно изучал в Мюнхене зимой 1921/22 года: погода тогда стояла очень холодная, большей части населения было нечем отапливать дома, почти повсюду возникали голодные бунты, марка стремительно обесценивалась. В апреле 1921 года союзники определили, что Германия должна выплатить репарации в размере 132 миллиардов золотых марок. К тому же за полгода до этого Лига Наций передала Польше большую часть Верхней Силезии, где находились ценные с экономической точки зрения угольные шахты... Итак, недовольство народа Германии, которое не могло обратиться против победителей, обрушилось в первую очередь на правительство Веймарской республики, повинное в смертном грехе – подписании перемирия в ноябре 1918 года.

Таким образом, находившиеся у власти социал-демократы оказались между двух огней: сначала, весной 1920 года, консервативные силы при поддержке подразделений «Добровольческого корпуса» предприняли попытку государственного переворота, так называемый Капповский путч, потом последовали забастовки симпатизировавших коммунистам рабочих. А затем, в августе 1921 года, случилось убийство Маттиаса Эрцбергера, который возглавлял немецкую делегацию, подписавшую Компьенское перемирие. Не прошло и десяти месяцев после этого, как был убит министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау, сторонник политики полной выплаты навязанных Германии репараций. И словно всего этого было недостаточно, власти Баварии вскоре вступили в конфликт с Берлином по причине крайнего недовольства политикой социалистов населения этого монархически настроенного региона и желания получить определенную самостоятельность... С той поры сменявшие друг друга премьер-министры Баварии, фон Кар, Лерхенфельд и фон Книллинг, начали испытывать на себе сильное давление правых, требовавших отказаться применять в Баварии антитеррористические законы, которые навязывал Берлин, и не выполнять декреты о роспуске военизированных формирований. А крайне правых организаций ветеранов армии, подразделений «Добровольческого корпуса» и различных патриотических лиг в Баварии были сотни, и все эти организации вели очень активную деятельность. Некоторые из них стояли на позициях монархизма, национализма, автономии или сепаратизма, а большинство выступало с позиций ярко выраженного реваншизма, выступали против социалистов, коммунистов, клерикалов, парламентаристов, французов, республиканцев, капиталистов и евреев...

Не стоит говорить, что эта многогранная агитация находила отклики у преподавателей и студентов Мюнхенского университета. Зная, какие чувства владела Германом Герингом с 1918 года, невозможно даже представить, что подобные события могли оставить его равнодушным. Однако поначалу он воздерживался от активного участия в них, но не из-за того, что полностью отдавался освоению университетской программы. Все объяснялось тем, что Карин уже через месяц не могла больше находиться вдали от своего дорогого Германа, и, несмотря на неодобрение родителей и сестер, она приехала к нему в Мюнхен. Влюбленные устроились жить в снятом в 1920 году небольшом сельском домике близ поселка Байришцелль, на полпути между Мюнхеном и Зальцбургом. На что же они жили? Карин рисовала

картины и занималась изготовлением поделок. Герман написал несколько статей о своих подвигах во время мировой войны, но на этом было невозможно достаточно заработать¹⁷. На самом же деле, как бы странно это ни выглядело, Нильс фон Канцов не мог позволить себе оставить неверную жену без средств к существованию. И он раз за разом посылал Карин довольно крупную сумму¹⁸, и эти деньги позволяли ей с любовником не испытывать материальных затруднений в охваченной политическими волнениями Германии, где к тому же царил экономический хаос...

Это, естественно, было неизбежно: Герман Геринг вскоре заразился чесоткой политической активности! Его, кстати, подтолкнула к этому Карин, которая предсказала будущее великого государственного деятеля, сославшись при этом на свои способности медиума¹⁹. В общем, наш ветеран-студент начал принимать участие в собраниях различных националистических группировок Мюнхена. Но поскольку он был убежденным сторонником дела, ему очень быстро надоели эти «дискуссионные клубы», руководимые людьми, которые много говорили, но мало делали. Поэтому он начал подумывать о создании собственной революционной партии с опорой на многочисленных офицеров, которые прозябали в Мюнхене. Однако вскоре совершенно четко уяснил, каких результатов ему удастся достичь, – после одного эпизода, о котором рассказал следующее: «Помню, как на одном собрании стали обсуждать программу, которая предусматривала предоставление каждому офицеру-ветерану войны пищи и койки для ночлега. Я им сказал: “Сборище никчемных глупцов! Вы полагаете, что человек, достойный носить звание офицера, не способен найти себе койку для ночлега, да еще с красивой блондинкой? Черт побери, ведь есть куда более важные задачи”. Какой-то тип повел себя вызывающе, и тогда я его ударил. На том собрании и закончилось...» И Геринг понял: у него нет качеств, необходимых для руководителя партии.

И вот в конце октября 1922 года колеблющийся студент Герман Геринг наконец нашел то, что так долго искал. Он случайно присоединился к толпе, собравшейся на Кёнигсплац, чтобы заявить протест последней ноте союзников, требовавших от германского правительства выдачи определенного числа лиц, которые считались военными преступниками. «Я присутствовал на площади просто в качестве зрителя, – вспоминал позже Геринг, – в манифестации участия не принимал. Там выступили многие ораторы от различных партий и организаций. В конце митинга на трибуну был приглашен Гитлер. Я услышал, как кто-то коротко произнес его имя, и мне захотелось услышать, что же скажет он. Гитлер отказался выступать, а я случайно оказался неподалеку и услышал причину отказа. [...] Он считал, что нет смысла выкрикивать протесты, если нет ни малейшей возможности претворить их в жизнь. Эти слова меня поразили: я чувствовал то же самое и был готов сказать об этом вслух. Я навел справки и узнал [...], что Гитлер проводит собрание по вечерам каждый понедельник. Я пошел на собрание и услышал, что Гитлер говорил об этой манифестации, о несправедливости Версальского договора [...] и о том, что отрицает его жестокие требования. Он сказал, что такое выражение протеста, каким был воскресный митинг, [...] имело бы шансы на успех, если бы опиралось на некую силу, которая придавала бы протестам вес. А пока Германия остается слабой, все эти жесты никому не интересны. Именно так думал и я. Несколько дней спустя я пришел в штаб-квартиру НСДАП²⁰. [...] В то время я не знал ее программы, не знал, что это совсем немногочисленная партия. Вначале я просто хотел пого-

¹⁷ Кроме того, потребовалось сделать Карин хирургическую операцию, на что ушло довольно много денег.

¹⁸ А также билет на самолет в один конец до Стокгольма! Надежда умирает последней...

¹⁹ В этом она следовала примеру своей матери, бабки и обеих сестер. Псевдомедиумным способностям женщин рода фон Фок, входившего, кстати, в религиозную мистико-нордическую ассоциацию «Общество эдельвейса», стоило бы посвящать отдельную главу.

²⁰ Национал-социалистская рабочая партия Германии.

ворить с Гитлером и понять, смогу ли чем-нибудь ему помочь. Он принял меня незамедлительно, и [...] мы сразу же стали обсуждать то, что накопилось у нас на сердце».

На самом деле разговор должен был свестись к одному из обычных монологов Гитлера об ударе в спину, приведшем к перемирию, о несправедливости Версальского договора, о националистической программе, об антисемитской, антикапиталистической и антисоциалистической направленности деятельности НСДАП, о необходимости мобилизации трудящихся для свержения стоявших у власти в Берлине иудеев-марксистов. Как и многие до и после него, Геринг был очарован: «Наконец-то я встретил человека, который имел четкую и ясную цель. Я сказал ему, что готов быть в его полном распоряжении со всеми имеющимися у меня возможностями». Гитлер прекрасно понял, что перед ним сидит потенциально полезный и очень чувствительный к лести человек, и в конечном итоге предложил Герингу «ответственную должность» в своей организации: руководство «штурмовыми отрядами»²¹ партии. «Он долго искал, – вспоминал потом Геринг, – командира, который как-то прославился во время последней войны, [...] что придало бы ему необходимый авторитет. [...] И тут удача ему улыбнулась: в его распоряжение поступил последний командир эскадры “Рихтгофен”. Я сказал ему, что мне неловко сразу же занимать руководящую должность в партии, поскольку все могли подумать, что я вступил в партию именно для этого. В конце концов мы пришли к соглашению: я официально проведу месяц-другой в тени, а потом приступлю к исполнению новых обязанностей. Но фактически начну работать незамедлительно. [...] Так я стал соратником Адольфа Гитлера».

Герман Геринг практически ничего не знал о человеке, которому вручил свою судьбу. Он не знал также истинных причин, заставивших Гитлера доверить ему «руководящую должность» в партии, история возникновения и особенности деятельности которой были ему также неизвестны. И разумеется, между ними никогда не поднимался вопрос о каком бы то ни было вознаграждении. Но для Геринга все это не имело никакого значения: он нашел вождя, идеал, получил возможность построить карьеру и обрел задачу, которая была ему по плечу: командовать людьми и снова играть значимую роль в судьбе своей страны...

²¹ Называвшиеся вначале *Защиты* («защита залов»), эти отряды из 150 здоровяков имели задачей охранять собрания партии. Переименованные в 1920 году в «Гимнастический и спортивный дивизион», они сильно увеличились в численности за счет некоторых подразделений «Добровольческого корпуса». В октябре 1921 года они получили свое окончательное название «штурмовые отряды» (*Sturmabteilung*) и стали печально известны под сокращенным наименованием СА.

IV Откровение

«В то время, – сказал позже Герман Геринг, – я не знал, что это немногочисленная партия». Действительно, НСДАП была родившейся в результате поражения 1918 года небольшой и разношерстной группой, одной из тех, коих в послевоенной Германии появилось великое множество. Возглавляемая слесарем по имени Антон Дрекслер, который составил ее «программу» из нескольких невнятных националистических, антисоциалистических и антисемитских лозунгов, и называвшаяся вначале Немецкая рабочая партия (ДАП), при своем основании она насчитывала шесть членов, не имела ни штаб-квартиры, ни программы, ни телефона, ни печатной машинки, ни даже эмблемы, и сочувствовали ей всего человек сорок... Но когда ефрейтор Адольф Гитлер, подбадриваемый и финансируемый высшими чинами рейхсвера, осенью 1919 года стал седьмым членом политбюро партии, все изменилось: меньше чем за два года этот незначительный в политическом смысле кружок обзавелся штаб-квартирой, программой, новым названием и соответствующей аббревиатурой, у партии появился красный флаг со свастикой, влиятельная газета, бойцы, объединенные в штурмовые отряды, 6000 новых членов и весьма расширившаяся аудитория...

Это преобразование произошло почти исключительно благодаря необычайному таланту пропагандиста и оратора Адольфа Гитлера. «Быть вождем, – написал он однажды, – означает уметь взволновать массы». Действительно, банкир Ялмар Шахт вспоминал, что фюрер «умел виртуозно играть на хорошо настроенном пианино сердец мелкой буржуазии». Но влияние его речей распространялось значительно шире: на дворянство и военных, на студентов и журналистов. Бесчисленные свидетели его выступлений описывали гипнотическое воздействие, которое оказывала на них странная смесь убеждения, иронии, экзальтированности, простоты, ненависти, логики, демагогии и ругательств – всего того, что содержалось в речах Гитлера, которые этот невзрачный с виду человек с усиками, с непокорной челкой и глазами фанатика произносил с удивительными сменами тона и выразительной жестикуляцией. А услышав его один раз, сразу же принимали решение следовать за ним и поддерживать его люди самых разных сословий: бывший летчик Рудольф Гесс, прибалтийский инженер-строитель Альфред Розенберг, издатель журнала об искусстве Эрнст Ганфштенгль, студент-националист Ганс Франк, фельдфебель-активист Макс Аман, преподаватель-антисемит Юлиус Штрайхер, экзальтированный памфлетист Герман Эсер, фотограф-алкоголик Генрих Хоффман, бывший консул и лжедворянин Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, мельник и мясник Ульрих Граф, инженер и экономист Готфрид Федер, профессиональный военный и гомосексуалист Эрнст Рём, часовщик-преступник Эмиль Маурис, начальник городской полиции Мюнхена Эрнст Пенер, сочувствовавший социалистам фармацевт Грегор Штрассер, поэт-наркоман Дитрих Эккарт и светский человек Курт Людеке. Последний довольно точно описал общую реакцию, излагая собственные первые впечатления о Гитлере-ораторе: «Все мои критические способности были забыты. Он держал массы и меня вместе с ними под воздействием гипноза всего лишь силой своей убежденности. [...] Он предстал передо мной новым Лютером. Я чувствовал восторг, который был сравним разве что с религиозным трепетом». Издатель и музыкант Ганфштенгль, впервые услышав Гитлера примерно в то же время, что и Геринг, сравнил фюрера с «искусным скрипачом», чьи умение владеть голосом, риторика и поведение не имели себе равных. А затем добавил: «Я оглядел аудиторию. Была ли это та безликая толпа, которую я видел всего лишь час назад? [...] Гул голосов и звяканье кружек стихли, все присутствовавшие упивались каждым его словом. В нескольких метрах от меня сидела молодая женщина, которая не сводила глаз с

оратора. Застыв, словно в религиозном экстазе, она перестала быть сама собой и полностью отдалась во власть чар деспотической веры Гитлера в будущее величие Германии».

Можно процитировать сотни других подобных же свидетельств, которые объединяются одним выводом: Гитлер был виртуозным оратором, воздействовавшим более на чувства, нежели на разум слушателей, он умел нейтрализовать критическую способность разума и разбудить страсти. Для того чтобы вырваться из-под власти этого дьявольского гипноза, требовалась необычайно мощная сила характера, но Герман Геринг, бывший воздушный ас, метавшийся в поисках какого-нибудь занятия, идеала, какой-нибудь сильной личности и какого-нибудь дела, которое следовало бы защищать, явно не нашел в себе этой силы, как и большинство других людей, слушавших Адольфа Гитлера тогда, в конце 1922 года...

Однако, несмотря на харизму своего вождя, НСДАП сталкивалась с точно такими же проблемами, какие испытывало большинство мелких политических движений того времени: она не имела практически никакой аудитории вне Мюнхена и была вынуждена бороться за выживание с сотнями конкурирующих организаций, начиная с коммунистов и заканчивая монархистами. Находясь под пристальным надзором баварских властей, НСДАП испытывала огромные организационные трудности, которые были следствием того, что ее лидер надеялся одними своими речами решать все проблемы. Партию раздирали глубокие противоречия между ее руководителями²², и она постоянно нуждалась в средствах. «Довольно часто, – вспоминал Курт Людеке, – когда требовалось расклеить афиши с объявлениями о предстоящих собраниях, посвященных изменению ситуации в мире, у нас не было денег, чтобы купить клей». Наконец, даже то, что, казалось бы, составляло ее силу, потенциально было источником слабости НСДАП: 5000 членов СА, запугивавших противников и отличавшихся в уличных схватках, находились в подчинении капитана Эрнста Рёма и лейтенанта Клинтцша, которым Гитлер не очень-то доверял²³.

Именно в тот момент появление Геринга должно было показаться даром providения фюреру, поскольку у него появлялась возможность разом решить несколько проблем: имея боевой опыт и способность увлекать за собой людей, Герман Геринг к тому же был прекрасным инструментом для того, чтобы вернуть в лоно партии ту силу, которая грозила превратиться в милицию, находящуюся исключительно под влиянием капитана Рёма. Кроме того, за Геринга были престиж бывшего командира эскадры «Рихтгофен», награды, цветущий вид и склонность к полноте. Именно все это и стало причиной восторга Гитлера, который он высказал своим соратникам после ухода посетителя: «Великолепно! Герой войны, заслуживший крест “За заслуги”. Вы понимаете? Это же фантастический фактор для пропаганды! Кроме того, у него много денег, и он не будет стоить мне ни гроша!»

У Германа Геринга было много денег? Как всегда, Гитлер принял желаемое за действительное... На самом же деле славный авиатор и периодически возобновлявший обучение в университете студент Геринг жил лишь на средства своей любовницы, которая сама существовала на подачки мужа! Но поскольку шведская крона оставалась твердой валютой, а немецкая марка полностью обесценилась, пара все еще могла вести более чем достойный образ жизни, ездить на автомобиле «Мерседес-Бенц», любовники даже купили небольшую виллу в Оберменцинге, богатом пригороде Мюнхена. Тем временем Карин все-таки смогла добиться от Нильса фон Канцова согласия на развод, который и прошел полюбовно несколько месяцев спустя. Когда последнее препятствие было преодолено, любовь могла праздновать победу: 3 февраля 1923 года в мэрии Оберменцинга Карин и Герман соединили

²² Коими были Розенберг, Гесс, Вебер, Эккарт и Дрекслер.

²³ Рём, финансировавший партию Гитлера из фондов рейхсвера, видел в отрядах СА зародыш «параллельной» армии, которая смогла бы начать борьбу с французами. А Гитлер хотел только сделать СА некой политической силой в распоряжении партии, которая позволила бы ему захватить власть. Клинтцш вообще был непонятной фигурой, являясь членом экстремистской организации «Консул», которая, вероятно, и организовала убийство Эрцбергера и Ратенау.

свои судьбы навечно в присутствии матери Германа, его обеих сестер и его брата Альберта. На церемонии бракосочетания присутствовала и одна из сестер невесты – Фани²⁴. Там было также много друзей Германа из эскадрильи «Рихтгофен», которых привел с собой верный Боденшац. А те, кто не смог принять участия в церемонии, прислали коллективное послание, с такими вот словами: «Мы всегда говорили: наш Геринг пойдет дальше других». Это было предсказание, которое сбылось, превзойдя всякие ожидания...

После трехнедельного свадебного путешествия, неминуемо приведшего молодоженов в шале близ поселка Байришцелль, пара вернулась в Мюнхен и начала трудиться. Работа Карин состояла в основном в посещении всех распродаж и всех местных антикваров с целью как можно лучше обставить новое жилище. Она сделала это с большим вкусом, а на втором этаже установила свою маленькую белую фисгармонь. Герман же с энтузиазмом окунулся в партийную работу. Начиная с весны 1923 года его вила в Оберменцинге стала местом проведения бесконечных совещаний с участием Гитлера и его главных помощников – Экарта, Эсера, Амана, Гесса, Розенберга и Ганфштенгля. «Геринг, – вспоминал последний, – оборудовал в подвале нечто вроде уголка заговорщиков в готическом и германском стиле».

Следует отметить, что экономическая и политическая ситуация в стране играла на руку заговорщикам: в январе 1932 года за доллар давали 10 400 марок, а в феврале уже 50 000. С другой стороны, поскольку Германия все еще не могла выплатить репарации, в начале 1923 года в Рейнскую область были введены пять французских и одна бельгийская дивизии. Это вызвало во всей стране огромную волну возмущения, которую Гитлер решил превратить в восстание, чтобы двинуться во главе недовольных сограждан на Берлин. Как поступил Муссолини, недавно захвативший Рим. Но для того, чтобы эти мечты стали реальностью, требовалось заручиться поддержкой баварских властей – или, по крайней мере, их нейтралитетом – и войти в союз с другими местными националистическими лигами, такими как «Знамя рейха», «Союз Родины» или «Боевой союз Нижней Баварии», а главное – как всегда – получить новые субсидии, чтобы успокоить старых кредиторов... Вот эти-то вопросы и обсуждали постоянно сподвижники Гитлера по ночам в подвале дома в Оберменцинге²⁵ до самой зари с литровой кружкой пива в руке, этим неизменным атрибутом серьезного разговора между уважающими себя мюнхенцами.

Однако именно это слегка задевало чувство респектабельности хозяина дома. Ганфштенгль писал: «Геринг выказывал насмешливое презрение к окружавшей Гитлера маленькой группке баварцев, которых он считал пьяницами и гуляками с ограниченными провинциальными интересами». Ганфштенгль мог бы еще добавить, что Геринг считал Гесса ненормальным, Розенберга – сумасбродным идеологом и говорил им это в лицо без всякого стеснения, что и объясняет, кстати, их тайную лютую ненависть к нему²⁶. Но критика Германа Геринга совсем не касалась фюрера, чьи политические горизонты охватывали европейский континент. Не обращал он внимания и на его предрассудки. Действительно, в ходе бесконечных монологов Гитлер говорил о реванше за проигранную войну и о возмездии Франции, о нападении на Россию с целью захвата зерновых хранилищ на Украине²⁷, о захвате Чехословакии и овладении заводами «Шкода». В своих расчетах он не учитывал США и при этом постоянно цитировал Наполеона, Клаузевица и Фридриха Великого. Нако-

²⁴ Родители Карин на свадьбу не приехали.

²⁵ И во многих мюнхенских пивных, где у заговорщиков были зарезервированы столики...

²⁶ С момента зарождения национал-социализма основные члены окружения Гитлера друг друга ненавидели. «Штаб-квартира партии, – писал Курт Людеке, – была местом сборища маленьких Гитлерочков, покорных большому Гитлеру, но они постоянно игнорировали или опасались друг друга». И Гитлер очень умело этим пользовался, чтобы навязывать свою власть в течение долгих двадцати с лишним лет.

²⁷ Эти мысли о беспощадной войне против России были ему явно внушены Розенбергом и Шойбнер-Рихтером, двумя прибалтийскими эмигрантами, которые так и не стали до конца немцами, но фанатически ненавидели коммунистов.

нец, он постоянно ругал социалистов, коммунистов, франкмасонов, католиков, а в первую очередь евреев, которых обвинял в развязывании мировой войны, в осуществлении большевистской революции, в поражении 1918 года, в экономическом разорении Германии и в глобальном заговоре с целью захвата всего мира...

Как же мог Геринг молча выслушивать подобный бред? Неужели он был в таком же состоянии, в каком оказалась на одном из выступлений Гитлера Винифред Вагнер, которая позже вспоминала: «Голос Гитлера становился все глубже, и мы все вокруг него превратились в птичек, очарованных музыкой его слов, на содержание которых не обращали ни малейшего внимания»? Мало того что по своей комплекции Герман Геринг никак не мог походить на какую бы то ни было птичку, трудно себе представить, что человек с умственным развитием значительно выше среднего уровня²⁸ мог до такой степени потерять чувство реальности. Но при этом надо помнить о пресловутом гипнотическом воздействии речей Гитлера, учитывать большие пробелы в исторической культуре, в экономических и политических знаниях студента-дилетанта Германа Геринга. А главное, не забывать, что этот человек дела нарочито игнорировал идеологию, теорию и риторику. Он сам однажды сказал: «Я присоединился к НСДАП именно потому, что это была революционная партия, а не из-за всей этой идеологической болтовни». Наконец, следует помнить о том, что заявления о реванше и обличительные речи, направленные против социалистов, французов, республиканцев и евреев, звучали в то время в Германии повсюду, и Гитлер отличался от других ораторов только своим красноречием и использованием ругательств. Однако для Геринга, как и для многих других, красноречие затмевало ругательства...

Но ведь была еще и Карин, которая оказывала на Германа большое влияние. Ее высочайшая образованность могла бы превозмочь безумное влияние экзальтированного австрийского ефрейтора. Увы! Как и большинство женщин того времени, Карин Геринг сразу же попала под очарование этого странного соблазнителя, которого она считала галантным, непредсказуемым и юморным мужчиной. Именно таким Гитлер и был в присутствии молодых красивых женщин. Кроме того, Карин видела в нем человека, которому суждено спасти Германию, и хотела при этом обеспечить карьеру мужу. Она даже приняла программу национал-социализма, не особенно при этом задумываясь над самыми темными и самыми противоречивыми ее положениями. Мистицизм и несколько наивный романтизм Карин в сочетании с посредственным знанием немецкого языка привели к тому, что она весьма благосклонно восприняла все угрозы фюрера, даже когда он объявил, что все евреи в Германии должны быть *устранены*²⁹. Кроме того, домашнее воспитание Карин сделало ее весьма терпимой ко всем тезисам о превосходстве северных народов и арийской расы над остальными.

С того времени эта графиня наивно и добровольно стала считать для себя честью участвовать во всех собраниях и маршах членов национал-социалистской партии, что, кстати, давало ей пьянящее ощущение того, что она играет особую роль в важных событиях, о чем Карин мечтала с детства. Со своей стороны, Гитлер, этот гениальный пропагандист, незамедлительно оценил всю ценность вовлечения в ряды возглавляемого им движения такой знатной женщины как Карин Геринг, вхожей в высшей свет. Он даже назвал ее «талисманом партии», что графиня восприняла как комплимент... Но хотя Карин казалась ему такой же полезной, как и ее муж, фюрер относился к ним предвзято. Эрнст Ганфштенгль вспоминал: «Гитлер зашел к нам как-то поздним вечером, после того как побывал в гостях у Герингов, и стал изображать эту пару в присутствии моей жены. “Там настоящее любовное гнездышко, — рассказывал он. — Только и слышишь: “Герман, дорогой””, — сказал он, имитируя чересчур

²⁸ В 1946 году американцы определили, что его коэффициент интеллекта составлял 135 единиц...

²⁹ Слово *entfernen*, которое использовал Гитлер, означает также «отстранить». Многие современники полагали, что Гитлер хотел всего лишь отстранить евреев от власти, поскольку считалось, что они в то время несправедливо монополизировали власть в Германии.

влюбленный голос Карин. А потом добавил с насмешливой сентиментальностью: «У меня никогда не было такого дома, и никогда не будет»». Тут, естественно, нельзя исключать глубокой зависти со стороны Гитлера: Геринг, который был на три года моложе него, воздушный ас, всеми любимый в недавнем прошлом, имевший огромное количество наград, живший явно небедно, имел еще и жену благородных кровей, привлекательную и желанную женщину. Сам же он – бывший безвестный ефрейтор, непризнанный художник, неудавшийся архитектор – жил в комнатке площадью 9 квадратных метров без всякого отопления и слыл закоренелым холостяком, обладавшим ненормальной сексуальностью...

Неужели ни один человек в мире не мог остановить Германа Геринга на краю пропасти той весной 1923 года? По меньшей мере один мог, его младший брат Альберт Геринг, но его влияние оказалось весьма незначительным. Вкусивший все тяготы окопной жизни на Сомме и не познавший славы, в отличие от старшего брата, Альберт в 1918 году был тяжело ранен в живот и уволен из армии в звании лейтенанта. Вернувшись в Мюнхен, он долгие месяцы жил впроголодь в обстановке политической нестабильности, воцарившейся после заключения перемирия. В начале 1920 года Альберт поступил в Политехнический университет Мюнхена, желая стать инженером-механиком. Человек умеренного темперамента, он не дал себя втянуть в крайне экстремистское движение, которое господствовало в университете: Альберт Геринг сразу же почувствовал нечто демоническое и разрушительное в речах Адольфа Гитлера. Когда он рассказал об этом Герману, тот сказал, чтобы он «не лез в государственные дела и даже не занимался историей, поскольку ничего не понимает в политике». Альберт настаивать не стал, но близким своим признался: «Мой брат сошелся с этим негодяем Гитлером. Если он продолжит это, то плохо кончит». Лучше и не скажешь...

Но все было напрасно... Вихрь истории подхватил Германа, и он с энтузиазмом принялся выполнять поставленную ему Гитлером задачу: превратить СА в мощное военизированное формирование, полностью подчиненное нацистской партии и ее вождю. Впоследствии Геринг скажет: «С самого начала я старался ввести в штурмовые отряды членов партии, молодых идеалистов, чтобы они посвящали этому все свое свободное время и отдавали всю свою энергию. [...] Затем я стал набирать рабочих». Действительно, он вовлек в ряды СА докеров, конторских служащих, токарей, разнорабочих, крестьян, студентов, ремесленников и безработных, и те присоединились к уже проходившим воинскую подготовку молодым активистам, бывшим военным, членам различных подразделений «Добровольческого корпуса» и уголовникам. Этому разношерстному воинству Геринг постарался привить высокий дух коллективизма, что потребовало большой отдачи; спустя несколько лет он так написал об этом: «Я часто бывал на работе до 4 часов утра, возвращался в кабинет в 7 часов. У меня не было ни минуты отдыха».

На самом деле Геринг ведал большей частью набором, агитацией и пропагандой. Обучением терпеливо и со знанием дела занимался его помощник, лейтенант Хоффман. Но почести, как правило, достаются тем, кто чаще показывается на глаза начальству, а это Геринг умел делать лучше других... Как бы там ни было, результаты не замедлили себя ждать: вскоре по улицам всех городов Баварии шествовали отряды штурмовиков, четко держащие строй. На них были фуражки с козырьками, коричневые рубашки со свастикой на рукаве: черный крест на белом фоне. Пусть они пока были не вооружены, но их хорошо обучили владеть оружием. И все знали, что капитан Рём мог «позаимствовать» у рейхсвера ружья и пулеметы сразу же, как в них появится необходимость. Чтобы не провоцировать армию, младшему командному составу и руководителям СА присваивались специальные звания: шарфюрер, штурмбанфюрер, оберштурмбанфюрер, штандартенфюрер и группенфюрер³⁰, а рядовые штурмовики были сведены в штандарты (полки) по 4000 человек в каждом.

³⁰ Соответствуют званиям унтер-фельдфебель, майор, подполковник, полковник, генерал-лейтенант. Специальные звания

К апрелю 1923 года в рядах СА числилось уже 11 000 человек – это целая кадровая дивизия, – и Геринг провел один из полков по улицам Мюнхена. Карин описала это шествие в письме своему сыну Томасу с характерным для нее простодушным энтузиазмом: «Твой второй отец организовал торжественное шествие молодых немцев перед своим фюрером, и я увидела, как загорелись его глаза, когда он смотрел, как они маршировали. Любимый³¹ так много с ними работал, так вдохновил своей смелостью и героизмом тех, кто совсем недавно были разношерстной толпой, могу признаться, довольно мрачными типами, что они превратились в объединение восторженных крестоносцев, готовых маршировать по приказу фюрера, чтобы освободить эту несчастную страну. [...] По окончании парада фюрер пожал руку любимому и сказал мне, что если бы он признался, что по-настоящему думает об этой подготовке, у любимого от гордости раздулась бы голова. Я ответила, что моя голова и без этого уже раздулась, настолько я горда. Он поцеловал мне руку со словами: “Такая красивая голова, как ваша, никогда не может раздуться”. Возможно, это был неуклюжий комплимент, но мне он доставил удовольствие».

Однако впечатленная Карин была далека от реальности, причем весьма злобещей, поскольку «восторженные крестоносцы» без колебаний ввязывались в драки на собраниях коммунистов или социалистов, а Геринг даже отправил своих коричневорубашечников в редакцию партийной газеты «Фёлькишер беобахтер», чтобы воспрепятствовать аресту ее главного редактора Дитриха Эккарта. Это было явной демонстрацией силы, попыткой помешать исполнению судебного предписания об аресте Эккарта и припугнуть власти. Но нацисты теперь чувствовали себя достаточно сильными, чтобы осмеливаться на подобные действия...

Следует признать, что события весны 1923 года играли им на руку. Франко-бельгийская оккупация Рура вызвала в Германии волну народного гнева, и население Рурской области по призыву правительства рейхсканцлера Куна стало оказывать оккупантам «пассивное сопротивление». В это время германское государство взяло на себя выплату заработной платы бастовавшим рабочим Рурского региона, но вскоре экономическая ситуация обострилась катастрофически из-за простоя производства и резкого обесценивания денег.

Когда коммунисты вошли в правящую коалицию земель Саксония и Тюрингия, инфляция нарастала скачкообразными темпами: если в феврале один доллар стоил 50 000 марок, то в марте уже 80 000, в апреле – 95 000, а в мае – 120 000. С этого момента все сбережения среднего класса начали таять, как снег на солнце, а рабочим, служащим и пенсионерам, не имевшим никаких средств на пропитание, приходилось буквально заботиться о выживании. В сложившейся ситуации значительно ослабили позиции правительства рейхсканцлера Куно и заметно выросла популярность экстремистов всех мастей, в том числе НСДАП. В конце весны 1923 года эта партия насчитывала в своих рядах уже 35 000 членов в Мюнхене и 150 000 в земле Бавария... Теперь уже Гитлеру хотелось как можно скорее перейти к действию, чтобы сбросить с постов «ноябрьских преступников»³² и захватить власть в Берлине.

Очень сложная обстановка в Баварии способствовала ему: дело в том, что баварцы, в большинстве своем католики, стоявшие на позициях регионализации, в принципе были против ратовавших за централизм протестантов Берлина, где социалистические руководители страны вступили в союз с коммунистами, опустошившими Баварию в 1919 году. Именно поэтому власти Мюнхена с распростертыми объятиями встретили националистические движения, попросившие пристанища в этой земле. А премьер-министр Баварии Густав фон Кар видел в Адольфе Гитлере, несмотря на то что побаивался «этого нахального австрияка»,

ния СА в несколько модифицированном виде заимствовали эсэсовцы.

³¹ То есть Герман Геринг.

³² Одно из самых любимых выражений фюрера, который постоянно использовал его в своих выступлениях. Имел он в виду конечно же политиков, подписавших перемирие 1918 года, и их последователей.

потенциального союзника в своем противостоянии берлинским властям³³. То же, что фон Кар был не только сепаратистом, но и монархистом³⁴, еще больше запутывало и без того сложную ситуацию... Что касается его преемника фон Книлинга, тот так боялся перехода власти в руки левых сил, что вообще отказывался предпринимать какие-либо действия против НСДАП. Одним из тех людей, кто поддерживал сепаратистскую программу фон Кара, был командующий военным округом рейхсвера в Баварии генерал Отто фон Лоссов; его преданность Веймарской республике периодически ослабевала, и в эти продолжительные периоды он планировал свергнуть социалистическое правительство в Берлине и установить в стране военную диктатуру. Так вот, генерал фон Лоссов, также видевший в Гитлере потенциального союзника, позволял рейхсверу поставлять оружие отрядам СА, а своему начальнику Хансу фон Зеекту представлял фюрера как «политического пророка». Если ко всему этому добавить, что добрая половина баварских функционеров, судейских и полицейских чиновников относились к Гитлеру весьма благожелательно, что три четверти мюнхенской тайной полиции поддерживали его, что министр юстиции Баварии Гюнтер был тайным сторонником фюрера и что содействие Эрнста Пенера, шефа городской полиции Мюнхена, помогало Гитлеру срывать все попытки министра внутренних дел Швейера арестовать его или выслать из земли, то становится понятно, почему фюрер решил, что может переходить от слов к делу без особого риска...

Демонстрация силы была намечена на 1 мая 1923 года. Гитлер хотел помешать социалистам провести их традиционную манифестацию на улицах Мюнхена и 30 апреля попросил у фон Лоссова разрешение провести парад отрядов СА и других военизированных подразделений НСДАП. Но командующий баварским округом рейхсвера категорически отказал ему в этой просьбе вместе с полковником фон Шайссером, начальником баварской полиции. Они дали фюреру понять, что прикажут стрелять по любому шествию, которое будет нарушать общественный порядок. Но Гитлер уже отдал сигнал сбора утром следующего дня, и в Мюнхен начали стекаться штурмовики со всей Баварии. Было поздно приказывать им возвращаться по домам, поскольку это грозило потерей авторитета... Поэтому утром 1 мая несколько тысяч членов СА с оружием, взятым Рёмом с воинских складов, собрались на учебном плацу в Обервизенфельде. Перед ними стояли фюрер в стальном шлеме и Геринг в сверкающей наградами парадной форме. Но около полудня появился Рём с двумя подразделениями армии и полиции, которые окружили учебный плац. Фон Лоссов рекомендовал Рёму передать Гитлеру требование отменить парад и незамедлительно сдать оружие, в противном случае «он ответит за последствия».

Некоторые из руководителей СА, в частности Грегор Штрассер и подполковник Крибель, предложили применить силу и обезоружить окруживший их малочисленный отряд. Но разочарованный Гитлер внезапно отказался от выступления, и после обеда штурмовики сдали оружие на военные склады и разошлись. Это стало поражением без боя, настоящим публичным унижением, и многие обозреватели принялись предсказывать, что НСДАП от этого удара больше не оправится. Да и сам Гитлер, казалось, подтверждал это предположение: в течение последовавших месяцев он сел себя очень сдержанно, а на лето уехал в горы в Берхтесгаден. Его помощники продолжали периодически собираться на вилле Геринга в Оберменцинге, где перекраивали мир в ожидании наступления лучших времен... Для Геринга конец того лета был омрачен дважды: 28 августа в возрасте пятидесяти семи лет внезапно умерла его мать Франциска, а Карин, настоявшая на своем присутствии на похоронах, сильно простудилась и слегла с воспалением легких.

³³ В 1921 и 1922 годах он уже отказался соблюдать принятый в Берлине «Декрет о защите республики».

³⁴ Другими словами, сторонником кронпринца Рупрехта, сына короля Баварии Людвига III и наследника трона династии Виттельсбахов.

Тринадцатого августа в Берлине на посту рейхсканцлера Куно сменил лидер Немецкой народной партии Густав Штреземан³⁵. Никто не ставил и девальвированной марки на то, что новое правительство протянет долго в стране, где «пассивное сопротивление» разрушило экономику и вызвало беспрецедентное падение стоимости национальной валюты: в августе доллар стоил 4 620 455 марок, а в сентябре уже 98 860 000 марок... Недовольство было всеобщим, участились призывы к забастовкам, коммунисты грозили захватом власти в Саксонии и в Тюрингии, а французы поощряли сепаратистское движение в Рейнской области. Гитлеру все происходящее снова позволило выйти на политическую авансцену: в течение лета он заручился активной поддержкой генерала Людендорфа, его партия получила значительную финансовую поддержку от ряда немецких промышленников и некоторых богатых поклонниц³⁶, а также от многочисленных симпатизировавших ему швейцарцев и чехов. А сам фюрер, охваченный неким приступом мессианства, стал с тех пор говорить своему окружению, что он «войдет в Берлин, как Христос вошел в храм Иерусалима, и изгонит оттуда всех торгашей». Второго сентября в ходе большого митинга националистов в Нюрнберге, посвященного «Немецкому дню», Гитлер присутствовал на параде вместе с генералом Людендорфом и принцем Людвигом Фердинандом Баварским. Там он произнес весьма выразительную речь, желая сгладить ужасное впечатление от неудачи 1 мая. По окончании митинга НСДАП договорилась о союзе с тремя полувоенными организациями: «Союз Родины», группа Россбаха (одно из формирований «Добровольческого корпуса») и «Знамя рейха». Так образовался «Немецкий союз борьбы». Общее военное руководство должен был отныне осуществлять подполковник Крибель, но спустя три недели Адольф Гитлер по назначению Рёма принял на себя «политическое руководство». В результате его влияние значительно усилилось, а последовавшие вслед за этим политические события очень скоро дали ему возможность это продемонстрировать...

Дело было в том, что 26 сентября 1923 года канцлер Штреземан объявил об окончании пассивного сопротивления французам и о возобновлении репарационных выплат. Этот вполне оправданный с экономической и политической точек зрения шаг вызвал гнев всех националистических движений Германии. В газете «Фёлькишер беобахтер» Гитлер разразился оскорблениями и пообещал провести четырнадцать собраний, в ходе которых собирался разоблачить предательство берлинских властей. Последовавшая националистическая агитация вызвала настоящую цепную реакцию: баварское правительство назначило бывшего премьер-министра фон Кара «генеральным комиссаром» земли, и в его руках оказалась сосредоточена вся исполнительная гражданская и военная власть. Фон Кар начал с того, что запретил собрания НСДАП, о которых объявил Гитлер, и продолжил укреплять личную власть над располагавшимися в Баварии частями рейхсвера. Это грозило учреждением диктатуры и отделением Баварии, и по просьбе рейхсканцлера Штреземана президент Эберт ввел в стране чрезвычайное положение. Согласно статье 48 Конституции Веймарской республики, вся исполнительная власть перешла к министру обороны Отто Гесслеру и командующему рейхсвером генералу фон Зеекту, и те начали восстанавливать порядок в стране. Для начала командующему 8-м (баварским) военным округом генералу фон Лоссову было приказано закрыть все типографии газеты «Фёлькишер беобахтер». Тот отказался выполнять это распоряжение и заявил, что приказы ему могут отдавать только власти Баварии. С этого момента у Берлина выбора больше не осталось, и 20 октября фон Лоссов был смещен со своего поста, а на его место назначен генерал фон Крессенштейн. Но именно тогда и суждено было сбыться наихудшим опасениям центрального правительства: фон Кар заявил, что

³⁵ Он сформировал коалиционное правительство, куда вошли представители Немецкой народной партии, католической партии «Центр», Немецкой демократической партии и Социал-демократической партии Германии.

³⁶ В частности, от Хелены Бехштейн, Эльзы Брукман и Винифред Вагнер.

генерал фон Лоссов остается во главе вооруженных сил Баварии, потребовал отставки правительства Штреземана и сконцентрировал войска на границе Баварии и Тюрингии. Ситуация грозила разрывом между берлинским правительством и властями Мюнхена, где к тому времени всем распоряжался триумвират в лице фон Кара, фон Лоссова и полковника фон Шайссера, начальника полиции земли Бавария.

Для нацистов сложилась крайне благоприятная обстановка. Гитлер, Людендорф и Геринг поочередно побывали в здании, где заседал названный триумвират, пытаясь убедить его выступить на Берлин и свергнуть центральное правительство с помощью «Союза борьбы». Фон Кар и фон Лоссов действительно вынашивали план государственного переворота, но они опасались Гитлера, склонного к политическим эксцессам. Впрочем, недоверие было взаимным: Гитлер подозревал власти Баварии в сепаратистских планах и намеревался избавиться от фон Кара и фон Лоссова сразу же после захвата власти в Берлине. Но пока надо было вовлечь их в диалог и даже представить основными действующими лицами, поскольку сам он не имел достаточных сил для противостояния рейхсверу. «Мы должны скомпрометировать этих людей, – без конца твердил он своему окружению, – чтобы они пошли с нами». Но фон Кар колебался, фон Лоссов тоже, поскольку, несмотря на катастрофически ухудшавшееся экономическое положение страны – в сентябре доллар стоил 98 860 000 марок, а в октябре – 25 260 280 000 марок, – правительство Штреземана усилилось в политическом и военном плане: в октябре армия генерала фон Зеэкта подавила в зародыше выступление отряда «черного рейхсвера» под командованием майора Бушрукера, жестоко расправилась с попыткой коммунистического путча в Гамбурге и вступила в Саксонию, где разогнала возглавлявшееся коммунистами «правительство пролетарской защиты». Главнокомандующий рейхсвера фон Зеэкт 3 ноября лично дал понять фон Шайссеру, что ни в коем случае не выступит против центрального правительства Веймарской республики.

Этого хватило для того, чтобы руководство Баварии отказалось от своих планов выступления на Берлин. Но не от планов отделения и реставрации монархии. Шестого ноября фон Кар пригласил к себе представителей «Немецкого союза борьбы», желая отговорить их от любых необдуманных действий. Фон Шайссер заявил, что полностью поддерживает фон Кара, и предупредил, что намерен силой подавить любую попытку путча со стороны «патриотических движений». Наконец, фон Лоссов заявил, что он мог бы поддержать отделение, «если бы оно имело хотя бы 51 процент на успех», но отказался участвовать в каком-либо импровизированном путче, добавив, что следует выждать.

Но именно ждать Адольф Гитлер и не желал: недавно принятый рейхстагом закон вводил «рентную марку», что должно было привести к стабилизации экономического положения в стране. Народное недовольство, самый верный союзник фюрера, могло вот-вот утихнуть, и дальнейшее ожидание грозило ему потерей инициативы. Вильгельм Брюкнер, командир полка СА в Мюнхене, сказал ему: «Я больше не могу сдерживать своих парней. Если ничего не произойдет, они просто разбегутся». Поэтому 6 ноября Гитлер все-таки решил перейти к активным действиям, начать которые запланировал через неделю. Но вечером того же дня он узнал, что фон Кар намерен произнести важную речь во время собрания, которое должно состояться 8 ноября в располагавшемся на левом берегу реки Изар самом большом пивном зале Мюнхена под названием «Бюргербройкеллер». Гитлеру и его окружению все стало ясно: фон Кар и остальные члены триумвирата хотели взять инициативу в свои руки и претворить в жизнь планы по отделению Баварии и восстановлению в земле монархического строя. «Наши противники, – сказал потом Гитлер, – хотели провозгласить некую революцию, если быть точнее, баварскую революцию». Ганфштентль писал в мемуарах: «Наши информаторы в министерствах и в полиции сообщили нам, что это собрание станет предвестником провозглашения реставрации династии Виттельсбахов и оконча-

тельного разрыва с социалистическим правительством в Берлине». А Геринг подтвердил: «Мы предполагали в этой связи, что Бавария [...] могла отделиться».

Для нацистов это могло стать катастрофой: с одной стороны, они выступали за единый рейх – под их руководством, разумеется. С другой стороны, отделение Баварии и все военные действия, которые за этим последовали бы, могли поставить под угрозу их собственный путч. Посему руководители «Немецкого союза борьбы» собрались вечером 7 ноября на совещание, а к 3 часам утра 8 ноября Вебер, Крибель, Шойбнер-Рихтер и Геринг в конечном счете разделили мнение Гитлера: следует перейти к действию вечером текущего дня, когда вся знать соберется в «Бюргербройкеллер». Гитлер, Геринг и одно подразделение СА должны были захватить пивной зал и схватить основных руководителей правительства. Рём с бойцами «Боевого знамени рейха»³⁷ получил задание захватить штаб 8-го военного округа, Россбах со своим подразделением «Добровольческого корпуса» – занять другие правительственные здания, а члены «Союза Родины» должны были захватить казармы. Времени на подготовку такой сложной операции явно было очень мало, но заговорщики чувствовали поддержку мюнхенцев, опирались на многочисленных сообщников в полиции и рейхсвере. Генерал Людендорф должен был стать символом нацистов, и они были уверены в том, что смогут увлечь за собой трех главных членов баварского правительства – Кара, Лоссова и Шайссера. Короче говоря, речь шла не столько о путче, сколько о подавлении попытки путча, что и объясняло отсутствие заранее подготовленного плана выступления...

Времени на подготовку было слишком мало, так что Герингу удалось собрать всего сотню членов СА, но он все-таки успел заскочить в Оберменцинг и успокоить жену. «Карин плохо себя чувствовала, – вспоминала ее сестра Фани, – она недавно перенесла тяжелое воспаление легких, еще продолжала кашлять и лежала с температурой в постели». Вечером 8 ноября Герман Геринг смог пробыть у постели больной жены всего несколько минут. «У нас много дел, – сказал он ей. – Сегодня в “Бюргербройкеллер” состоится важное собрание, возможно, оно продлится до поздней ночи. Не волнуйся». Больше он ей ничего не сказал, вероятно, не имел на это права.

Действительно, конспирация была такой, что Гитлер поставил обо всем в известность лишь нескольких преданных ему людей, Гесса, Пенера, Графа и Амана, да и то в самый последний момент. Около полудня в редакцию газеты «Фёлькишер беобахтер», где находились Розенберг и Ганфштенгль, словно ураган влетел фюрер с хлыстом для верховой езды в руках. «Дайте мне слово, что никому не расскажете об этом! – произнес он со сдерживаемым нетерпением. И прибавил: – Пробыл наш час. Вечером мы выступаем. Ты, товарищ Розенберг, и ты, товарищ Ганфштенгль, войдете в мою личную охрану. Встречаемся в семь часов возле “Бюргербройкеллер”. Захватите с собой пистолеты».

В тот вечер в пивном зале «Бюргербройкеллер» собралось около 3000 человек. Там находились все руководители баварского правительства, включая премьер-министра фон Книллинга и некоторых членов его кабинета, служащие министерств, офицеры, дипломаты, банкиры, аристократы, предприниматели и несколько журналистов. Ганфштенгль вошел туда примерно в половине восьмого вслед за Гитлером. «Входной коридор был совершенно пуст, – вспоминал он, – если не считать огромного скопления форменных пальто и сабель в гардеробной. Было ясно, что здесь собралась вся элита Мюнхена. Я заметил Гитлера, который тихо занял место возле одной из больших колонн метрах в двадцати пяти от трибуны. Казалось, никто не обращал на нас никакого внимания, и мы стояли примерно двадцать минут с невинным видом. Гитлер, который все еще был в своем длинном непромокаемом пальто, вполголоса беседовал с Аманом, иногда кусая ногти и изредка бросая взгляды на

³⁷ В организации «Знамя рейха» произошел раскол, и Рём возглавил ту часть, что осталась верна Гитлеру, дав ей новое наименование: «Боевое знамя рейха».

трибуну, где находились фон Кар, фон Лоссов и фон Шайссер. Кар монотонно произносил какую-то невнятную и нудную речь. Я подумал, что это ожидание слишком затягивается, но не стоит мучить себя жаждой, и отправился к буфету, чтобы взять три литровых кружки пива. Помнится, каждая кружка обошлось мне в миллиард марок. Передав две кружки своей группе, я сделал большой глоток из третьей кружки. Гитлер в задумчивости сделал глоток. [...] Кар продолжал буквально усыплять нас. Но когда он произнес слова “а теперь перехожу к рассмотрению...”, которые, насколько я понимаю, предвещали кульминацию его речи, дверь позади нас резко распахнулась, и в зал вихрем ворвался Геринг с горящими глазами. На нем были все его звякающие награды. За ним в зал влетели двадцать пять коричневорубашечников, вооруженные пистолетами и автоматами. Какое сразу поднялось волнение! Все произошло мгновенно. Гитлер начал проталкиваться к трибуне, мы устремились вслед за ним. Опрокидывались столы с кружками пива... [...] Гитлер вскочил на стул и выстрелил из пистолета в потолок. Многие считают, что так он хотел запугать собравшихся и подчинить их себе, но я могу поклясться, что он это сделал, чтобы разбудить людей. Нудная речь Кара была таким снотворным, что по меньшей мере треть зала задремала. Я сам едва не заснул стоя...»

Как бы там ни было, Гитлер, разбудив людей, поднялся на трибуну, оттолкнул в сторону ошарашенного фон Кара и прокричал: «Национальная революция разразилась!» Затем, обращаясь к изумленной публике, сказал: «Зал окружен шестьюстами хорошо вооруженных людей. Выйти отсюда никому не удастся. Баварское и берлинское правительства отныне низложены, уже сформировано новое временное правительство. Рейхсвер за нас! Над его казармами развевается наше знамя со свастикой!..» Это был блеф чистой воды: никаких шестисот человек не оцепили зал – их было всего шестьдесят, Гитлер никак не смог бы низложить правительство в Берлине, находясь в мюнхенском пивном зале. Но полицейские исчезли, у дверей стояли вооруженные бойцы СА, в вестибюле был установлен крупнокалиберный пулемет, и это внушало уважение... Гитлер пригласил фон Кара, фон Лоссова, фон Шайссера и компанию пройти в боковую комнату для обсуждения планов, а в это время Геринг в стальном шлеме на голове поднялся на трибуну и объявил: «лидеры» удалились на совещание, а все остальные будут оставаться на своих местах – и добавил, что «тут есть пиво, чтобы выпить». Весьма довольный произведенным эффектом, он не заметил, что начальник штаба генерала фон Лоссова выскользнул из зала: бойцы СА, из уважения к его мундиру, позволили ему уйти. Этот промах привел затем к серьезным последствиям...

Тем временем в соседней комнате сильно возбужденный Гитлер заявил членам баварского правительства, что «никто не выйдет живым из этого зала без его разрешения». Он потряс пистолетом, а затем, приставив его дулом к своему виску, повторил: «Господа, никто из нас не выйдет из этого зала живым! Вас трое, у меня в магазине четыре патрона, вполне достаточно для нас четверых, если я потерплю неудачу». После чего предложил Кару и Пенеру взять в руки власть в Баварии, а Лоссову и Шайссеру – занять посты в новом правительстве рейха, которое он намерен сформировать с Людендорфом в качестве «главнокомандующего национальной немецкой армией». Беда была в том, что славный генерал запаздывал³⁸, а члены триумвирата оказались не столь вдохновлены предложением, как ожидал Гитлер. Кар и Шайссер дали достаточно прямой ответ, и Гитлер, полный разочарования, покинул комнату, не произнеся ни слова. И все же с поразительной уверенностью в себе он вышел в зал, где Геринг продолжал держать в напряжении присутствующих, и громким отрывистым голосом заявил, что согласие практически достигнуто: «Я провозгласил низ-

³⁸ Это еще один пример того, насколько спешно готовился путч: Людендорфа, который по идее должен был стать символом путча, никто не предупредил о его начале, и Шойбнер-Рихтер в самый последний момент направился в Людвигсхафен, чтобы доставить генерала в Мюнхен. В спешке старый генерал забыл надеть мундир, что весьма ослабило эффект от его появления в «Бюргербройкеллер».

ложенным правительством ноябрьских преступников и президента рейха. Сегодня и здесь, в Мюнхене, будет сформировано новое правительство. Я предлагаю также сформировать баварское правительство [...] с господином фон Каром в качестве регента и господином Пенером в должности премьер-министра. [...] До тех пор пока не будут окончательно сведены счеты с ноябрьскими преступниками, я предлагаю поручить мне политическое руководство национальным правительством. Людендорф возглавит национальную немецкую армию, Лоссов будет министром обороны, а Шайссер – министром внутренних дел рейха. Ближайшей задачей временного национального немецкого правительства станет поход на Берлин, этот источник унижений, для того чтобы спасти немецкий народ». Затем, кивнув в сторону соседней комнаты, где под усиленной охраной находились члены триумvirата, он прибавил: «Кар, Лоссов и Шайссер решились на это с большим трудом. Могу ли я сказать им, что вы их поддерживаете?» Присутствующие горячо зааплодировали, а Гитлер закончил речь такой театральной фразой: «Немецкая революция должна начаться сегодня ночью, в противном случае на заре мы все будем мертвы!»

Когда Гитлер вернулся к триумvirату в боковую комнату, произошли два события, изменившие обстановку в его пользу. Во-первых, Кар, Лоссов и Шайссер слышали аплодисменты и из этого сделали вывод, что зал поддерживает Гитлера. Во-вторых, в «Бюргербройкеллер» наконец-то появился Людендорф. И каким бы сильным ни было негодование старого генерала на то, что его поставили перед свершившимся фактом, он прекрасно сыграл свою роль: Людендорф заявил, что путч – «великое национальное событие», и призвал трех членов баварского правительства к сотрудничеству с ним. Фон Лоссов якобы ответил: «Желание вашего превосходительства для меня – закон», – позже он будет отрицать это. Как бы там ни было, в конце концов триумvirат уступил. Потом все главные действующие лица вышли в зал, демонстрируя показное единство, и под крики «Виват!» и восторженные рукоплескания всех присутствующих в зале пожали друг другу руки. Гитлер, придя в экстаз, произнес страстную речь. Когда он закончил, зал затянул гимн «Германия превыше всего», а потом все разошлись. За исключением премьер-министра Книллинга, пяти министров его кабинета и еще нескольких важных лиц, которых Гесс бесцеремонно отвел в маленькую комнату на втором этаже, где они должны были оставаться в качестве заложников. А члены нового «правительства» продолжали разговаривать внизу. С начала до конца вся операция продолжалась менее трех часов...

Чуть позже несколько сотен штурмовиков СА, прибывших из окрестностей Мюнхена, и тысяча кадетов пехотного училища усилили маленький гарнизон «Бюргербройкеллера». А на другом берегу реки Изар людям Рёма удалось захватить штаб 8-го военного округа и штаб генерала фон Лоссова на Шенфельдштрассе. Казалось, путч удался, и среди окружения Гитлера царила эйфория. Однако все еще были неизвестны результаты действий в городе других отрядов, поэтому ночь обещала стать длинной. «Я отыскал Геринга, – написал позже Гафштенгль, – и он мне сказал: “Пуци, позвони Карин и скажи ей, что сегодня ночью домой я не приду. И заодно отправь ей по почте вот это письмо”». Таким образом, выходило, что одновременно можно быть беспощадным революционером и очень сентиментальным человеком...

Но 8 ноября еще не закончилось, как путчисты начали ощущать некоторую неуверенность: здания радиостанции, почты и телеграфа не были захвачены, восставшие не контролировали помещение генерального комиссариата полиции, казалось, что они потерпели неудачу и в захвате казарм. Именно этот фактор и оказался позднее решающим: три сотни членов «Союза Родины» должны были захватить оружие в казарме инженерной части, но там их встретили враждебно, а переговоры ни к чему не привели. Из «Бюргербройкеллера» командир «Союза борьбы» подполковник Кребель послал в казарму офицера в качестве парламентария, тем не менее Гитлер тоже решил туда отправиться. Это оказалось большой

ошибкой, за которой последовала другая: фюрер оставил генерала Людендорфа в «Бюргербройкеллере» один на один с триумвиратом... И когда полчаса спустя вернулся туда ни с чем, обнаружил, что Людендорф отпустил фон Кара, фон Лоссова и фон Шайссера. На вопрос Гитлера, как генерал мог поверить фон Лоссову, старый герой мировой войны ответил напыщенно, что командующий силами рейхсвера в Баварии пообещал ему содействие, и добавил, что «немецкий генерал никогда не нарушит слова».

Незадолго до полуночи Гитлер, Людендорф, Крибель и Шойбнер-Рихтер пришли к Рёму в захваченный им штаб военного округа. После многочисленных рукопожатий и бесконечных разговоров о светлом будущем национал-социалистской Германии они вернулись к срочным делам. Людендорф попытался связаться с фон Лоссовым, который сказал ему перед уходом из «Бюргербройкеллера», что намерен вернуться в свой кабинет в штабе округа, чтобы отдать все необходимые распоряжения. Но фон Лоссов не только не появился в штабе, его вообще не могли нигде отыскать. Нацисты послали эмиссаров в комендатуру, однако те не вернулись. Фон Шайссер и фон Кар тоже куда-то пропали... В это время люди Россбаха и кадеты пехотного училища попытались проникнуть в здание генерального комиссариата полиции, где находился кабинет фон Кара, но наткнулись на сопротивление полицейских, пойти на штурм не решились и в конце концов ретировались. Однако именно там и находился в то время фон Кар, получивший свободу действий и перемещения. Он тайно пробрался в казарму 19-го пехотного полка, присоединившись к фон Лоссову и фон Шайссеру. Началось противодействие путчу...³⁹

В начале четвертого утра в захваченном штабе военного округа Рём и Гитлер слышали коммюнике, передававшееся по радио с 2 часов 55 минут. «Генеральный комиссар фон Кар, полковник фон Шайссер и генерал фон Лоссов осуждают организованный Гитлером путч, что касается их обещаний поддерживать путч, они были даны под угрозой оружия, а следовательно, являются недействительными...» Да, обстановка стала осложняться. Гитлер сообщил обо всем этом новоиспеченному премьер-министру Пенеру (который уже собрался лечь спать) и приказал ему взять штурмом штаб полиции с помощью одного из подразделений «Союза Родины». Слишком самоуверенный Пенер отправился туда в сопровождении всего лишь одного офицера, вошел в здание... и был арестован. Тем временем Гитлер, Людендорф и их сообщники незадолго до рассвета вернулись в «Бюргербройкеллер». На улицах Мюнхена было холодно, сыпал мелкий снег, фюрер явно пал духом. Он сказал: «Хорошо, если мы из этого выберемся, в противном случае нам придется повеситься...»

В пивном зале, где в воздухе стояли запахи пива и табачного дыма, все еще находились члены СА и их союзники из «Союза Родины»; к ним постепенно присоединялись их товарищи, подъезжавшие из всех уголков Баварии на легковых автомашинах, грузовиках и даже на лошадях. По пути они обгоняли колонны частей рейхсвера, и поэтому в их рядах царил явный смятение. На втором этаже вожди путча проводили совещание: как всегда спокойный Людендорф потягивал красное вино вместо завтрака и ворчал, что «больше нико-

³⁹ Едва покинув «Бюргербройкеллер», фон Лоссов сразу же направился в комендатуру; комендант мюнхенского гарнизона генерал фон Даннер уже знал о путче от начальника штаба округа, ускользнувшего из пивного зала во время выступления Гитлера. Фон Даннер сообщил обо всем главнокомандующему частями рейхсвера в Баварии фон Зеэку и получил от того приказ незамедлительно подавить путч, «иначе он займется этим лично». Проинформировав обо всем этом фон Лоссова, фон Даннер дипломатично добавил: «Вы дали слово... Но это был блеф, не так ли, господин генерал?» Почувствовав перемену направления ветра, фон Лоссов поспешил подтвердить, что действовал по принуждению, затем перенес свой штаб в казарму 19-го пехотного полка в Обервайзенфельде, предместье Мюнхена, откуда отдал приказы частям рейхсвера, расквартированным в Ландсхуте, Регенсбурге, Аугсбурге и Ингольштадте, выступить на Мюнхен, чтобы подавить путч. Отдать эти приказы было тем проще, что восставшие не захватили здание радиостанции, а Рём, продолжавший занимать штаб военного округа, не взял под контроль узел связи штаба! Фон Шайссер и фон Кар, узнав, что рейхсвер выступил против путчистов, к часу ночи тоже отказались от своих обещаний, отдали полиции приказ арестовывать путчистов и присоединились к фон Лоссову в Обервайзенфельде. И там троим составили официальное сообщение, которое передали по радио в 2 часа 55 минут ночи...

гда не поверит слову чести немецкого офицера». Гитлер продолжал отдавать распоряжения: одному подразделению штурмовиков он поручил захватить штаб полиции и освободить Пенера, другое было направлено в типографии, чтобы конфисковать свежееотпечатанные новые деньги – разве не деньги являются нервом войны? Грегор Штрассер, добравшийся всю ночь из Ландсхута со своими бойцами СА, прибыл в пивной зал на рассвете. Там он встретил Геринга, по-прежнему исполненного боевого духа, в стальном шлеме и в черном кожаном плаще. «Эти типы, – сказал ему Геринг, имея в виду триумвират, – отказались от слова, которое дали фюреру, – но народ по-прежнему с нами. Придется все начинать сначала».

Да, конечно, все начать сначала – но с какого именно момента? К 11 утра в верхней комнате пивного зала «Бюргербройкеллер» собрался военный совет, однако главари путча никак не могли выработать единую тактику действий. Крибель предложил отступить в Розенхайм, поближе к австрийской границе, где можно будет собрать новые подразделения, чтобы вновь перейти в наступление. Геринг его поддержал: в конечном счете там родина фюрера, и можно не сомневаться, что все там отнесутся к нему благожелательно. Но Людендорф даже слышать не хотел ничего подобного. Он заявил: «Не может быть и речи о том, чтобы движение сползло в грязный кювет на какой-то темной проселочной дороге...» Гитлер колебался, а в это время ситуация в Мюнхене продолжала меняться. Путчисты узнали, что находившегося в штабе военного округа капитана Рёма с его людьми окружили полицейские и военные, грозившие взять здание штурмом. И тогда Людендорф четко указал направление действий: надо всеми силами выдвинуться к центру Мюнхена, чтобы оказать помощь Рёму. Гитлер моментально поддержал это предложение. «Нам следовало направиться в центр города, – позже написал он, – чтобы привлечь на нашу сторону народ [...] и посмотреть, как Кар, Лоссов и Шайссер отнеслись бы к широкому проявлению общественного мнения. В конечном счете эти господа были не настолько глупы, чтобы стрелять из пулеметов по восставшему народу. Так мы решили двинуться в город».

Жребий был брошен: около половины двенадцатого нацисты выстроились колонной перед пивным залом и двинулись к центру города. Во главе колонны ехал грузовик с вооруженными бойцами СА и пулеметом; восемь человек держали черно-бело-красные флаги, другие несли знамена со свастикой. Позади грузовика двигалось все руководство движения: в первом ряду шли Гитлер, Людендорф и Шойбнер-Рихтер, за ними следовали Крибель, Граф, Розенберг и Геринг (по-прежнему в каске и черном кожаном плаще, который он распахнул, чтобы были видны его награды). За ними ступали три подразделения в колонну по четыре, слева шли сто человек из личной охраны Гитлера в стальных шлемах, с карабинами и ручными гранатами. Справа маршировали члены «Союза Родины», а в центре шли бойцы мюнхенского полка СА с пистолетами в руках. Позади штурмовиков двигались кадеты пехотного училища, вооруженные ружьями с примкнутыми штыками, студенты, мелкие торговцы, рабочие, несколько предпринимателей. У каждого участника шествия на левой руке была надета повязка со свастикой. Всего в марше принимали участие около 2000 человек...

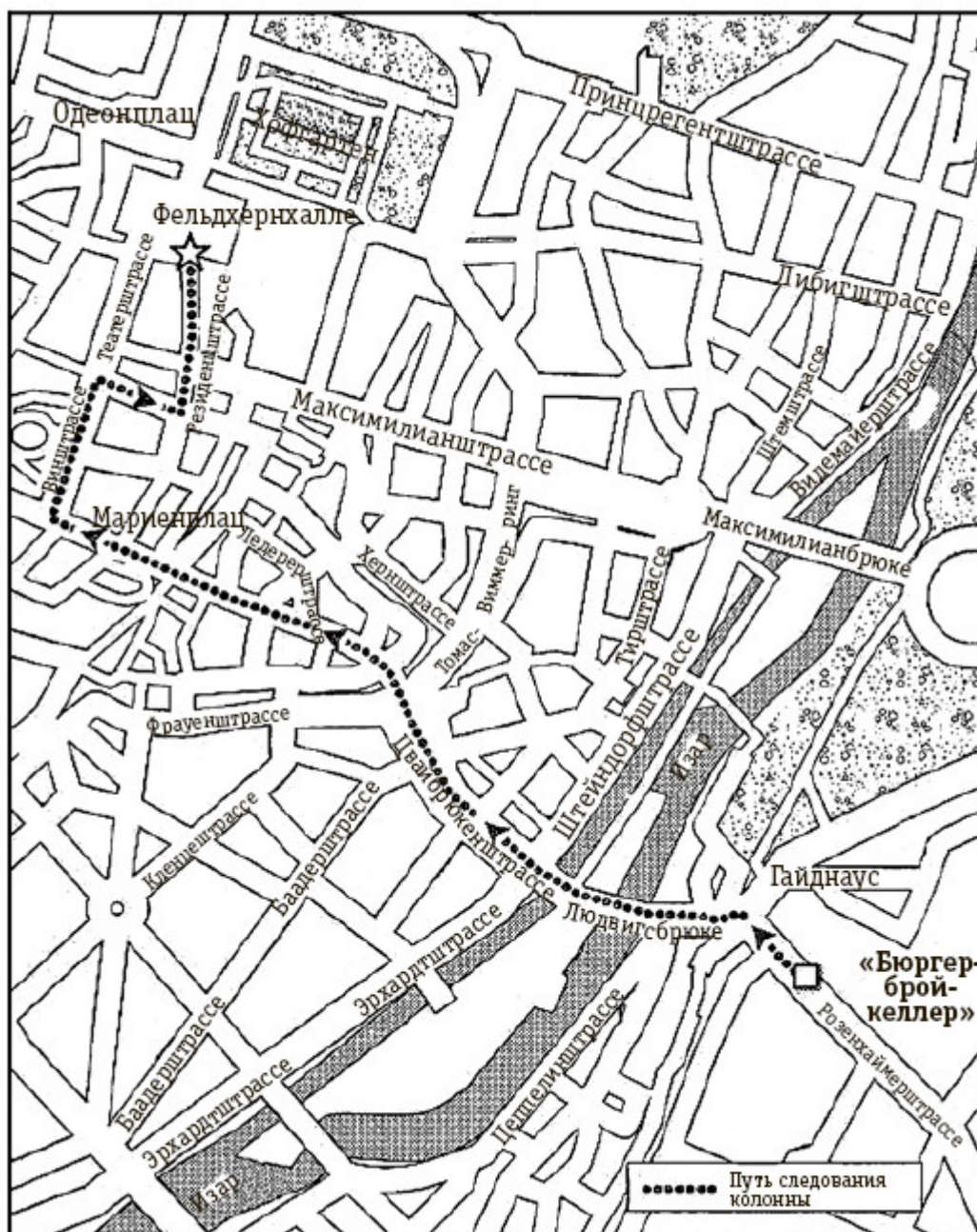
Было довольно прохладно, небо заволокли свинцово-серые тучи, время от времени срывался снег, а укрывший Мюнхен с ночи белый ковер превратился в грязную жижу, тормозившую движение. Спустя четверть часа колонна дошла до моста Людвигсбрюке, соединявшего два берега реки Изар. Вход на мост преграждал небольшой отряд полиции, но штурмовики оттеснили его, и колонна без помех прошла по мосту и вступила на Цвайбрюкенштрассе. По обеим сторонам улицы стояли жители Мюнхена, приветствовавшие нацистов и махавшие флажками со свастикой. Вскоре ими овладел стадный инстинкт, и многие зеваки присоединились к шествию, которое в половине первого дня достигло Мариенплац. Площадь вся была заполнена людьми, из окон домов свешивались флаги со свастикой, такой

же флаг висел на фронтоне мэрии, а приветствия публики звучали на фоне патриотических песен. Однако на стенах зданий уже были расклеены объявления о том, что НСДАП и «Союз борьбы» запрещены, а их руководители объявлены в розыск. Но на это, казалось, никто не обращал никакого внимания...

При выходе с Мариенплац образовался затор: грузовик оказался в середине шествия, позади тех, кто шел впереди колонны. Те в нерешительности замедлились, не зная, какую улицу выбрать. Но Людендорф решительно направился вправо, на Винштрассе, в направлении Одеонплац, и колонна машинально последовала за заслуженным генералом. Для того чтобы выйти на площадь, требовалось пройти по узкой улице, Резиденцштрассе, где можно было двигаться только по восемь человек в ряд. А в конце этой улицы напротив Фельдхернхалле выстроилось подразделение государственной полиции. Командовал кордоном лейтенант фон Годин, получивший от Шайссера строжайший приказ не допустить выхода колонны на Одеонплац. Шествие остановилось перед полицейским заслоном. Ульрих Граф, выступив вперед, крикнул: «Не стреляйте! Не стреляйте! Здесь находится его превосходительство генерал Людендорф!» А Гитлер якобы добавил: «Сдавайтесь!», что никак не способствовало разрядке атмосферы. Внезапно раздался выстрел: несомненно, стрелял кто-то из колонны. И тогда полицейские, не дожидаясь приказа, открыли огонь. Перестрелка продолжалась всего полминуты, но за это время 16 нацистов и трое полицейских замертво упали на мостовую, многие получили ранения. Граф заслонил собой Гитлера и был тяжело ранен. Шойбнер-Рихтер погиб, когда оттаскивал Гитлера, упавшего на мостовую. Гитлер решил, что ранен в бок, хотя на самом деле всего лишь вывихнул левую руку, когда падал. Курт Нейбауэр, слуга, став живым щитом для Людендорфа, был практически разрезан надвое залпом. Сам же старый генерал с достоинством двинулся в направлении полицейского кордона. Полицейские почтительно расступились перед уважаемым ветераном войны и дали ему пройти. Тем временем Гитлер отступил, шатаясь, в хвост колонны, соратники усадили его в машину и быстро увезли в безопасное место. Среди тел, оставшихся лежать в конце улицы, оказался и Герман Геринг: получив тяжелое ранение в бедро, он смог поползти до каменного льва перед входом во Фельдхернхалле и остался лежать за этим укрытием. Два бойца СА подняли его и занесли в ближайший подъезд дома № 25 по Резиденцштрассе. Постучав в первую же дверь, за которой оказалась квартира продавца мебели Роберта Баллина, они спросили: «Не могли бы вы приютить раненого? Он – кавалер ордена “За заслуги”...» Баллин ответил без раздумий: «Я рад принять любого, кто попал в беду, независимо от того, имеет он награды или нет!»

Карта 4

Неудавшаяся попытка путча 9 ноября 1923 г. в Мюнхене

К счастью, жена продавца мебели и ее сестра во время войны были санитарками. Они уложили раненого, остановили кровотечение, обработали, как могли, рану и обратились за помощью к Альвину Риттеру фон Ашу, симпатизировавшему нацистам профессору, имевшему в Мюнхене собственную клинику. Обе женщины ухаживали за Герингом до наступления ночи, после чего его тайно доставили в клинику. Их поступок весьма символичен, ведь они знали, что Германа Геринга уже разыскивает полиция, им было известно, какую идеологию проповедует его партия, и они... были еврейками.

Фани, сестра Карин, слышала перестрелку издалека, но ничего не смогла узнать о судьбе руководителей нацистов. Лишь поздно ночью к ним явился один из членов СА и рассказал Карин, что Геринг ранен и доставлен в клинику профессора Аша. Карин, которой из-за температуры и кровохарканья врачи предписали постельный режим и строжайше запретили вставать с кровати, незамедлительно потребовала вызвать машину, и через полчаса она уже была у постели своего Германа. «Совершенно успокоившись, она стала теперь

хозяйкой ситуации, – записала Фани. – Держа руку мужа в своей руке, ни на секунду не сводя с него глаз, она напряженно размышляла. [...] Дорога была каждая секунда. Требовалось немедленно разработать какой-нибудь план, предупредить друзей. Герман Геринг должен был покинуть город до рассвета, даже рискуя жизнью, даже если бы у него вновь началось кровотечение, а боль стала бы невыносимой». Действительно, Геринг был плох: пуля вошла в верхнюю часть бедра и остановилась в пяти миллиметрах от бедренной артерии, так что опасность кровотечения представлялась довольно реальной. Но опасность ареста была намного серьезнее: Фани только что узнала, что фон Лоссов приказал схватить Геринга. Живым или мертвым...

С помощью нескольких членов СА раненого перенесли в машину и отвезли в Гармиш-Партенкирхен, населенный пункт в 90 километрах южнее Мюнхена. Верные друзья приютили Геринга на своей вилле, но не прошло и двух дней, как эта новость облетела весь городок, а возле дома начали собираться сочувствующие нацистам жители, чтобы поприветствовать беглеца. «Нам показалось, что лучше уехать за границу, в Австрию, – написала позже Карин своей матери. – Мы добрались до границы на машине, но там нас остановили, и вооруженные полицейские отвезли нас назад в Гармиш. Собравшиеся по обе стороны дороги толпы кричали: “Да здравствует Геринг!” – и ругали полицейских. Возмущенная толпа едва не расправилась с ними. Несмотря на тяжелое состояние, Герману пришлось успокоить людей, сказав им, что полицейские всего лишь выполняют свой долг».

По приезде в Гармиш-Партенкирхен полицейские отвезли задержанного Геринга в местную больницу, отобрали у него паспорт и оставили под надежной охраной. Но местные нацисты, имевшие много сообщников среди полицейских, быстро выправили для него новый паспорт, и вскоре был разработан план побега. «Все произошло, как в сказке, – писала матери Карин. – Германа донесли до машины (он сам не мог сделать ни шага), а затем, одетого лишь в ночную рубашку, прикрытого меховым мантио и несколькими одеялами, за два часа довели до границы, которую ему удалось пересечь благодаря фальшивому паспорту». Верная Карин присоединилась к мужу на следующий день, пробравшись в Австрию *пешком* по горным тропам... Если учесть, какие напряженные усилия прилагала в течение семидесяти двух часов эта исхудавшая женщина, которой врачи строжайше запретили вставать с постели, то следует отдать должное этой победе моральной силы над физической слабостью.

Так Геринг оказался вне досягаемости баварских властей, но его положение продолжало оставаться сложным: партия, главные руководители которой вскоре оказались за решеткой⁴⁰, лишилась сил, в Мюнхене было конфисковано все его имущество, банковские счета были заморожены, а за его поимку власти пообещали награду. Германия теперь была для него закрыта, Австрия приняла его довольно сдержанно, он лишился средств. К тому же он не мог двигаться из-за раны, поскольку она доставляла ему страдания. Для человека, который всегда стремился к славе и достатку, ситуация сложилась крайне незавидная...

⁴⁰ Начиная с Гитлера, который был арестован 11 ноября в Уффинге в летней резиденции Ганфштенгля, где нашел себе убежище.

V

Падение в ад

В Инсбруке, где множество австрийцев сочувствовали нацистам, бежавших участников неудавшегося путча приняли очень тепло, но именно там Герман Геринг пережил самый тяжелый период своей жизни... Утром 12 марта его отвезли в городскую больницу, где врачи констатировали, что пулевое ранение привело к обширному воспалению. Требовалось срочно оперировать Геринга, а он уже очень ослабел от потери крови, недосыпания и постоянных перемещений. Операция прошла успешно, но еще двое последовавших за ней суток Геринг без конца метался в бреду под действием высокой температуры и хлороформа. При нем постоянно находилась Карин, преданная жена, чье хрупкое здоровье подверглось суровым испытаниям из-за ста двадцати часов бессонницы, постоянной тревоги и тяжелых физических нагрузок.

Снова придя в сознание, раненый нацист смог удостовериться, что его состояние вызывает опасение, но он не покинут: его постоянно навещали симпатизирующие ему люди, в частности Паула, сестра Гитлера, Винифред и Зигфрид Вагнер, Хьюстон Стюарт Чемберлен, верный Боденшац и все главные участники путча, которым удалось укрыться в Австрии: Эссер, Россбах, Людеке, Гофман и Ганфштенгль, давшие друг другу клятву воссоздать нацистское движение из Зальцбурга, тем более что в Баварии осталось много сообщников. Курт Людеке, тем не менее, покинул больницу несколько разочарованным в Геринге, но под большим впечатлением от его жены. Он вспоминал: «Фрау Геринг была очаровательной женщиной, спокойной и симпатичной, ее осанка и походка отличались особым благородством. Геринг не скрывал, что обожает ее, и полагаю, что в глубине души он осознавал, что она намного выше него. Я был того же мнения».

Пока Геринг был прикован к постели болью, а остальные беглые лидеры нацистов начали переправлять в Баварию листовки с призывами к отделению, Карин пришлось добывать средства к существованию в чужом городе, куда она приехала без гроша. К счастью, они с мужем оказались в дружественном окружении, а хозяин комфортабельного отеля «Тиролер Хоф», убежденный нацист, выразил готовность сделать ей тридцатипроцентную скидку за проживание, предоставить кредит... и не давить в случае задержки оплаты! Ганфштенгль, навестивший Геринга, поразился, став свидетелем такой щедрости: «Я проводил Карин в ее гостиницу и с удивлением обнаружил, что она живет в роскоши. Мы, остальные беглецы, жили бродягами, но у семейства Герингов такого никогда не было». Бедствовать весьма грустно, особенно когда приходится в чем-то себе отказывать!

Но состояние Германа Геринга вдруг резко ухудшилось, о чем Карин написала матери 30 ноября: «Четыре дня назад рана, которая уже начала заживать, вновь открылась, и из нее вышло много гноя. Сделали рентген и обнаружили, что внутри еще остались осколки пули и каменной крошки с мостовой, которые и вызывают воспаление. Пришлось делать операцию под наркозом, и после этого он три дня был без сознания, кричал, командовал уличным боем и стонал от ужасной боли. Вся нога у него опутана резиновыми трубками, по которым выходит гной. [...] Я перебралась в больницу три дня назад, чтобы быть рядом с ним. [...] Планов на будущее у нас нет, да мы и не можем их строить. Все зависит от того, как будет складываться обстановка в Германии, в частности в Баварии».

А в тот момент дела развивались довольно плохо для национал-социалистов: фон Кар и фон Лоссов заверили Берлин и главнокомандующего рейхсвером фон Зеекта в том, что они контролируют ситуацию и что «патриотические ассоциации» разоружены. Что Гитлер посажен в тюрьму Ландсберга, большинство его остававшихся на свободе сподвижников

арестованы, другие, в том числе Рудольф Гесс, сами сдались, и что в начале 1924 года всех путчистов ждет суд. Геринг по-прежнему находился в розыске, за его домом в Мюнхене установлено наблюдение, вся его почта конфисковывается, его счета в банке заморожены. Был даже выписан ордер на арест Карин за пособничество мужу в бегстве. В Зальцбурге положение нацистов тоже было незавидным. «Мы делали все возможное, чтобы поддерживать контакт с Мюнхеном, – вспоминал позже Курт Людеке, – но отдавали себе отчет в том, что с учетом сложившихся обстоятельств трудно убеждать людей в том, что наше дело не проиграно... Если честно, мы и сами в это не очень-то верили. Партия была запрещена, и мы никак не могли рассчитывать на финансовую поддержку ее бывших членов».

Все это никак не могло способствовать укреплению морального духа Геринга, состояние здоровья которого продолжало ухудшаться. Вот что Карин написала по этому поводу своей сестре Лили: «Я ничем не могу ему помочь. Рана сильно гноится, воспалено все бедро. Боль такая сильная, что Герман не может говорить, только мычит и кусает подушку. Прошел ровно месяц со дня его ранения, но, несмотря на ежедневные уколы морфина, боль не стихает». Так и было: чтобы облегчить страдания больного и дать ему поспать, австрийские врачи действительно прописали ему уколы морфина, которые делались два раза в день. Доктора сознательно пошли на это, прекрасно понимая, что существовала опасность привыкания, но так было необходимо, и лечение продолжалось. В итоге Герман Геринг попал в ужасную зависимость, последствия которой он никак не мог предвидеть...

Но постепенно крепкий организм раненого начал побеждать недуг, и 22 декабря врачи извлекли дренажные трубки, поставленные по всему бедру. С этого момента боль начала резко стихать, и Геринг пожелал немедленно покинуть больницу! Врачи не соглашались его отпускать, но пациент оказался очень настойчивым и убедительным, и накануне Нового года Геринг самостоятельно перешагнул порог больницы, опираясь на два костыля. Карин с нетерпением ждала его в отеле «Тиролер Хоф». «Я постаралась придать комнате хоть какой-то уют, – написала она потом отцу. – [...] Местные штурмовики подарили нам небольшую елку, каждая лампочка на которой была украшена черно-бело-красными ленточками. Герман целый день ковыляет на костылях, не находя себе места. [...] Мы с ним долго сидели рядом и, наблюдая, как светятся лампочки, обсуждали все, что произошло. Мне было больно сознавать, что Герману пришлось стать беженцем, что его преследовали власти его родной страны! Вечером, когда стемнело, я [...] накинула пальто и вышла на улицу подышать воздухом». Увы! Воздух оказался слишком свежим – снаружи разыгралась настоящая снежная буря, – а Карин настолько погрузилась в свои мысли, что пробыла на улице слишком долго... На следующий день у нее поднялась температура, вынудившая ее несколько дней пролежать в постели. Из-за хрупкого здоровья и накопившегося утомления Карин тяжело перенесла простуду.

А Герман Геринг постепенно набирался сил, и уже 2 января 1924 года он попробовал передвигаться без костылей. Попытка оказалась не совсем удачной, и Карин написала об этом сестре: «Я так страдаю при виде моего Германа, некогда энергичного, сильного и веселого, а теперь бледного, молчаливого и такого же худого, как жерди, из которых сделаны его костыли». Потом она добавила: «Вчера и позавчера к нам приходил адвокат Гитлера⁴¹. Он приезжал прямо из тюрьмы, в которой содержится Гитлер; он привез нам новости о нем и письмо». Разумеется, Гитлер написал Герингу вовсе не для того, чтобы пожелать выздоровления: он доверил ему реорганизацию партии на территории Австрии, а главное, поручил найти средства для оплаты расходов в связи с предстоящим судебным процессом и для

⁴¹ Лоренц Родер, который с декабря совершал челночные поездки между Германией и Австрией.

финансирования будущей предвыборной кампании «Национал-социалистического освободительного движения»⁴².

Это было непосильное задание для человека, который мог ходить, только опираясь на костыли, но уже в конце января 1924 года Герман Геринг отправился в командировку... Четвертого февраля Карин написала сестре с некоторым беспокойством: «В последнее время я его практически не видела. Герман уезжает ночными поездами, чтобы выиграть время; он взялся за работу, словно сумасшедший».

Карин не преувеличивала: капитана Геринга видели поочередно в Зальцбурге, Линце, Граце, Клагенфурте, Санкт-Пёльтене, Айзенштадте, но чаще всего в Вене... Он несколько раз приезжал в австрийскую столицу, чтобы попытаться освободить лейтенанта Россбаха, арестованного за обладание поддельным паспортом. Усилия, предпринимаемые этим еще слабым путешественником, могут удивить, но следует помнить о том, что Герман Геринг оставался верен идеям вождя и действовал с энтузиазмом фанатика. В своей переписке, кстати, он подсознательно использует все выражения Гитлера: «Я хочу вернуться в Германию немцев, а не в республику евреев»; «предателей погубит их собственное вероломство»; «мы начинаем вновь подниматься [...] с фанатичной верой в нашу конечную победу». Деятельный член нацистской партии, Геринг, кстати, написал Гитлеру, что готов вернуться в Мюнхен, чтобы их судили вместе, но тот с этим не согласился: Геринг был больше полезен в Австрии, к тому же фюрер намеревался стать главным героем грядущего судебного процесса...

Что он и принялся осуществлять с 26 февраля 1924 года, когда начались заседания специального суда, проходившего в здании пехотного офицерского училища на Блютенбургштрассе. Обвиненный в государственной измене и вооруженном выступлении вместе с девятью другими подсудимыми⁴³, Гитлер сполна воспользовался присутствием в зале суда журналистов, снисходительностью судей, малодушием прокурора, неуверенностью свидетелей обвинения⁴⁴ и пособничеством баварского министра юстиции Гюртнера, для того чтобы превратить суд в трибуну, из обвиняемого стать обвинителем... Вовсе не стремясь преуменьшить свою роль, как это сделал Людендорф, он взял на себя всю ответственность за попытку восстания, которую оправдал в течение многих часов при помощи своего опасного красноречия. «Я один несу за все ответственность, но это вовсе не означает, что я преступник, – говорил он. – Если меня судят здесь как революционера, то я и есть революционер, который борется против революции 1918 года, а по отношению к тем, кто выступает против предателей, нельзя выдвигать обвинение в государственной измене. Иначе тройка, которая возглавляла правительство, армию и полицию Баварии и готовила вместе с нами заговор против национального правительства, виновата не меньше и должна находиться рядом с нами на скамье подсудимых, а не выступать в роли главных свидетелей обвинения⁴⁵. [...] Я считаю себя лучшим из немцев, который хотел лучшей доли для немецкого народа. [...] Я хотел стать сокрушителем марксизма, собирался решить эту задачу. [...] Германия только тогда станет свободной, когда марксизм будет уничтожен. [...] Господа судьи, не вам предстоит вынести нам приговор. Этот вердикт вынесет вечный суд истории. [...] Вы имеете право признать нас

⁴² Поскольку НСДАП после попытки путча была запрещена, ее члены объединились именно под таким названием. Курт Людке получил два дня спустя подобные же инструкции от того же адвоката: найти деньги в Соединенных Штатах.

⁴³ Людендорф, Пенер, Фрик, Рем, Вебер и Крибель и три менее значимые фигуры: лейтенанты Вагнер, Брюкнер и Пернет.

⁴⁴ Кару, Лоссову и Шайссеру пришлось подать в отставку в начале 1924 года. Всем было известно, что они пообещали Гитлеру содействие 8 ноября, но никто не должен был знать того, что они участвовали в заговоре, имевшем целью поход на Берлин и свержение Веймарской республики.

⁴⁵ Здесь Гитлер направил обвинение против членов триумvirата Кара, Лоссова и Шайссера.

тысячу раз виновными, но история только улыбнется и на куски разорвет решения вашего суда».

Этот продолжительный монолог произвел на судей одновременно усыпляющее и гипнотическое действие... Оправдать Гитлера было невозможно⁴⁶, равно как и вынести ему суровый приговор. Поэтому вердикт суда, объявленный 1 апреля 1924 года, предусматривал пять лет лишения свободы в старой крепости Ландсберг за вычетом пяти месяцев, уже проведенных там Гитлером, и подразумевал потенциальное досрочное освобождение фюрера. Его основные сподвижники получили разные сроки, за исключением Людендорфа, которому суд вынес оправдательный приговор⁴⁷. Но Гитлер сумел добиться главного: после неудачной попытки государственного переворота, приведшей его на скамью подсудимых, он выступил перед судьями и получил общенациональную известность. А заключение сделало его в глазах многих немцев мучеником и героем...

Семейство Герингов оказалось глубоко разочаровано: они рассчитывали на оправдательный приговор для всех без исключения участников заговора. Но Карин, оставаясь оптимисткой, написала матери: «В следующем месяце мы ждем амнистию для всех, кто находится за границей». И добавила такой характерный комментарий: «Самым актуальным по-прежнему остается вопрос с деньгами. Если бы у нас была хоть какая-то уверенность на этот счет, мы чувствовали бы себя намного спокойнее с многих точек зрения». Геринг действительно находился в тяжелой ситуации: ему требовалось возродить в Австрии национал-социалистскую партию, а из Германии он на эту работу не получал ни пфеннига. Поэтому ему приходилось рассчитывать только на собственные мизерные средства. А также на пожертвования сочувствующих нацистам людей, что было весьма ненадежным источником. К тому же обеспокоенные его активностью австрийские власти, которые получили просьбу об его выдаче со стороны германских властей, дали Герингу понять, что ему следует сократить свое пребывание в Австрии. Они с Карин подумали было отправиться в Швецию через Италию, но встал извечный «денежный вопрос». Поэтому Геринги решили: несмотря на слабое здоровье⁴⁸, Карин должна вернуться в Мюнхен, чтобы попросить финансовую помощь у Гитлера и Людендорфа.

Тайно посетив виллу в Оберменцинге, арест с которой был уже снят, преданная супруга Германа Геринга навестила Людендорфа в его новой резиденции в мюнхенском районе Зольн. Но в промежутке между двумя горячими патриотическими речами славный генерал, явно расстроенный недавним опытом, дал понять Карин, что помочь ей ничем не может. Впрочем, разве служение партии не является само по себе высшим вознаграждением? Карин поспешила откланяться... Наконец 15 апреля она отправилась в Ландсбергскую тюрьму, где Гитлер отбывал заключение во вполне комфортных условиях: по словам Людеке, старая крепость больше напоминала санаторий, а если верить Ганфштенглю, некоторые санатории выглядели гораздо скромнее. Он вспоминал: «У Гитлера с Гессом были не столько камеры, сколько небольшая анфилада комнат, которые образовывали квартиру. Со всеми запасами, что там находилось, место заключения напоминало лавку деликатесов. Там можно было бы открыть цветочно-фруктово-винный магазин... Со всей Германии люди присылали подарки. [...] На столе красовались окорока из Вестфалии, пирожные, коньяк и всевозможные яства. Все это было похоже на фантастически благополучно снаряженную полярную экспедицию». Человек, которого предупредительные тюремщики называли «почетным заключенным», оказался, таким образом, в состоянии предложить своей гостье чаю, а в бла-

⁴⁶ В таком случае дело было бы вторично рассмотрено судом Лейпцига, а это грозило пролить свет на сепаратистские действия баварских властей.

⁴⁷ Старый генерал вышел из здания суда в ярости, заявляя, что его оправдание было «оскорблением его мундира и его наград»...

⁴⁸ При Карин почти постоянно находилась сиделка.

годарность за посещение подарил ей свою фотографию с надписью: «Супруге моего командира отрядов СА фрау Карин Геринг на память об ее посещении крепости Ландсберг, 15 апреля 1924 года»⁴⁹. Но это было не все: узнав, что Геринг перед поездкой в Швецию намерен побывать в Италии, он попросил Карин передать мужу указание повидаться с Муссолини и убедить того в необходимости оказания финансовой поддержки делу национал-социализма. А вот оказать финансовую помощь своему командиру отрядов СА он никак не мог: откуда он мог бы взять деньги? Может быть, позже... В итоге Карин Геринг вернулась в Инсбрук ни с чем.

Имелись у них деньги или нет, но из Австрии уезжать было необходимо, и 3 мая 1924 года чета Герингов села на поезд, направляющийся в Италию. Преданный идеям нацистов хозяин отеля «Тиролер Хоф» порекомендовал им обратиться к его немецкому другу, который управляет венецианским гранд-отелем «Британия», расположенным неподалеку от площади Святого Марка. Именно там Геринги оставили свой багаж. Карин, которая никогда не бывала на юге Европы, Венеция поразила, а проведенные в этом городе шесть дней стали для супружеской пары своеобразным медовым месяцем: проживание в шикарном отеле за очень умеренную цену, прогулки в гондолах по Большому каналу, купания вблизи Лидо, посещение островов, церквей, монастырей и музеев и художественных салонов, которые заставили двух немецких туристов забыть о жестокой реальности тех дней. Но лишь на короткое время. «А какие там были магазины и ювелирные лавочки! – писала Карин матери. – Приходилось обходить их по другой стороне улицы, чтобы не расстраиваться при мысли о своем безденежье. О, милая мама, нам не хватило бы и миллиона, чтобы купить все, что хотелось, но, увы, денег недоставало даже на самое необходимое!»

Это признание – пусть и преувеличенное в его отчаянности – явно было призвано побудить баронессу фон Фок отправить некоторую сумму дочери и зятю, которые нашли средства посетить Сиену и Флоренцию, прежде чем приехать в Рим. Там они остановились в отеле «Эден», самой шикарной гостинице города!⁵⁰ Герман Геринг не сомневался, что итальянские власти окажут ему достойный прием, поскольку он посланник Гитлера, и что его незамедлительно примет сам Муссолини. И тогда он, прославленный капитан-заговорщик-пропагандист-дипломат, очень легко убедит дуче подписать тайный договор с Гитлером и предоставить НСДАП ссуду в 2 миллиона лир... А после выполнения своей миссии сможет наконец уехать в Швецию с подобающими почестями и с выражением признательности со стороны фюрера. То, на что рассчитывал Геринг, шведы и англичане называют пустыми мечтаниями, а у французов есть для этого другое определение: «принимать желаемое за действительное»!

Осуществлять свою миссию Герман Геринг принялся, как и предусматривал, ранним утром 12 мая 1924 года, на следующий же день после прибытия в Рим. Карин писала родным: «Герман ушел час назад. Он прежде должен увидеться с адъютантом Муссолини, чтобы обговорить с ним время встречи с дуче». Но это оказалось непростым делом. Человека, с которым встретился Герман, звали Лео Негрелли, он раньше работал корреспондентом газеты «Коррьере д'Италия» в Мюнхене. Негрелли свел Геринга с дипломатом Джузеппе Бастианини. Геринг и Бастианини встретились несколько раз, но на этом все и остановилось: с одной стороны, специальный посланец фюрера сразу же совершил несколько промахов, что не очень понравилось собеседнику⁵¹; с другой – дуче, человек прагматичный, не видел

⁴⁹ Последняя цифра, написанная Гитлером на фотографии, напоминала «пять», из чего многие биографы сделали вывод, что визит Карин в крепость Ландсберг якобы имел место 15 апреля 1925 года. Но это явное заблуждение, поскольку в начале 1925 года Гитлер уже был на свободе.

⁵⁰ На самом деле семья Герингов перед отъездом из Инсбрука получила вспомоществование от Зигфрида Вагнера, а также «ссуду» от Эрнста Ганфштенгля (ее, конечно, они так и не вернули), дополнительно к деньгам, присланным родителями Карин и ее первым мужем...

⁵¹ Так, Геринг решил поддержать немецкого владельца отеля «Британия» в Венеции, чьи акции были арестованы после

никакого смысла во встрече с беглым представителем содержавшегося в тюрьме заговорщика. Еще меньше ему хотелось портить отношения с Веймарской республикой, связываясь с малочисленной партией путчистов, которая была запрещена в собственной стране. А уж обсуждать вопрос о ссуде в 2 миллиона лир... Это было совсем несерьезно! Недоразумение возникло из-за того, что Муссолини не соизволил дать ответ на просьбу эмиссара Гитлера, а посредники в лице Бастианини и Негрелли не осмелились прямо сказать Герингу, что все его просьбы отклонены – начиная с просьбы о личной встрече. Это и привело к бесконечному ожиданию в Риме и обмену любезными, но бесполезными письмами. Все происходящее заставляло Геринга недоумевать. Вскоре ему пришлось перебраться в гостиницу, которая более соответствовала его финансовым возможностям. Он очень страдал от болей в раненой ноге, поэтому увеличил дозы инъекций морфина⁵². Геринг начал полнеть на глазах, а его моральный дух падал с каждым днем. Чтобы не провоцировать у Карин резких смен настроения, становившихся все более частыми, он стал уходить и принялся посещать соборы, музеи и картинные галереи Вечного города. Геринга часто охватывало отчаяние, в чем он и признался позже своему приемному сыну Томасу фон Канцову: «Помнится, в три часа ночи я остановился перед фонтаном Треви и задал себе вопрос: а что скажут люди, если меня найдут на дне бассейна, усыпанном монетами, которые люди бросают туда, загадывая желание? Но в конце концов решил, что бассейн недостаточно глубокий, чтобы в нем утопиться, и отказался от этой мысли».

Несомненно, при этом он подумал о своей дорогой Карин, которой приходилось оставаться в номере, поскольку она часто теряла сознание и приходила в себя только после инъекции камфары или кофеина. Возможно, гордость мешала Герману признаться жене в том, что его просьбы об аудиенции ни к чему не приводили. Вероятно, он рассказывал ей о многочисленных выдуманных им встречах с дуче, что нашло отражение в письмах Карин своей семье⁵³. Но доверчивая графиня сохранила достаточно трезвости ума, чтобы понять: пребывание в Италии слишком затянулось, – а хмурость ее дорогого Германа действовала и на нее. Жизнь в гостинице стала для Карин невыносимой, она скучала по Швеции и общению с сыном, но, как и муж, все еще сохраняла надежду достичь дипломатического успеха: никто из них двоих не хотел признаваться Гитлеру в провале их миссии. Кроме того, они не имели денег на то, чтобы перебраться из Италии в Швецию, и им пришлось вернуться в Венецию, где отель «Британия», единственный из всех итальянских заведений, согласился выдать им кредит...

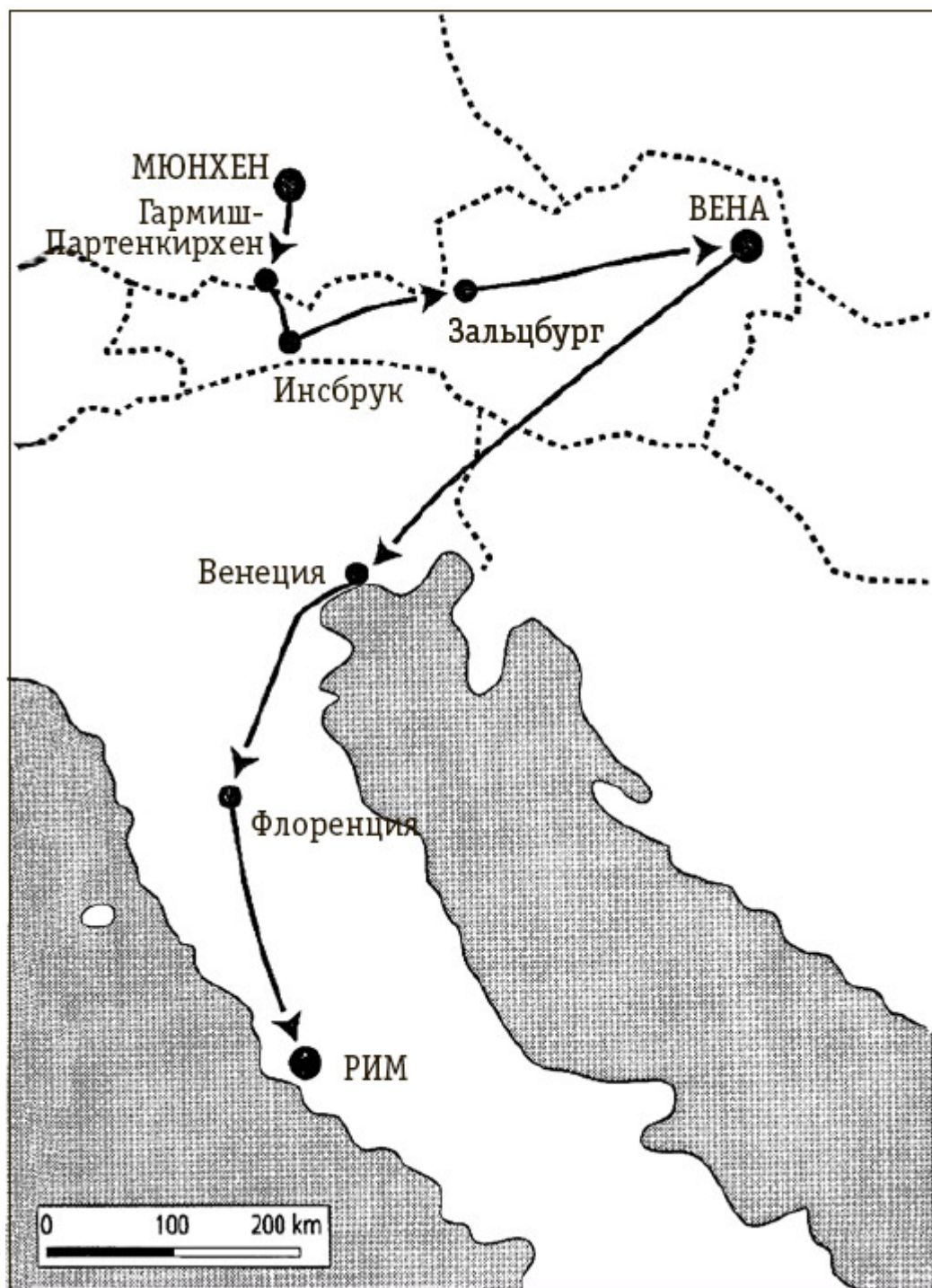
Карта 5

Маршрут эмиграции, ноябрь 1923-го – март 1925 г.

мировой войны. Это явно не имело никакой связи с его миссией. Кроме того, частые высказывания Геринга, направленные против евреев, произвели неблагоприятное впечатление на руководителей итальянских фашистов, которые в то время еще не стояли на антисемитских позициях.

⁵² В Инсбруке во время лечения ему вводили морфин два раза в день, в Италии Геринг уже делал себе четыре укола ежедневно.

⁵³ И ввело в заблуждение биографов Геринга, которые восприняли слова Карин буквально...

В конце концов Карин снова взяла инициативу в свои руки: в конце декабря 1924 года, узнав о досрочном освобождении Гитлера, она снова поехала в Мюнхен в надежде уговорить фюрера хотя бы «возместить потраченные ими деньги». Ведь ходили же слухи о том, что он ожидает крупное пожертвование от производителя роялей Бехштейна, к тому же Гитлер должен был получить приличный гонорар за публикацию его книги «Майн Кампф». И вот, предприняв весьма утомительную для нее поездку, слабая здоровьем Карин добралась до Мюнхена, где встретилась с Гитлером, явно посвежевшим после вынужденного отдыха в Ландсберге. Фюрер повел себя очень обходительно, наговорил ей комплиментов,

несколько раз поцеловал руку... но этим дело и ограничилось⁵⁴. Остальные руководители партии также не проявили щедрости, но два месяца спустя Карин удалось продать виллу в Оберменцинге (лейтенанту Лару, участнику войны и активисту национал-социалистского движения), отправив перед этим часть мебели в Стокгольм. В середине марта 1925 года она приехала в Зальцбург к мужу, без сожаления покинувшему Венецию. Они отправились на север через Вену, Прагу, Варшаву и Данциг. Потом на небольшом теплоходе пересекли Балтийское море. Наконец 22 марта чета Герингов оказалась в Стокгольме...

Как же приятно снова оказаться дома! Правда, пара смогла снять лишь небольшую квартиру в доме № 23 на улице Оденгатан, зато они вскоре обставили свое скромное жилище мебелью, переправленной за большие деньги из Мюнхена. Но в конечном счете ничто не могло омрачить радость встречи с родными и друзьями. С обожаемым сыном Томасом, который, хотя ему едва исполнилось тринадцать, ростом уже догнал мать. С очень уважаемой и очень щедрой баронессой Хюльдиной фон Фок, чье здоровье за прошедшие два года сильно ослабло. С сестрами Фани и Лили, которые искренне любили Карин и были готовы пойти на любые жертвы ради того, чтобы помочь ей. С сестрой Марией и ее мужем графом фон Розеном, которых совсем не восторгали совершенные ради Адольфа Гитлера подвиги четы Геринг, о чем они скромно намекали. Наконец, с офицером и джентльменом Нильсом фон Канцовым, который все еще продолжал надеяться на возвращение бывшей жены. У него, впрочем, начали проявляться признаки умственного расстройства, показавшиеся вышестоящему начальству достаточно тревожными, и его уволили из армии...

Но в каком бы родстве с Карин ни состояли и как бы ни симпатизировали Герману, все эти люди не могли не заметить необычную перемену в облике щеголеватого капитана, который пять лет назад вызывал восхищение молодых шведок во время танцев и авиационных шоу. Осмотревший его в то время врач с удивлением констатировал, что тридцатидвухлетний Геринг «имел тело пожилой женщины с большим количеством жировых отложений и кожей молочно-белого цвета». Старый знакомый Карин, адвокат Карл Оссбар, удивился не меньше. Он вспоминал: «Передо мной стоял очень упитанный мужчина в белом костюме, плохо гармонировавшем с его внешностью, и я подумал: кто же это может быть? Человек представился, назвавшись Германом Герингом, и только тогда я понял, что передо мной один из самых прославленных воздушных асов Германии, кавалер ордена “За заслуги”, награды, которой удостаивались единицы». И дальше: «Капитан Геринг и его супруга намеревались пригласить меня на обед. [...] Я несколько раз бывал у них дома; их маленькая квартира на улице Оденгатан казалась тесной и загроможденной мебелью. Складывалось впечатление, что они живут там временно. Геринг, естественно, не смог удержаться от того, чтобы не заговорить о политике. Он предложил мне сблизиться с национал-социализмом, но я сказал ему, что он напрасно тратит время, стараясь привлечь меня под свои знамена. Это вызвало у него смех. [...] У меня сложилось впечатление, что его нацизм был всего лишь некой формой выражения признательности Гитлеру: в некотором смысле Геринг не хотел предавать своего товарища».

Адвокат также описал свои впечатления от новой встречи с Карин: «Она была раньше, вне всякого сомнения, одной из красивейших девушек Стокгольма, на балах и на светских приемах ее постоянно окружали мужчины. [...] Когда я снова встретился с ней в 1925 году, она выглядела заметно постаревшей. Она показалась мне странноватой, мистически настроенной. Карин уверяла, что видит будущее. Из всего ею сказанного было трудно понять, что правда, а что выдумка. Зная Карин долгие годы, я не мог не отметить явное изменение склада

⁵⁴ По меньшей мере один из писателей, Леонард Мосли, полагал, что Гитлер все-таки передал Карин несколько банкнот в лирах, марках и австрийских шиллингах. Но Мосли часто ошибался – в том числе относительно даты этой встречи, – а Карин в своих письмах ни разу не упомянула о том, что получила деньги от Гитлера.

ее ума. А что же Герман Геринг? Так вот, он делал все, что она хотела. Для него желания Карин были приказами. Я бы не назвал его ее рабом, но он был близок к этому. Их супружеская жизнь казалась счастливой, но из них двоих Геринг любил явно сильнее: он ее обожал».

Однако невозможно жить только любовью и пить только холодную воду, так что капитану Герингу пришлось в срочном порядке искать средства к существованию. Национал-социалистская партия, снова легализованная в Баварии, явно забыла о своем командире отрядов СА, и Герман Геринг горько сетовал на это в письме лейтенанту Лару⁵⁵: «Никто из давних товарищей по партии и пальцем не пошевелинет, чтобы мне помочь. [...] До сегодняшнего дня я не получил ни пфеннига ни от Людендорфа, ни от Гитлера, ничего, кроме множества обещаний и фотографий с дарственной надписью». Поэтому он начал искать работу в единственной знакомой ему сфере – в авиации. Компания «Свенска люффттрафик» давным-давно разорилась, зато в стране появилась новая авиакомпания «Нордиска Флюгредерит»⁵⁶, открывшая тем летом авиалинию Стокгольм – Данциг с использованием гидросамолета. В начале июня 1925 года капитан Геринг был принят на работу в качестве линейного пилота, и его летные навыки надолго запомнились некоторым пассажирам «Нордски». Например, Фредерик Нюстрем вспоминал, что «во время перелета летчик Геринг не смог устоять перед искушением, войдя в пике, имитировать атаку на воображаемый корабль». Но за это на него никто не обиделся: какой другой пилот гидросамолета мог позволить себе подобную фантазию?

Пассажиры рейса Стокгольм – Данциг были бы менее уверены в пилоте, если бы знали о других его привычках. Дело было в том, что капитан Геринг впадал во все большую зависимость от морфина: теперь ему приходилось делать себе *шесть* инъекций в день, да и этого едва хватало для того, чтобы заглушить боли. Подобные дозы не могли не сказаться на его профессиональных качествах, и несомненно именно этим объясняется, что «Нордиска Флюгредерит» в конце июля предпочла отказаться от его услуг. В то время Геринга отличало ненормальное поведение: у него случались приступы безумия, во время которых он швырялся всем, что попадалось под руку, он угрожал Карин и Томасу, однажды даже пытался выброситься из окна... Карин пришлось перебраться в дом родителей, чтобы избежать припадков безумия мужа. А тот, прекрасно понимая, в каком состоянии оказался, уступил настояниям тестя и семейного врача и 6 августа 1925 года добровольно явился в медицинский центр Аспуддена, пригорода Стокгольма, чтобы пройти курс лечения от наркотической зависимости.

Вначале все шло хорошо: Геринга стали лечить эвкодалом, болеутоляющим препаратом на базе морфина, использовавшимся в качестве его заменителя. Он проявлял желание вылечиться, и цель была почти достигнута: Геринг уже думал о том, как выйдет из больницы здоровым, похудевшим и полным энергии, достаточной даже для того, чтобы отправиться в горы Норвегии заняться альпинизмом. Но в конце августа его состояние резко ухудшилось, что засвидетельствовала 2 сентября санитарка Анна Тернквист в своем отчете, предоставленном главному врачу Йелмару Энестрему. Она написала: «Довожу до Вашего сведения некоторые данные, касающиеся поведения капитана фон Геринга [именно так!] за последние 48 часов моего пребывания в медицинском центре Аспуддена. До того времени все было спокойно, даже несмотря на то, что пациент проявлял крайнее раздражение и настойчиво просил дать ему дозу.

– В воскресенье, 30 августа, капитан фон Геринг потребовал очень сильную дозу эвкодала и принялся настаивать, чтобы ему ввели именно то количество лекарства, какое он сам для себя определил. Около 17 часов он взломал шкаф с лекарствами и самостоятельно сделал

⁵⁵ Тот самый офицер, который купил виллу Герингов в Оберменцинге.

⁵⁶ Филиал немецкой авиакомпании «Люфтганза».

себе два укола двухпроцентного раствора эвкодала. Шесть санитарок не решились ему препятствовать, так как его поведение было угрожающим. Приехавшая в центр супруга капитана фон Геринга сказала, что считает необходимым дать ему то, что он просил, потому что она опасалась, как бы он кого-нибудь не убил в припадке безумия. [...]

– В понедельник, 31 августа, в присутствии доктора Энестрема он обязался принимать только прописанные ему дозы.

– Во вторник, 1 сентября, около 10 часов пациент повел себя очень агрессивно и потребовал дополнительное количество лекарства. Он вскочил с кровати, оделся и стал кричать, что хочет уйти из клиники и как-нибудь покончить с собой, потому что у того, кто убил сорок пять человек, оставался лишь один выбор: убить себя самого. Поскольку дверь на улицу была заперта, он вернулся в свою палату и схватил трость, оказавшуюся на деле чем-то вроде шпаги... Когда нам на помощь пришел ассистент, капитан разозлился еще сильнее и заявил, что готов на него напасть, если тот не уйдет немедленно. [...] Когда около 18 часов приехали полицейские и пожарные, он отказался следовать за ними. После долгих переговоров его пришлось увести силой. Он пытался оказывать сопротивление, но быстро понял, что это бесполезно».

Таким образом, 1 сентября Германа Геринга привезли в больницу «Катарина» в смиренной рубашке. Там он пробыл совсем недолго, как свидетельствует запись в больничной книге: «Когда пациента доставили сюда вечером 1 сентября, его сразу успокоили с помощью гиоцина, и он вскоре заснул. Но прошло несколько часов, он проснулся и повел себя агрессивно. Он начал бурно протестовать против помещения его в больницу, заявляя, что хотел бы увидеться со своим адвокатом, и пр. и потребовал, чтобы ему ввели достаточную для унятия его боли дозу эвкодала. Придя в себя, он вел себя спокойно и разумно, полностью владел собой. Он сказал, что считает себя жертвой несправедливости. После этого вел себя спокойно».

2 сентября. Сегодня во время обхода больных д-ром Э. пациент с возмущением высказался о том, каким образом его сюда доставили: он считал, что это было сделано незаконно. Потом отказался принимать гиоцин, потому что решил, что мы воспользуемся его бессознательным состоянием и признаем умалишенным. [...] Не желает видеть санитаров мужского пола, против которых настроен очень агрессивно и которых грозит поколотить».

Врачи больницы «Катарина» выслушали от Геринга достаточно, чтобы понять, что его случай не входит в их компетенцию. Вечером того же дня Геринга перевезли в психиатрическую больницу в Лангбро, южнее Стокгольма...

Клиника в Лангбро была намного лучше оборудована для лечения подобных пациентов, хотя в то время наркоманы в Швеции были редкостью. Как только увидел врача, Геринг закричал: «Я не сумасшедший! Я не сумасшедший! Я не сумасшедший!» – но в первый же день он подписал свой медицинский формуляр. Конечно же потому, что об этом его попросила Карин. Но зато он отказался фотографироваться для истории болезни – явно заботился о будущем... Лечение началось с того, что его продержали несколько дней в строгой изоляции в палате, где была только привинченная к полу кровать. Затем перевели в более удобную палату и полностью лишили лекарств в соответствии с довольно примитивной методикой лечения того времени. Наблюдавшие за ним в течение пяти следующих недель врачи сделали такой коллективный вывод: «*Лангбро, 2 сентября – 7 октября 1925 года.* [Пациент] трудный, угнетенный, стонущий, хнычущий, боязливый, приводящий в отчаяние своими постоянными требованиями, раздражительный и легко поддающийся внушению (простого укола хлористого натрия достаточно, чтобы унять его боль). Подавлен, говорлив, считает себя жертвой некоего еврейского заговора, враждебен по отношению к доктору Энестрему, которого якобы подкупили евреи, чтобы он поместил его в клинику. Считает, что станет “политическим трупом”, если о его пребывании здесь станет известно в Германии. [...] Слишком

явно демонстрирует симптомы отчуждения. Склонен к истерии, эгоцентричен, чрезмерное самолюбие. Ненависть к евреям, считает целью своей жизни борьбу с евреями, был правой рукой Гитлера. Галлюцинации: привиделись Авраам и святой Павел – «самый опасный из всех евреев». Авраам предложил ему простой вексель и пообещал подарить трех верблюдов, если он перестанет бороться с евреями. Авраам вонзил ему раскаленное железо в спину, какой-то врач-еврей хотел вырвать ему сердце. Яркие зрительные галлюцинации сопровождаются криками. Попытки самоубийства (способом повешения или удушения). Агрессивное поведение, обманным путем завладел железной гирей, чтобы использовать ее в качестве оружия. Видения, слуховые галлюцинации, презрение к себе».

Индивидуальные диагнозы лечащих врачей не менее интересны: один из них описал Геринга как «злобного истерика с очень слабым характером», другой увидел в нем «человека сентиментального, лишенного фундаментальной моральной смелости». А третий отметил «нестабильность личности» и констатировал: «Он представляется одним человеком в данный момент и совершенно другим несколько минут спустя. Сентиментален по отношению к родным, но совершенно бесчувственен к остальным». Все это, конечно, правильно подмечено, но люди науки забыли при этом указать, что их пациент целых пять недель подвергался таким жестоким лишениям, каких многие другие пациенты не выдержали. А вот Герман Геринг выжил...

Мучения его закончилась 7 октября 1925 года: Геринг покинул Лангбро недолеченным, но по крайней мере временно успокоенным. В кармане у него лежала справка, которая явно была написана по его просьбе. Вот ее текст:

«Я, нижеподписавшийся, свидетельствую о том, что капитан Г. фон Геринг [так!] был принят в больницу Лангбро по его личной просьбе. И подтверждаю, что при поступлении в больницу, во время лечения и при выписке он не проявлял признаков умственного расстройства».

Клиника Лангбро, 7 октября 1925 г. Олоф Кинберг, профессор». В квартирке на улице Оденгатан выживший капитан обнял свою дорогую Карин, которая с трудом скрыла от мужа, что состояние ее здоровья опять ухудшилось: к проблемам с сердцем и легкими добавились резкие понижения артериального давления и эпилептические припадки, естественно спровоцированные недавними событиями.

Их жизнь снова вошла в привычную колею, став еще более спокойной, но и более экономной, чем раньше. Лечение Карин стоило очень дорого, а у Германа не было ни малейшей перспективы найти работу. Поэтому пришлось продать с молотка мебель или отдать под залог. Это стало тяжелым испытанием для Геринга, испытывавшего необходимость в комфорте. Но вырученных денег оказалось недостаточно – пришлось занимать у родных до лучших времен⁵⁷. И лишь визиты юного Томаса, обожавшего мать и восхищавшегося отчимом, были лучом света во мраке отчаяния...

Увы! Этот просвет грозил новой бурей. Нильс фон Канцов, очень снисходительный отец Томаса, заметил, что сын регулярно посещает Герингов, пропуская занятия в школе, и что это весьма негативно сказывается на его учебе. И этот сознательный офицер написал весьма деликатное письмо бывшей жене, попросив ее сделать так, чтобы Томас навещал ее чуть реже. Он также проинформировал Карин, что отныне Томас будет ходить в школу с сопровождающим, или он сам будет провожать сына. Но на это весьма разумное письмо Карин отреагировала очень резко и довольно неразумно: она подала в суд заявление о возбуждении процесса, желая добиться, чтобы сына воспитывала она. Может быть, мягкосердечный Нильс фон Канцов вскоре сам передал бы ей это право, но он знал, что Геринги испытывают затруднения: квартира их совсем маленькая, Карин серьезно больна, Герман долгое

⁵⁷ Лили, младшей сестре Карин, даже пришлось продать свой рояль, чтобы помочь ей заплатить за лекарства.

время не работает. Но главное, ему было известно о наркотической зависимости Геринга, сопровождавшейся приступами насилия. И с того дня Нильс фон Канцов сделал основной упор в деле об опеке на то, что мать не имеет возможности создать необходимые условия для воспитания четырнадцатилетнего мальчика. И суд прислушался к его доводам. Таким образом, в апреле 1926 года Карин процесс проиграла. Но материнская любовь не слышит доводов рассудка, поэтому Карин и решила подать апелляцию⁵⁸. Все это, естественно, стоило ей очень дорого, тем более что она не могла рассчитывать на финансовую поддержку семьи, которая, что совершенно логично, встала в этом деле на сторону отца. «В конечном счете, – сказала позже ее сестра Мария, – это было в интересах мальчика».

Разумеется... К тому же в то время капитан Геринг, продолжая мучиться от болей в бедре, пристрастился к эвкодалу. Однако, как и обещал врачам, он по своей воле вернулся в Лангбро, чтобы пройти новый курс лечения от наркозависимости. В истории болезни, которую врачи завели 22 мая 1926 года, во время вторичного пребывания Геринга в клинике, содержатся лишь короткие наблюдения: «Угнетен, частая смена настроения, эгоцентричен, легко поддается внушению, боли в спине». Но на этот раз лечение продлилось всего полмесяца и оказалось весьма эффективным: вернувшись домой 5 июня (с новой справкой⁵⁹), Геринг перестал жаловаться на судьбу, энергично принялся искать работу и вскоре трудоустроился...

Новая работа как нельзя лучше подходила ему: мюнхенская компания «БМВ» («Байерише моторен верке»⁶⁰) поручила капитану Герингу продажу своих авиационных двигателей во всей Скандинавии. И этот посредственный дипломат и неудачливый революционер так умело взялся за дело, что вскоре получил выгодный заказ от шведского правительства на двенадцать моторов! Счастье редко приходит в одиночку, и Герман Геринг почти одновременно стал эксклюзивным продавцом в Скандинавии парашюта автоматического действия шведской фирмы «Торнblad». Дела пошли в гору, и он начал ездить по разным странам от Финляндии до Турции, провел неделю в Лондоне⁶¹ (вел переговоры по заключению контрактов) и через некоторое время уже принялся выплачивать самые неотложные долги...

Но в Германа Геринга очень скоро вновь вселился демон политики. На самом деле, если исключить периоды его бреда, он никогда и не переставал интересоваться политикой. Действительно, ситуация в Германии за четыре года его отсутствия сильно изменилась: после введения в оборот рентной марки галопирующая инфляция стала кошмарным воспоминанием, экономическая ситуация в стране начала стабилизироваться, сепаратисты утихомирились, а немецкие власти нашли общий язык с бывшими противниками в мировой войне, в результате чего рейхстаг ратифицировал «план Дауэса», а Германия подписала Локарнские договоры. Однако национал-социалистическая партия, вновь став легальной и получив в рейхстаге четырнадцать мест, оказалась в это время без финансовой поддержки и потеряла большую часть своей аудитории, так как Гитлеру, остававшемуся неоспори-

⁵⁸ В следующем году она проиграла и этот процесс. Но ей было разрешено видеться с сыном чаще. Этого же результата она могла бы добиться намного раньше, и без всяких судов...

⁵⁹ «Капитан Герман Геринг, проживающий в Стокгольме по адресу ул. Оденгатан, д. 23, в мае 1926 года был принят по его просьбе в клинику Лангбро на лечение, проведенное нижеподписавшимся. Во время пребывания в клинике пациент прошел курс лечения зависимости от эвкодала. Капитан Геринг покинул клинику в начале июня 1926 года полностью избавленным от зависимости от этого препарата и свободным от тяги к употреблению других лекарств на базе морфина. Я подтверждаю это моим честным словом, находясь в полном рассудке. Стокгольм, 21 июня 1926 года. К. Франк, врач-интерн клиники Лангбро». Герингу предстояло побывать в Лангбро третий раз в сентябре 1927 года, незадолго до возвращения в Германию. Это был его последний курс лечения от наркотической зависимости. Во всяком случае, в Швеции.

⁶⁰ «Баварские моторные заводы».

⁶¹ Там ему в голову пришла нелепая идея торжественно возложить венок к мемориалу летчиков Королевских военно-воздушных сил Великобритании. Потребовались неимоверные усилия посла Германии, МИД Англии и командования британских ВВС, чтобы его от этого отговорить...

мым вождем НСДАП, все еще было запрещено выступать на массовых собраниях. Отряды же СА, расплодившиеся по всей Германии, отметились только в нескольких уличных драках с коммунистами. А шведская пресса постоянно говорила о подспудном противостоянии между радикальными мюнхенскими националистами и берлинскими представителями левого, социалистского, крыла НСДАП⁶².

После смерти Фридриха Эберта в 1925 году блок правых партий добился избрания президентом Веймарской республики старого генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга. Тот инициировал принятие закона о всеобщей политической амнистии: политзаключенные получили свободу, а политэмигранты могли теперь вернуться на родину. И в мае 1926 года было прекращено преследование Германа Геринга по обвинению в государственной измене. Теперь бывший путчист мог наконец вернуться домой. Германия была уже очень далека от опасностей 1922 года, но Герман сохранил в себе неукротимую потребность действовать, быть на первых ролях, он жаждал признания и уважения соотечественников. Эту потребность могла удовлетворить только политика.

Второго ноября 1927 года Карин пришла на центральный вокзал Стокгольма, чтобы проводить своего любимого мужа. Она не могла ехать с ним, потому что была вынуждена продолжить лечение в Швеции. Но Герман пообещал забрать ее сразу же, как только комфортно устроится. Поэтому любящие супруги расстались, веря в благополучное будущее. Когда поезд тронулся, Карин без сознания упала в объятия сестры Фани, и ее пришлось срочно госпитализировать...

⁶² Имеются в виду братья Грегор и Отто Штрассеры.

VI Возрождение

Вернувшись в Мюнхен после четырех лет, проведенных в эмиграции, Герман Геринг, естественно, не надеялся, что его встретят с охапками цветов. И оказался совершенно прав: в то холодное утро 3 ноября 1927 года он не увидел цветов, и фюрер не ожидал на перроне неудачливого ветерана Фельдхернхалле. Очевидно, благодарность и национал-социализм были двумя несовместимыми вещами...

Но Геринга все-таки встретили старые товарищи по революционной борьбе, которые о нем не забыли. В частности, Эрнст (Пуци) Ганфштенгль, который позже написал: «Я был искренне рад снова увидеть Германа Геринга. Он стал толще, более деловым и более материалистичным, а главное, теперь заботился в основном об успехе, а не искусстве или интеллектуальных ценностях жизни». А также капитан Рём и Ганс Штрек, адъютант Людендорфа в дни путча, ставший затем преподавателем музыки. Геринг, который не имел денег на гостиницу, переночевал в его салоне и ушел на рассвете до прихода уборщицы...

Ушел, естественно, с намерением нанести визит Адольфу Гитлеру, продолжавшему жить затворником в своей скудно меблированной комнате на Тирштрассе. Фюрер оказался таким же холодным, как и его комната, поскольку по разным причинам не хотел давать бывшему командиру отрядов СА новый пост в партии⁶³. Да впрочем, чем ему мог быть полезен этот толстый бледный человек, прихрамывавший и явно не имевший денег? Так что прославленный ветеран был выставлен за дверь без должного почтения, после того как получил несколько очень сухих инструкций: он должен занять достойное положение в деловых кругах, восстановить свое финансовое положение, «а там видно будет...».

После такого приема многие разумные люди поняли бы, с кем они имели дело, и навсегда расстались бы с национал-социалистской партией. Но Герман Геринг рассудительно-стью не отличался. И, с верой в фюрера, в середине ноября 1927 года он поехал в Берлин. Неопытный политик Геринг не смог найти себе занятия, зато деловой человек Геринг знал, что делать. Он без труда получил эксклюзивное право на продажу парашютов «Торнблад» в Германии, а тот факт, что «БМВ» приобрел еврей⁶⁴, никоим образом не отвратил его от намерения стать концессионером «авиационного» отделения этой компании в Берлине. Впрочем, это было еще не все: сразу по приезде в столицу Геринг восстановил связи с бывшими товарищами по мировой войне. С другом Бруно Лёрцером, женатым на богатой наследнице и работавшим теперь – счастливое совпадение – в структуре самолетостроительной фирмы «Хейнкель». С принцем Филиппом Гессенским, одним из многочисленных знакомых которого оказался некто Эрхард Мильх, технический директор компании «Люфтганза». И наконец, с Паулем (Пили) Кёрнером, безработным ветераном, жившим на небольшие рентные доходы и имевшим великолепный автомобиль марки «Мерседес». Наличие машины стало основой для взаимовыгодного сотрудничества: Геринг приезжал к клиентам на шикарном «мерседесе», который вел Кёрнер, и это значительно облегчало заключение контрактов. После удачной сделки компаньоны делили выручку.

⁶³ Самой вероятной причиной было то, что Розенберг, Гесс и Эссер активно интриговали против Геринга: в 1924 году они даже вычеркнули его из списков партии! Но скорее всего, Гитлер опасался, что Геринг попросит вновь назначить его командиром отрядов СА: на этот пост он недавно назначил Пфеффера фон Заломона, освободив от этой должности капитана Рёма. Кроме того, в 1924 году Гитлер заявил: «После предательства фон Лоссова во время попытки переворота я не стану верить слову немецких офицеров!» Наконец, фюрер и его сподвижники в то время хотели представить НСДАП партией рабочего класса, а полнота Геринга явно шла вразрез с этой рекламой... Остается неясным, знал ли уже тогда Гитлер о пристрастии Геринга к морфину и о том, что он лечился от наркотической зависимости.

⁶⁴ Камилло Кастильони, сын раввина из Триеста.

Вначале она была довольно скромной, поскольку Геринг большую часть заработка тратил на организацию шикарных приемов, на которых встречались деловые люди, техники, летчики, финансисты, промышленники, дипломаты и аристократы. Эти инвестиции могли оставить компаньонов без гроша, но оказались очень рентабельными: военные атташе Швеции, Голландии и Австрии вскоре заинтересовались парашютами «Торнблад», авиационные моторы «БМВ» стали прекрасно продаваться по всей Европе, от Дании до Италии, а технический директор «Люфтганзы» вскоре предложил Герингу должность «советника», оценив его блестящую работу в качестве посредника, и тот начал делать себе имя как в высшем обществе, так и в сфере коммерческой авиации. Это, правда, значительно прибавило ему работы, а Конрад Хейден позже написал, что Геринг «превращал ночи в дни, работая при свечах в своей квартире, перед ним висел портрет Наполеона, а за спиной – средневековый меч». Но это все не мешало Герману Герингу думать о своей дорогой Карин. Он даже уехал встречать Новый год со своей женой, отложив дела... В Стокгольме все родственники и друзья поразились изменением его внешнего облика. К Герингу вернулась бодрость, зависимость от морфина, казалось, была им преодолена, он строил множество планов на будущее. И прежде всего, естественно, хотел забрать с собой в Берлин жену и поселить ее в скромной меблированной квартире, снятой на Берхтесгаденерштрассе.

Однако следует отметить, что ни любовь, ни дела не смогли освободить капитана Геринга от зависимости от политики. Хотя и держался на расстоянии от берлинского представительства НСДАП и не ввязывался в ссоры между Грегором Штрассером и Йозефом Геббельсом⁶⁵, новым гауляйтером партии в Берлине, он, тем не менее, не отказался от намерения снова занять один из руководящих постов в партии. Более того, у него появились очень конкретные честолюбивые планы накануне предстоявших выборов в рейхстаг. И в связи с этим в начале марта 1928 года он приехал в Мюнхен. «Помню, – написал в мемуарах Эрнст Ганфштенгль, – что на улицах лежал снег, когда мы вместе шли для решающего разговора в направлении Тирштрассе, где Гитлер продолжал снимать свою маленькую квартиру. Геринг долго уговаривал меня пойти вместе с ним, но я предпочел не делать этого. Только позже я узнал, что у них с Гитлером состоялось бурное выяснение отношений и что Геринг в ультимативной форме заявил фюреру: “Нельзя так обращаться с человеком, который получил две пули в живот”⁶⁶ у Фельдхернхалле. Либо вы включаете меня в список кандидатов на выборах в рейхстаг, либо мы навсегда расстаемся врагами!”». Отто Штрассер утверждал, что Геринг якобы сказал: «Либо я становлюсь депутатом, либо подаю в суд иск к партии о выплате мне компенсации за ранение, которое я получил девятого ноября».

Действительно, Геринг мог пригрозить потребовать через суд возмещения всех средств, которые он потратил в интересах партии начиная с 1922 года. Этот аргумент сам по себе прозвучал достаточно убедительно для фюрера, которому хронически не хватало финансов. Но тут были еще более важные причины: позиции национал-социалистической партии на севере страны были довольно слабыми, братья Штрассеры доставляли ему множество хлопот со своей концепцией перехода национал-социализма исключительно на социалистические позиции. НСДАП не пользовалась практически никаким влиянием среди представителей промышленности, в финансовых кругах, в среде аристократии и в высшем буржуазном свете. А Гитлер прекрасно знал, что Геринг завязал обширные связи за очень короткое время. По большому счету, такой человек, несомненно, мог быть более полезен внутри пар-

⁶⁵ Геббельс вступил в национал-социалистическую партию в 1922 году. Поначалу он был сторонником Штрассера, однако в 1925 году стал союзником Гитлера. Низкорослый, хромой и аморальный человек, он был единственным интеллигентом в НСДАП, обладал поразительным красноречием и слыл гением пропаганды.

⁶⁶ Геринг, как всегда, преувеличивал: на самом деле он был ранен одной пулей в верхнюю часть бедра.

тии, нежели вне ее. Это все и решило: Гитлер пообещал лично проследить за тем, чтобы имя Германа Геринга было вписано под седьмым номером в предвыборный список НСДАП⁶⁷.

«Не знаю, получится ли это у Геринга!» – сказал фюрер своим приближенным с завистью и неуверенностью в голосе одновременно. Но бывший летчик-истребитель и предприимчивый делец заставил умолкнуть всех скептиков: в течение по меньшей мере двух последующих месяцев политика на его шикарных берлинских приемах затмила дела. Кроме того, Геринг открыл в себе талант оратора, и теперь он покидал светские салоны, для того чтобы произносить зажигательные речи в пивных залах и в берлинских районах Далем и Панков. Его риторика с точностью воспроизводила риторику Гитлера: та же агрессивность, то же возмущение, те же ругательства и та же жестикуляция. Но Геринг добавил к этому юмор, фамильярность и местный диалект. Что же касалось регистра, кандидат в депутаты полностью копировал степень высоты и силу голоса своего кумира, умело играя на опасениях слушателей перед инфляцией, голодом, безработицей и коммунистами и на их ненависти к французам, полякам, евреям, к правительству, к демократии и к капиталистам. Метод оказался безупречным, принес успех. Карин, когда наконец приехала в Берлин 15 мая, отметила, что муж просто нарасхват и «ужасно занят».

Выборы в Законодательное собрание, состоявшиеся 20 мая 1928 года, вовсе не стали триумфальным событием для национал-социалистов. Они получили всего 2,6 процента голосов, но действовавшая тогда система выборов позволила им занять в рейхстаге двенадцать депутатских кресел. Герману Герингу, значившемуся седьмым в партийном списке, отныне полагались соответствующие привилегии, а именно: ежемесячная заработная плата в размере 600 марок⁶⁸, гарантия депутатской неприкосновенности и удостоверение, дающее право на бесплатный проезд по железной дороге в вагоне первого класса. Естественно, как и остальные одиннадцать депутатов-нацистов⁶⁹, Геринг занял кресло в рейхстаге вовсе не для того, чтобы участвовать в работе парламента, а чтобы воздействовать на правительство и другие партии. Он сам написал позже: «В то время перед нами стояла одна задача: постоянно нападать на всех и вся». Но в Веймарской республике членство в рейхстаге обеспечивало весьма высокий авторитет, и это полностью удовлетворяло непомерную гордыню бывшего парии, лишь совсем недавно вернувшегося из вынужденной эмиграции и вырвавшегося из нищеты.

В качестве депутата Геринг приобрел в глазах Адольфа Гитлера совершенно особую ценность. Он стал фасадом НСДАП на севере Германии, был всюду вхож, рекрутировал новых членов и завоевывал поклонников в тех местах, куда нацистам до этого доступ был воспрещен, оказывал мощную поддержку партийной пропаганде по всей стране⁷⁰. Письма Карин родным, написанные в течение нескольких недель и месяцев после выборов, помогают понять, в каком водовороте оказалась эта семейная пара: «Германа я вижу лишь изредка, он всюду носится, словно вихрь, но все свое свободное время посвящает мне. По крайней мере, мы имеем возможность обедать вместе. Несмотря на все это, мы редко остаемся наедине, у нас всегда находятся люди, не менее трех человек. [...] Сегодня Герман впервые будет выступать в рейхстаге с большой речью, а вечером встретится в Берлинском университете со студентами, симпатизирующими разным политическим партиям. [...] Завтра ему предстоит выступить в Нюрнберге, а после этого он за десять часов должен добраться до Восточной Пруссии и произнести двенадцать речей в самых различных местах. [...]

⁶⁷ Это вызвало недовольство в партии: Геринга стали обвинять в шантаже фюрера. Это обвинение было не таким уж безосновательным...

⁶⁸ Плюс 300 марок на представительские расходы.

⁶⁹ Среди них были Йозеф Геббельс, Грегор Штрассер, Вильгельм Фрик, Готфрид Федер и генерал фон Эпп.

⁷⁰ В то время Гитлеру все еще было запрещено выступать на большей части территории Северной Германии.

Несколько дней назад мы выехали из Берлина на машине в 17 часов, а в 20 часов Герман выступил с речью в Магдебурге⁷¹. В полночь мы выехали назад и вернулись в Берлин в 5 часов 30 минут. Позавтракав и приняв душ, Герман поехал на работу. У него заполнена каждая минута днем и половина ночи. [...] В доме постоянно бывают политики всех мастей. От всего этого можно было бы сойти с ума, если бы это не было ужасно интересно. [...] Семейство Видов⁷² заявило, что намеревается рассказывать о Движении Гитлера всем своим знакомым. Германа засыпают одними и теми же вопросами самые различные люди [...], и необходимость отвечать часто выматывает его. Но я замечаю, что вокруг нас постепенно сплываются люди, что очень многих мы приобщили к делу Гитлера». Это было так, причем приобщили Геринги людей известных – сталелитейного магната Фрица Тиссена, рурского промышленника Эмиля Кирдорфа, главного исполнительного директора авиакомпании «Люфтвагза» Эрхарда Мильха, принца Хенкель-Доннерсмарка, графа Зольмса, принцев Гессенских, герцога Саксен-Кобургского, графа Кенингсмарка и даже второго сына императора Вильгельма II принца Августа Вильгельма, который стал таким активистом нацистской партии, что даже вступил в бригаду СА! Все это дорогого стоило, и партия это оценила: в качестве рейхсрешнера⁷³ Герман Геринг стал вскоре получать 800 марок ежемесячно, в добавление к своему заработку в качестве депутата.

Таким образом общая сумма его зарплаты превысила величину заработной платы министра, но на самом деле она являлась лишь малой частью доходов Германа Геринга. А все потому, что в Веймарской республике каждый депутат имел свою цену, а практика лоббирования уже получила широкое распространение. Первым к содействию Геринга-депутата стал прибегать Эрхард Мильх, чья компания «Люфтвагза» очень надеялась на сохранение – и даже на увеличение – выделявшихся ей правительством субвенций⁷⁴. Не прошло и месяца после его избрания депутатом, как Геринг получил от авиакомпании первую выплату в размере 1000 марок; в дальнейшем ему тайно выплачивали эту сумму каждый месяц. Он также использовал деньги «Люфтвагзы», чтобы открыть свое представительство, нанять секретаршу и выдавать заработную плату своему шоферу и компаньону Паулю Кёрнеру. И вскоре Геринг провозгласил себя в рейхстаге экспертом по вопросам транспорта и настоятельно потребовал увеличить государственную помощь гражданской авиации... Он также написал несколько статей в газеты, желая продемонстрировать свои познания в области авиации, и гонорары за публикации стали его дополнительным доходом. Но это было еще не все: этот продажный депутат стал «советником» – с большой зарплатой – таких компаний, как «Хейнкель», «БМВ» и «Мессершмитт», а промышленник Фриц Тиссен написал в своих мемуарах: «В то время Геринг жил в маленькой квартире, и ему очень хотелось увеличить жилплощадь для поддержания имиджа. Я помог ему в этом».

Это было мягко сказано, поскольку Тиссен фактически оплатил Герингу четырехлетнюю аренду шикарной пятикомнатной квартиры на улице Баденштрассе в самом центре дорогого квартала Шенеберг, а также, естественно, все расходы по оборудованию квартиры перед переездом... Ко всему этому следует, естественно, прибавить комиссионные, которые

⁷¹ Восхищение Карин ее дорогим Германом в сочетании с посредственным знанием немецкого языка мешало ей понять вульгарность многих его высказываний. Так, Геринг описал Грёнера как человека «в помятой шляпе и с павлиньим пером, торчащим из известной части его тела». А Гинденбурга назвал «старым помойным ведром». Но вульгарность его речей явно способствовала их успеху.

⁷² Принц Виктор Вид и его жена, ставшие почетными членами национал-социалистического движения.

⁷³ Рейхсрешнеры по сути являлись официальными представителями НСДАП, имевшими право выступать от имени партии по всей стране, в отличие от гауденбергов, которые имели право на публичные выступления только в округах.

⁷⁴ Частично субвенции уходили на возрождение военно-воздушных сил Германии, что являлось нарушением Версальского договора. Против этого в рейхстаге выступили коммунисты, требовавшие прекратить предоставление денежных пособий. Поэтому, чтобы противостоять им, появилась необходимость подкупить ряд влиятельных депутатов от основных политических партий...

наш деловой человек продолжал получать от продажи авиадвигателей и парашютов. Причем для продвижения этой продукции он не жалел сил, если верить отрывку из письма его жены: «В воскресенье или в понедельник мы самолетом отправимся в Цюрих и в Берн. Герман приглашен туда на какие-то конференции, там же он намерен организовать демонстрацию технических возможностей парашюта “Торнблад”. [...] Мы приняли нескольких важных лиц из Швейцарии, среди которых был командующий военно-воздушными силами, несколько генералов, полковников, майоров и лейтенантов, и всех их надо было пригласить на обед». Эта игра действительно стоила свеч, если принять во внимание, что речь шла о продаже 250 парашютов, каждый из которых стоил 1500 крон, и что посредник получал при этом 15 процентов. Тогдашние остряки называли Геринга «чудом нацистской партии – единственным человеком, сумевшим взлететь вверх с помощью парашюта». Но на самом деле у него имелись и другие средства для взлета...

Для Германа Геринга это начало богатой жизни стало ярким реваншем за прошлое, и он посчитал своим долгом вернуть все предметы, проданные или заложенные в годы нищенствования – начиная, естественно, с белой фисгармонии жены. Карин светила от радости, когда в начале 1929 года они с мужем перебрались наконец в шикарную квартиру на Баденштрассе. С нескрываемой радостью она взялась выполнять обязанности хозяйки дома, чего ей так не хватало целых пять лет. Те, кто бывал у Герингов в то время, сохранили об этих посещениях приятные воспоминания. «Нашей хозяйкой, – писал Эрхард Мильх, – была фрау Карин Геринг, которая явно оказывала на мужа сильное и благотворное влияние. [...] Невозможно было не поддаться ее очарованию». «Фрау Геринг, – отмечал Ялмар Шахт, – была высокой и стройной шведкой, очень доброжелательной и весьма соблазнительной». Йозеф Геббельс, тонкий ценитель женской красоты, сделал такую запись в своем дневнике: «Фрау Геринг, как всегда, очаровательна, красива, умна и восторженна». Фриц Тиссен, еще один постоянный гость Герингов, вспоминал: «Карин, урожденная шведская графиня, была женщиной исключительного очарования. [...] Геринг ее боготворил, она была единственной женщиной, способной им управлять». Но все эти важные гости даже представить не могли, что Карин Геринг тяжело больна и что она помогает во всем мужу лишь благодаря громадным волевым усилиям. Еще шестнадцать месяцев она продолжала организовывать приемы для высшего света, деловых людей, дипломатов и руководителей нацистской партии. Она приходила в рейхстаг, когда выступал муж, сопровождала его в поездках по всей Германии и часто недосыпала. Так продолжалось до лета 1930 года, когда Карин потеряла сознание и была помещена в санаторий Крейц в Баварии.

К этому времени период процветания Веймарской республики, «золотые двадцатые», закончился. В течение года кризис в сельском хозяйстве спровоцировал широкую волну разорений в деревне. После краха на Уолл-стрит в октябре 1929 года американские финансисты начали выводить из Германии свои капиталы, и это сильно сказалось на промышленности, парализовало экспорт немецкой продукции, и внезапно страна оказалась в кризисе. В начале 1929 года в Германии насчитывалось 2 миллиона безработных, а к весне 1930-го – уже 3,5 миллиона. Недовольство народа обрушилось на социал-демократическое правительство рейхсканцлера Германа Мюллера, которому пришлось в марте 1930 года подать в отставку. Его преемник Генрих Брюнинг⁷⁵ был вынужден управлять страной с помощью декретов, подписанных президентом Гинденбургом и одобренных задним числом постоянно менявшимся большинством депутатов парламента. Но в начале лета это большинство распалось, и 18 июля Гинденбургу пришлось распустить рейхстаг. Новые выборы были назначены на 14 сентября 1930 года, и для партии Гитлера это стало неожиданной удачей...

⁷⁵ Лидер католической партии «Центр».

В течение двух месяцев, последовавших за роспуском рейхстага, НСДАП приложила беспрецедентные усилия к тому, чтобы воспользоваться недовольством крестьян, рабочих, торговцев, служащих, военных, ремесленников, аристократов, католиков, националистов и даже коммунистов... Нацистская партия повела по всей Германии невиданную по размаху агитационную кампанию с помощью прессы и листовок. Сто тысяч штурмовиков СА сомкнутыми рядами маршировали по всей стране, вызывая восторг у части населения, запугивая другую часть и вступая в драки с социалистами и коммунистами. Нацистская партия провела 34 000 митингов, в которых приняли участие около 25 000 человек. На этих митингах выступило около сотни лучших ораторов партии, в частности Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Герман Эссер, Грегор Штрассер, принц Август Вильгельм... и конечно же Герман Геринг. Этот авиатор-депутат-лоббист-концессионер-журналист мог к тому времени произносить три речи в день, затрачивая на подготовку к выступлению минимум времени. Сам он об этом так сказал: «Большинство моих лозунгов были написаны на обратной стороне меню или карты вин, и именно так я готовил лучшие мои речи». Честно говоря, набор его лозунгов не отличается оригинальностью: «Проснись, Германия!», «Долой марксизм!», «Хлеб и работу народу!», «Следуйте за фюрером, который спасет Германию!» Но самое простое действие часто оказывается самым эффективным, и результаты предвыборной кампании нацистов превзошли самые оптимистичные их ожидания: 14 сентября 1930 года НСДАП собрала 6,4 миллиона голосов избирателей⁷⁶ и получила 107 мест в рейхстаге! Больше мест было только у СДП⁷⁷. Это стало настоящим политическим землетрясением, таившим угрозу для демократии вообще и для Веймарской республики в частности...

Зато Герман Геринг триумфовал: Гитлер назвал его официальным личным представителем и доверил ему место вице-председателя рейхстага, на которое НСДАП имела право как партия, составившая вторую по численности фракцию в парламенте. Тринадцатого октября 1930 года Геринг привел в рейхстаг на первое торжественное заседание нового парламента 106 депутатов-нацистов, одетых в коричневые рубашки. Теперь они были достаточно многочисленны, чтобы влиять на политику правительства и заниматься подготовкой прихода Гитлера к власти. А пока им требовалось вносить в работу рейхстага как можно больше сумятицы, выступая против всех инициатив правительства, начиная с принятия плана Юнга⁷⁸, против разоружения, против мер экономии и подавления подрывной деятельности. Это сразу же стало ясно рейхсканцлеру Брюнингу, который в начале октября провел переговоры с Адольфом Гитлером в надежде заключить с ним соглашение о «лояльной оппозиции». Выслушав предложение канцлера о примирении, Гитлер разразился часовой речью, в которой много раз прозвучал глагол *отменять*, и ясно дал понять, что его совершенно не интересуют меры по выходу из кризиса. Из этого Брюнинг сделал вывод, что Гитлер по-прежнему остается верен принципу «сначала власть, потом политика». Именно так и было, а чтобы этого добиться, фюрер рассчитывал, прежде всего, на пропаганду, агитацию... и, разумеется, на запугивание.

Карин настояла на том, чтобы в ноябре 1930 года врачипустили ее из санатория. Они уступили очень неохотно. Однако у нее было много поводов для праздника. Из Стокгольма приехал ее любимый сын Томас, которому уже исполнилось восемнадцать. И празднование Нового года обещало стать особенно веселым. «Весь день мы украшали новогоднюю елку и упаковывали подарки, – написала она матери, – а в восемь вечера к нам пришел Геббельс,

⁷⁶ Цифра более чем внушительная, особенно если иметь в виду, что в 1928 году национал-социалистам отдали свои голоса всего лишь 800 000 граждан страны...

⁷⁷ Социал-демократическая партия получила 143 мандата.

⁷⁸ Этот план, одобренный немецкими властями в начале 1930 года, в принципе был благом для Германии, потому что предусматривал снижение размера репараций с 132 до 34,5 миллиарда золотых марок. Нацисты незамедлительно начали проводить агитацию за прекращение всех выплат вообще.

чтобы вместе с нами встретить Новый год. Он принес очаровательные подарки, которые тщательно подобрал для каждого из нас. Был простой ужин из ветчины, холодных закусок и фруктов. Затем Геббельс сел за фисгармонию и сыграл рождественские гимны «Тихая ночь, священная ночь!», «Ты моя радость» и другие. Мы с Томасом подпевали на шведском языке, Геббельс и Силли⁷⁹ – по-немецки, но мелодии нас объединяли. На новогодней елке горели свечи, мы занялись раздачей подарков. Я вдруг так сильно задрожала, что рухнула на канапе, и потом мне пришлось лечь в постель, где до сих пор и нахожусь с температурой и головной болью».

Но недомогание не помешало ей в первые дни нового года посетить несколько светских мероприятий и самой организовать несколько приемов. Пятого января 1931 года Карин и Герман принимали у себя Гитлера, Фрица Тиссена, принца Виктора Вида и бывшего президента Рейхсбанка Ялмара Шахта⁸⁰. Но за два дня до этого в их дом заглянула также мрачная реальность того времени. «Вчера, – написала Карин матери, – когда мы сидели за столом и пили чай, к нам в гости внезапно пришел граф Ведель с супругой. [...] Они были молоды, довольно симпатичны, имели двух детей, но у графа не было работы. [...] Граф долго искал место, и в отчаянии он обратился за помощью к Герману. Но Герман мог всего лишь внести графа в список, где уже значилось несколько сотен имен! Здесь царит ужасная нищета. Накануне Нового года двадцать восемь известных нам людей покончили с собой, чтобы не умереть от голода». К тому времени в Германии насчитывалось уже 4,8 миллиона безработных – и ничем им невозможно было помочь.

С первых же недель 1931 года Герман и Карин Геринги вновь окунулись в водоворот активной деятельности: 18 января они побывали в Нидерландах, где навестили бывшего императора Германии Вильгельма II в его резиденции, замке Доорн. Из двухдневных переговоров, иногда проходивших на повышенных тонах, кайзер сделал вывод, что Геринг намерен способствовать его возвращению к власти, а Геринг уехал весьма разочарованный тем, что не получил орден дома Гогенцоллернов. Но перед отъездом семейства Герингов старая императрица, рассмотрев Карин поближе, скрытно вручила ей конверт с банкнотами и настоятельно рекомендовала отправиться на курорт Альтхейде в Силезии, чтобы пройти курс лечения.

Но неделю спустя у Карин случился сердечный приступ, едва не перечеркнувший абсолютно все планы. Врач, срочно вызванный Германом, проявил все свое искусство и сделал много уколов, но в конце концов, не нащупывая пульса, констатировал, что сердце Карин перестало биться. «Теперь я знаю, – написала она позже сестре Фанни, – что значит умереть. Я слышала все, что говорили рядом со мной, в частности слова врача о том, что больше он сделать ничего не мог, что надежды никакой. Я чувствовала – нет, скорее, понимала, поскольку ничего уже не ощущала, – что мне подымали веки, но не могла ни двигаться, ни говорить, ни вообще что-либо делать. Внезапно я очутилась перед огромной дверью, высокой, красивой и ярко сияющей! Душа моя в течение этого короткого и великолепного мгновения была свободной. [...] Передо мной открылся совершенно иной, неописуемо великолепный мир. Я знала, что если шагну за эту дверь, то никогда не смогу вернуться назад. Но тут я услышала голос Германа и поняла, что не могу оставить его одного»⁸¹.

Действительно, сердце ее вновь застучало, и Карин, открыв глаза, увидела склонившихся над ней Томаса и Германа. Сын Карин, повзрослев за очень короткий срок, напишет

⁷⁹ Силли Вашовяк, старая гувернантка Карин.

⁸⁰ Гитлер пришел после ужина и затем более двух часов убеждал Шахта, что непременно нужно создавать сильную армию и запускать программу общественных работ.

⁸¹ Мы уже отмечали, что Карин имела ярко выраженную тягу к мистицизму. Несмотря на это, поражает то, что ее описание довольно точно походит на процесс, который доктор Элизабет Кюблер-Росс полвека спустя назвала «предчувствие близкой смерти».

потом в своем дневнике: «Если бы мама умерла, Герман пришел бы в отчаяние. Он сам сказал, что не знал, как бы на это отреагировал. Полагаю, для него это грозило большой опасностью, если принять во внимание его импульсивный характер. [...] Мы условились считать мамин сердечный приступ предупреждением и сделали вывод, что нам следует отныне вести более спокойный и более организованный образ жизни со всех точек зрения. Хотя я сомневался, что это возможно».

Сомнения Томаса фон Канцова полностью оправдались... В течение последовавших за приступом недель образ жизни Карин не стал ни более спокойным, ни более организованным, поскольку она во всем содействовала мужу. А Герман Геринг работал днями и ночами, занимаясь все более крупными делами. Он превратил рейхстаг в пропагандистский форум, он вмешивался во внешнюю политику страны, вел переговоры о союзе с другими националистическими партиями. Колесил по стране, произнося зажигательные речи против властей, интриговал против своих соперников внутри партии. Организовывал многочисленные приемы, чтобы привлечь к НСДАП новых сторонников, выпрашивал у магнатов Рура крупные финансовые пожертвования, *часть* которых передавал Гитлеру⁸². И это еще не все: целый год Геринг вел отчаянную подковерную борьбу, стараясь вернуть себе пост руководителя штурмовиков СА! Мы помним, что эта должность была отобрана у Рёма в 1925 году и передана в 1926 году Пфедфферу фон Заломону. Но в 1930 году часть отрядов СА в Пруссии выступила против руководства партии. Штурмовики, руководимые капитаном Вальтером Штеннесом, имели достаточно обоснованных претензий⁸³, но их к тому же тайно подстрекали Геринг и Геббельс. И хотя это недовольство вынудило Гитлера отправить Пфедффера фон Заломона в отставку, оказалось, что заменить его Геринг надеялся напрасно. Фюрер снова назначил на этот пост капитана Рёма, за два года до этого уехавшего в Боливию⁸⁴. Как раз в начале 1931 года, когда Рём вернулся в Германию, чтобы занять пост шефа СА, Геринг и начал плести свои интриги. В прессе вдруг появились статьи о гомосексуализме прославленного капитана, а отряды СА под командованием Штеннеса снова начали проявлять недовольство. Но и на этот раз интриги Геринга оказались напрасными: Гитлер поддержал Рёма, бунт бригад СА подавила полиция, Геббельс моментально переметнулся в другой лагерь, а Рём остался хозяином положения – и руководителем СА...

В то время Йозеф Геббельс в самых жестких выражениях описал Геринга, назначение которого личным представителем фюрера и вице-президентом рейхстага явно стало ему поперек горла: вечером 20 февраля 1931 года этот «ядовитый карлик» записал в своем дневнике: «Геринг страдает манией величия. Это последствия его пристрастия к морфину. В своем высокомерии он видит себя в недалеком будущем канцлером рейха. Он ужасный оппортунист». А на следующий день прибавил: «Геринг – наркоман. Шеф хочет, чтобы тот объяснился. Геринг совершает невероятно безумные и неуместные поступки. То он видит себя канцлером рейха, то военным министром. Короче говоря, явно страдает манией величия. Ему нужно серьезно лечиться. Сегодня он просто смешон». Через месяц ситуация явно не улучшилась, и Геббельс записал в дневнике: «Кажется, Геринг ведет за моей спиной какую-то нечестную игру. Действительно, он – больной человек и патологический честолюбец»⁸⁵.

⁸² А большая часть шла на обеспечение все более роскошного образа жизни Геринга.

⁸³ Несмотря на активное участие в предвыборной кампании нацистов, им платили совсем мало, большую часть средств из причитавшегося им вознаграждения присвоил Геббельс. Он в то время решил устроить себе шикарную жизнь и произвести впечатление на свою будущую жену Магду Квандт. Одним из результатов этого недовольства стала отставка представителя социалистического крыла партии Отто Штрассера.

⁸⁴ Там он работал инструктором генерального штаба Боливии.

⁸⁵ А 4 апреля он написал: «Геринг – всего лишь куча замерзшего дерьма». Однако весной 1930 года отношения между ними походили на дружбу. Тогда Геринг подарил Геббельсу «мерседес» и свозил в Швецию.

На самом деле в тот период он был разочарованным честолубцем. Возможно, в качестве утешительного приза – и, несомненно, для того, чтобы удалить его на некоторое время с политической сцены, – Гитлер в середине мая 1931 года поручил Герингу дипломатическую миссию и отправил в Ватикан. Ему предстояло доказать, что нацисты дружелюбно настроены по отношению к христианству. Все для того, чтобы примириться с частью электората католической партии «Центр» и Народной партии Баварии, которых поддерживало большинство населения Рейнской области и Баварии соответственно. И вот Геринг вновь оказался в Италии, о первом посещении которой в 1925 году сохранил негативные воспоминания. На этот раз Бенито Муссолини, прекрасно осознававший изменение расклада сил в Германии, принял его. Но его миссия в Ватикане успеха не имела: за три недели пребывания Геринга в Риме его не принял ни папа, ни кардинал Пачелли⁸⁶. Ему удалось добиться лишь короткой встречи с неким неизвестным функционером Ватикана. Следует отметить, что, по мнению Курта Людеке, Герман Геринг походил больше не на дипломата, а на «слона в посудной лавке». Как бы там ни было, идея направить эмиссаром в Ватикан бывшего протестанта-заговорщика и наркомана, к тому же отбившего жену у законного мужа, явно иллюстрировала «гениальность» фюрера...

Вернувшись из Италии, Геринг констатировал, что экономический кризис в Германии углубился: промышленное производство находилось в свободном падении, долги росли, порог в 4,5 миллиона безработных был только что превышен, дефляция усугубляла нищету. Ситуация стала еще более безнадёжной после банкротства «Дармшtedтер банка» и «Дрезднер банка». Да, конечно, канцлеру Брюнингу удалось добиться от иностранных держав предоставления отсрочки в выплате репараций⁸⁷, но страной ему приходилось управлять с помощью указов: парламентское большинство, состоявшее из социалистов, католиков и демократов, слабело с каждым днем, а радикальные националисты Гугенберга, как и национал-социалисты Гитлера, продолжали вести вне стен рейхстага яростную пропаганду. Недовольные люди массово вступали в НСДАП. К тому моменту в партии уже насчитывалось 200 000 членов. А безработные продолжали пополнять ряды штурмовых отрядов СА и СС⁸⁸, другого, тогда еще только становившегося на ноги полувоенного формирования. В ту пору некоторые влиятельные люди принялись завязывать с нацистской партией тайные контакты в целях поиска выхода из тупика. Одним из таких людей был генерал Курт фон Шлейхер, руководитель «Миништерамт»⁸⁹ Министерства обороны и доверенное лицо президента Гинденбурга. Он поддерживал тесные контакты с капитаном Рёмом, знакомым ему по героическим временам мировой войны. Эти два человека тайно обсуждали возможность приобщения национал-социалистов к политическому руководству страной. Но если Гитлер был осведомлен об этих переговорах⁹⁰, то Геринг ничего о них не знал... А когда узнал, чуть не лопнул от гнева: Рём уже получил пост руководителя СА, на который Геринг рассчитывал, а теперь еще узурпировал роль «политического представителя» фюрера, на которую он, Герман Геринг, имел, по его мнению, исключительное право! Такие обиды не прощаются.

Гитлер, прекрасно знавший свое окружение, постарался успокоить Геринга, тем более что для этого достаточно было сыграть на его тщеславии и на его жадности. Он подарил Герингу «мерседес» последней модели – бежево-серебристый кабриолет с обтянутыми красной кожей сиденьями. Этот знак уважения фюрера вызвал у Геринга прилив детской радо-

⁸⁶ Государственный секретарь и будущий папа Пий XII.

⁸⁷ Имеется в виду «мораторий Гувера», принятый в июне 1931 года.

⁸⁸ «Охранные подразделения» нацистской партии, созданные на базе личной охраны Адольфа Гитлера; 6 января 1929 года СС возглавил бывший агроном и птицевод, в то время мало кому известный Генрих Гиммлер.

⁸⁹ «Министерская служба», по сути, политическое бюро рейхсвера.

⁹⁰ Фюрер тогда стремился заручиться поддержкой рейхсвером своих будущих действий.

сти. Он сразу же забросил все свои многочисленные дела в Берлине и помчался на новой машине в направлении курорта Альтхейде, где Карин с июня поправляла здоровье. Забыв о всяком лечении, супруги 26 августа отправились в путешествие вместе с Фани и Паулем Кёрнером, который стал незаменимым помощником. «Карин сидела впереди, – вспоминала Фани. – Она была великолепна в своем светло-бежевом пальто и в маленькой автомобильной шапочке. Вначале дорога привела нас в Дрезден, [...] где первый вечер мы провели в обществе фюрера».

Поездка продлилась две недели, а машина привлекала внимание еще и тем, что на ее капоте были установлены два флажка со свастикой. Так что Герингу приходилось часто останавливаться, чтобы давать автографы, а Карин видела в этой популярности мужа счастливое предзнаменование. Преисполненная счастья, она, казалось, не замечала утомления от езды, хотя двигалась с большим трудом, а по лестнице сама подниматься уже не могла. Из Пруссии супруги направились в Баварию, затем пересекли австрийскую границу и поехали в Маутедорф. Оставив свой антисемитизм в Берлине, Геринг пожелал познакомить Карин со своим крестным, бароном фон Эпенштейном. Тот совсем высох в свои восемьдесят два года, но сохранил достаточно задора для того, чтобы организовать в честь гостей пышный банкет. По дороге назад они остановились в Мюнхене, чтобы принять участие в крестинах сына Паулы Гюбер, сестры Германа Геринга. Потом вернулись в столицу. И там 25 сентября 1931 года Карин получила известие, что ее мать, достойнейшая баронесса Хюльдина фон Фок, недавно умерла.

Только что вернувшаяся из утомительного путешествия, Карин явно была не в силах снова ехать куда-то, но она все же решила незамедлительно отправиться в Стокгольм. Врач предупредил ее, что эта поездка может оказаться для нее роковой, но Карин так настаивала на своем желании, что Геринг в конце концов уступил, и они направились на север. Когда же добрались до Стокгольма, они узнали, что старую баронессу уже предали земле на острове Ловё неподалеку от дворцового комплекса Дроттнингхольм. Вечером следующего дня в номере «Гранд-отеля» Карин потеряла сознание, и срочно вызванный к ней кардиолог сообщил Герингу, что шансов дожить до утра у его жены совсем мало. Но эта удивительная женщина на заре пришла в себя. Следующие четыре дня она пролежала в постели, Герман не отходил от жены ни днем, ни ночью. Но 4 октября он получил от Гитлера телеграмму такого содержания: «Немедленно возвращайтесь. Ваше присутствие необходимо здесь». Дело было в том, что переговоры между Рёмом и фон Шлейхером продвинулись достаточно далеко, и последний предложил президенту Гинденбургу принять Гитлера и Рёма. Но старый маршал категорически отказался встречаться с ними у себя дома, чтобы «не позорить свое жилище посещением этого извращенца». Поэтому понадобилось срочно найти кого-то другого для сопровождения фюрера. Кандидатура Геринга, вице-председателя рейхстага и кавалера ордена «За заслуги», выглядела намного более приемлемой, поэтому он и получил 4 октября приказ Гитлера. Но, слишком обеспокоенный состоянием здоровья Карин, оставил телеграмму без ответа...

Спустя два дня, когда Герман ненадолго отлучился, Карин подозвала к себе сына и прошептала: «Я так устала, так безумно устала. Я хочу последовать за мамой. Она все время зовет меня к себе. Но я не могу уйти, пока Герман здесь, я не могу его покинуть». Тут Томас рассказал ей о полученной из Берлина телеграмме и о том, что Герман решил оставить ее без внимания. Карин зарыдала, а когда вернулся муж, она протянула к нему руки и привлекла его к себе. «Я не мог расслышать всего, что она ему шептала, – позже рассказывал Томас, – но знаю, что она упрашивала, умоляла его и даже приказывала ответить на зов Гитлера. Через некоторое время он начал рыдать, а она притянула его голову к своей груди, словно он был ее сыном и словно его надо было ободрить. [...] В этот самый момент, несомненно услышав рыдания Германа, в комнату вошла тетя Фанни. Мама посмотрела на нее очень спокойно,

полностью контролируя себя. Она сказала: «Германа вызывают в Берлин. Он срочно нужен фюреру. Ты должна помочь ему уложить чемодан». А потом подняла голову Германа и с улыбкой сказала ему: «Томас побудет со мной». Встав, Геринг произнес: «До моего возвращения» – а она ответила: «Да, до твоего возвращения»».

Утром следующего дня Герман Геринг вернулся в Берлин. А 10 октября фельдмаршал Гинденбург принял их с Гитлером в своем родовом имении Нойдек. Успехом эта встреча не увенчалась: Гитлер и Геринг явились с мыслью о том, что президент обратится к ним за помощью в деле восстановления Германии, но когда стало ясно, что они ошибались, Гитлер произнес один из своих монологов, секрет которых был известен лишь ему одному. Его речь произвела на старого маршала отталкивающее впечатление, и посетителям оставалось только откланяться. «С такими людьми не надо иметь дело!» – негодовал выведенный из себя Гитлер. Гинденбург тоже возмущался: «Назначить этого человека канцлером? Я сделаю его министром почт, тогда он будет лизать марки с моим изображением!» Утром 11 октября Гитлер и Геринг оказались уже в Бад-Харцбурге, намереваясь принять участие в крупном собрании националистической оппозиции, в ходе которого должно было быть обнародовано заявление о создании единого фронта всех правых партий для противостояния правительству Брюнинга и выдвинуто требование о проведении новых выборов. Но Гитлер не хотел никому уступать лидерства, поэтому сразу же после парада штурмовых отрядов СА уехал, несколько ослабив тем самым «Харцбургский фронт». Пять дней спустя у оппозиции вновь появилась надежда на падение правительства, когда в рейхстаг поступил законопроект о цензуре. Но канцлер Брюнинг сумел удержаться на своем месте благодаря перевесу большинства всего в двадцать пять голосов... Утром 17 октября Герман Геринг, как он это делал каждое утро, позвонил жене, но ему ответила дежурная медсестра: ночью Карин скончалась.

На следующий день Геринг со своим сводным братом Карлом и Паулем Кёрнером вылетел в Стокгольм. Там он в последний раз увидел жену: она лежала в белом одеянии в белом гробу в центре часовни Эдельвейс, находившейся позади дома ее родителей. Двадцать первого октября, в день, когда ей исполнилось бы сорок три года, Карин была похоронена рядом с матерью на острове Ловё. Кроме родных, принять участие в траурной церемонии пожелало много друзей и знакомых. Но двое мужчин держались чуть в стороне от всех: Томас и Герман оплакивали мать и супругу, которая была настолько предана им, что не думала о себе. Несомненно, каждый из них в этот момент понимал, что безвозвратно потерял частичку собственной души. Сложилась бы судьба Германа Геринга иначе, если бы Карин осталась жить? Могло бы обожание, которое питала к фюреру эта наивная, великодушная идеалистка, выдержать испытание ужасами последовавших вскоре лет? Смогла бы эта легкомысленная женщина, декларировавшая свой антисемитизм и имевшая при этом множество друзей среди евреев⁹¹, закрыть глаза на их массовые казни в будущем? И наконец, если бы она, возмущившись всем этим, восстала бы против этой мерзости, смогла бы она увлечь за собой мужа, на которого оказывала сильнейшее влияние? Есть еще множество вопросов, которым суждено остаться без ответа, но давайте примем как эпитафию это суждение корреспондента британской прессы Леонарда Моссли: «Романтичная наивная женщина, Карин имела склонность к созданию идолов и множество предрассудков, свойственных ее классу и ее поколению. Но будучи в глубине души человеком добрым, сердечным, она никогда не обидела бы даже мухи, не говоря уже о каком-нибудь социалисте, коммунисте или еврее».

⁹¹ Это и директор австрийского театра Макс Рейнхардт, и педиатр Адольф Лихтенштейн, и профессор Ганс Кристиан Якобеус... Тот факт, что Карин долго оплакивала кончину барона фон Гюнфельда, тоже еврея, достаточно красноречиво иллюстрирует надуманность антисемитизма шведской аристократии того времени. Спустя несколько лет, в 1938 году, потрясение, вызванное в Швеции «Хрустальной ночью» и последовавшими вскоре массовыми репрессиями против евреев, практически привело к исчезновению антисемитских настроений во всех слоях шведского общества.

Вернувшись в Берлин, Геринг съехал с квартиры на Баденштрассе, наполненной воспоминаниями. Первое время он проживал в отеле «Кайзергоф»; там же, наезжая в Берлин, предпочитал останавливаться Гитлер. Это место практически стало штабом НСДАП. Затем безутешный вдовец перебрался в огромную квартиру в доме 34 на Кайзердам, которую сделал своей официальной резиденцией и в которой одну комнату посвятил памяти Карин. Там были ее портреты, ее вещи, десятки венков из цветов и маленькая белая фисгармония, на которой стояли два больших канделябра. Герман всем и каждому говорил о покойной супруге, постоянно вспоминал прошлое со старыми товарищами по Мюнхену, включая Пуци Ганфштенгля, который позже написал: «В нашем обществе Геринг пытался найти облегчение своему личному одиночеству. В партии его еще до конца не воспринимали, и наш дом всегда предоставлял ему удобное убежище».

В попытке заглушить свою горе Герман Геринг снова со страстью окунулся в политику: по большей части его деятельность заключалась в тайных кознях против конкурентов – Рёма, Штрассера, Розенберга и Геббельса, а также в метании раскаленных ядер в правительство Брюнинга с трибуны рейхстага. Но в начале наступившего 1932 года кульминацией политической борьбы непременно должны были стать выборы. Заканчивался семилетний период президентства Гинденбурга, и старый маршал рассчитывал на новый мандат. После месячных раздумий Гитлер тоже решил баллотироваться в президенты. Со стороны бывшего ефрейтора было откровенной наглостью бросать вызов герою битвы при Танненберге⁹². Но ничего не боявшийся фюрер активно принялся за проведение предвыборной кампании. С февраля по апрель 1932 года он изъездил всю Германию, выступая перед толпами людей, причем каждый день в новом городе, а для передвижений пользовался машинами, поездами и даже самолетами. Для Германии той поры это была практически новая предвыборная кампания. Все талантливые ораторы были привлечены для поддержки Гитлера, а именно: Штрассер, Геббельс, Эссер и, естественно, Геринг. Тринадцатого марта Гинденбург набрал 18,6 миллиона голосов, Гитлер – всего 11,4 миллиона, но ввиду отсутствия абсолютного большинства понадобился второй тур голосования. К вечеру 10 апреля Гитлер набрал 13 миллионов голосов, но победил все-таки Гинденбург, набравший 19,5 миллиона голосов. Этого оказалось достаточно, чтобы быть избранным.

Итак, Гитлер проиграл, но беспрецедентная пропаганда сделала его фигурой общенационального масштаба, что кардинально изменило расклад политических сил в будущем. Кроме того, рейхсканцлер Брюнинг предпринял несколько неосторожных шагов в ходе и по окончании кампании, в частности запретил деятельность организаций СА, обвинив штурмовиков в подготовке восстания. Он также объявил, что большие земельные владения в Восточной Пруссии будут поделены на мелкие участки, которые получают переселенцы из других земель страны. Запрет СА стал причиной яростных нападок Геринга на Брюнинга в рейхстаге, а земельная реформа навлекла на него гром и молнии со стороны президента Гинденбурга⁹³, вынудившего канцлера подать в отставку 30 мая 1932 года.

Преемником Брюнинга стал Франц фон Папен, аристократ старой школы, член католической партии «Центр», человек богатый, дипломатичный, приветливый, красноречивый, отважный, известный наездник и офицер, прославившийся своими подвигами на войне⁹⁴. В

⁹² Тем более что, отказавшись от австрийского гражданства, он к тому времени еще не получил германское подданство. Гитлер добился его за две недели до выборов благодаря хитроумному юридическому приему: 25 февраля 1932 года находившееся у власти в земле Брауншвейг нацистское большинство назначило его «правительственным советником при брауншвейгском посольстве в Берлине»; на следующий день он официально получил гражданство земли Брауншвейг и таким способом стал немецким гражданином.

⁹³ Гинденбург сам владел имением Нойдек в Восточной Пруссии.

⁹⁴ В 1914 году Франц фон Папен работал военным атташе в США, откуда его выслали за шпионаж и подрывную деятельность. С 1917 года он служил под командованием Фалькенхайна в Турции и прославился там в качестве начальника штаба 4-й турецкой армии в 1918 году.

это же время Гинденбург вызвал Гитлера, Геринга и Геббельса в президентский дворец и в ходе аудиенции, продлившейся ровно восемь минут, попросил их оказать поддержку новому канцлеру. Гитлер согласился, но при условии, что фон Папен отменит запрет деятельности СА, а рейхстаг будет распущен. Они договорились, что выборы нового состава рейхстага пройдут в конце июля. Национал-социалистская партия принялась лихорадочно к ним готовиться...

Даже в эти моменты совместной борьбы за власть нацистские главари не переставали грызться между собой. Об этом свидетельствует дневник Геббельса: «Геринг распространял обо мне гнусные слухи. [...] Он – злой гений Гитлера. [...] Геринг, как всегда, заносчив, груб и отвратителен. Правда, и я обращаюсь с ним, как с дерьмом. [...] Я очень зол на этого толстозадого выскочку, меня от него буквально тошнит. [...] Это – бахвал, который может стать опасным. [...] Гитлер не понимает его опасного честолюбия и его чисто женской ревности». Да уж, следует признать, что Йозеф Геббельс по части ревности был большим докой...

Тем временем предвыборная кампания дала неожиданный результат: во время одной из агитационных поездок в Веймар скорбящий вдовец Герман Геринг повстречал Эмму Зоннеман, миловидную белокурую актрису провинциального театра с пышными формами. Эта женщина, совершенно непохожая на Карин, так мало интересовавшаяся политикой, что путала Геббельса с Герингом⁹⁵, очень скоро начала поддаваться чарам этого странного человека, который пережил множество приключений, страстно любил театр, казался сильным и уязвимым одновременно. Дело было в том, что Герман Геринг, напыщенный и высокомерный на людях, мог проявлять в личной жизни большую заботливость, а его преданность покойной супруге окончательно покорила сердце Эммы, которая незадолго до этого сама потеряла дорогого ей человека. Красавица актриса, естественно, была замужем, но это нисколько не смущало бывшего любовника графини фон Фок-Канцов. Правда, среди коллег и друзей Эммы Зоннеман было много евреев, но и это не препятствовало крестнику доктора фон Эпенштейна: Геринг уже давно практиковал довольно широкий подход к вопросу антисемитизма. Итак, Герман Геринг и Эмма Зоннеман весной 1932 года стали любовниками, и с тех пор депутат Геринг очень часто ездил из Берлина в Веймар по делам, не имевшим никакого отношения к предвыборной агитации...

Однако летом ему пришлось сократить число своих визитов, потому что началась кампания по выборам в Законодательное собрание, потребовавшая мобилизации энергии всех членов нацистской партии. В ход пошли все пропагандистские средства, начиная с речей, расклейки плакатов, шествий и кончая систематическими акциями штурмовых отрядов Рёма. У него под командой состояло уже более 400 000 здоровяков – в четыре раза больше, чем солдат в рейхсвере, – и они уже не ограничивались только драками с коммунистами: штурмовики имели оружие и применяли его без колебаний. Коммунисты отвечали тем же, и только в июле в ходе таких стычек погибли тридцать восемь штурмовиков и тридцать коммунистов.

Политика устрашения, развал экономики и угрожающее число безработных (6 миллионов) практически гарантировали национал-социалистам успех на парламентских выборах. Но никто даже предположить не мог тех результатов, каких они достигли 31 июля 1932 года: НСДАП набрала около 14 миллионов голосов и с 230 депутатскими мандатами образовала самую многочисленную фракцию в рейхстаге...

Подобный результат был бы должен вынудить президента Гинденбурга назначить Гитлера канцлером, но этого не произошло. Поведение штурмовиков в ходе предвыборной кампании шокировало фельдмаршала, он более всего боялся гражданской войны и по-прежнему

⁹⁵ Интересно, что за год до этого ему вместе с женой представили Эмму, но она его не запомнила. Зато хорошо запомнила Карин...

не питал ни малейшего доверия к «богемскому ефрейтору». Поэтому он предложил Гитлеру лишь пост вице-канцлера – Гитлер с презрением отверг это предложение – и назначил канцлером своего фаворита Франца фон Папена. Тот сформировал «кабинет баронов», сделав фон Нейрата министром иностранных дел, а фон Шлейхера – министром обороны. Но и фон Папену, как до него Брюнингу, пришлось править с помощью президентских указов, поскольку тридцать две представленные в рейхстаге партии образовать парламентское большинство не могли⁹⁶, а Гитлер, обиженный на то, что не получил пост канцлера, был полон решимости сделать все возможное, чтобы ускорить свой приход к власти. Легальным путем, поскольку по совету Геринга он отклонил план Рёма о захвате власти силой.

Однако начиная с августа 1932 года победа нацистов на парламентских выборах позволила им занять ключевые позиции: благодаря своим мандатам и при поддержке католической партии «Центр» и Народной партии Баварии они добились избрания Геринга председателем рейхстага. Для бывшего незадачливого путчиста, эмигранта, безработного и парии настала пора взять реванш и насладиться им.

Как председатель рейхстага Герман Геринг в тридцать девять лет стал третьим лицом в стране после президента и рейхсканцлера⁹⁷. Кстати, средний возраст позволял ему надеяться прожить больше, чем старому президенту, а должность сулила политическое долгожительство, в отличие от канцлера... Наконец, председателю рейхстага полагалось множество привилегий, в частности проживание во дворце в непосредственной близости от парламента, право утверждать повестку дня заседаний ассамблеи, возможность выступать по радио, вести переговоры с руководителями всех партий, а также доступ к президенту Гинденбургу. Все эти преимущества Геринг использовал для продвижения дела Гитлера и для ускорения падения фон Папена.

И подходящий случай представился ему уже 12 сентября 1932 года, когда депутаты-коммунисты внесли в рейхстаг законопроект о цензуре, направленный против правительства, и предложили вынести его на голосование, хотя повестка дня не предусматривала ничего подобного. Геринг спросил, имеет ли кто-нибудь возражения против этого, но таковых не оказалось... Потребовался получасовой перерыв, а о том, что было потом, расскажет сам канцлер фон Папен: «Меня застали врасплох. Посчитав, что обсуждение предложений, которые я хотел внести на рассмотрение, продлится несколько дней, я и не подумал о том, чтобы захватить с собой указ о роспуске парламента, который предварительно уже получил на руки⁹⁸. Поэтому я отправил посыльного в свою канцелярию, и тот вернулся с драгоценным документом в тот самый момент, когда депутаты начали возвращаться в зал. Когда заседание возобновилось, я появился в зале, держа под мышкой знаменитую красную папку, предназначенную именно для таких документов. [...] Заседание превратилось в концерт оскорблений, в разгар перепалки Геринг отказался дать мне слово. Он демонстративно повернулся к левой стороне зала и сделал вид, что не слышит меня. Вместо этого он крикнул: “Поскольку возражений против предложения коммунистов нет, ставлю вопрос на голосование!”».

Тринадцать лет спустя Геринг вспоминал об этом со смехом: «Я видел, что он держит под мышкой красную папку, и прекрасно понимал, что это могло означать. Поэтому поспешил призвать депутатов голосовать». Дальше фон Папен продолжил: «У меня не было другого выбора, кроме как бросить на стол Геринга указ о роспуске рейхстага и покинуть

⁹⁶ Бывший министр и представитель правого крыла социал-демократов Густав Носке позже напишет, что лидеры этих партий «противились всему, что могло бы сохранить тот орган власти, который они представляли». Трудно придумать лучший синтез основных слабостей Веймарской республики.

⁹⁷ Тридцатого августа 1932 года Геббельс с досадой написал в своем дневнике: «Вот теперь Геринг станет председателем рейхстага. Только этого нам не хватало!»

⁹⁸ Подписанный президентом Гинденбургом.

заседание вместе с членами моего кабинета. Геринг отодвинул в сторону указ о роспуске и продолжил процедуру голосования, которое привело к поражению правительства: 412 голосов против 42 – таким оказался результат. После чего огласил указ о роспуске, объявив его не имеющим силу, поскольку его подписал министр, которого представители народа только что сместили с поста». Это было неправильно, так как председатель рейхстага помешал канцлеру выступить до начала голосования. И фельдмаршал Гинденбург четко дал это понять Герингу, поддержав указ о роспуске. Таким образом, голосование по поводу цензуры прошло с нарушением закона, но Геринг сделал свое дело, продемонстрировав, что фон Папен практически не пользуется поддержкой в рейхстаге. С того момента канцлер руководил лишь временным правительством до новых выборов, которые были назначены на ноябрь и из которых нацисты рассчитывали извлечь для себя максимальную выгоду...

Именно после этой пародии на парламентскую демократию и незадолго до ноябрьских выборов 1932 года издатель и журналист Мартин Зоммерфельдт впервые встретился с Германом Герингом, которого их общий друг пригласил поохотиться на своих землях. «Геринг, – вспоминал Зоммерфельдт, – был, несомненно, человеком широкого размаха. Несмотря на свою полноту, он обладал удивительной силой и выносливостью, был полон энергии и жизненных сил. Он старался подчеркнуть свою независимость от других трибунов партии, чрезвычайно гордился своим прошлым офицера и своей репутацией бывшего командира эскадрильи “Рихтгофен” и хвалился тем, что происходит “из приличной семьи”. [...] Этот человек, обладавший удивительно противоречивым характером, балансировал между грубостью революционера и мечтательностью аристократа, между коричневой рубашкой штурмовика утром и хорошо сшитым смокингом вечером. Геринг был, вне всякого сомнения, рубахой-парнем, но этот парень хотел стать королем. Не знаю, отдавал ли он себе отчет в этих своих внутренних противоречиях. В зависимости от настроения, он демонстрировал одну из сторон своей натуры с такой пылкостью и с такой обезоруживающей непосредственностью, что хотелось считать его сильной личностью, хотя и несколько странной».

Вот удивительно схожий портрет, написанный человеком, который пообщался с Германом Герингом всего пять дней в часы, не занятые охотой на песчаных равнинах Бранденбурга. Но и продолжение рассказа Зоммерфельдта не менее интересно: «Геринг даже не пытался скрывать свои “плутократические страсти”: он ужасно любил охоту, искусство и театр. Я несколько раз выезжал с ним охотиться, и даже несмотря на то, что ружье всегда было при нем, этот великий охотник ни разу не выстрелил по дичи. [...] Он предпочитал собирать со мной грибы, это занятие так же располагало к отдыху и к философствованию, как и рыбалка. Во время этих совершенно мирных прогулок он откровенно делился со мной своими заботами, говорил о своих желаниях и надеждах. [...] Альвенслебен в разговоре со мной охарактеризовал Геринга как “лучшего человека среди нацистов”, и он на меня произвел именно такое впечатление, притом что он с удивительным спокойствием и даже с большим интересом воспринимал мои критические, даже иногда ядовитые, замечания относительно демагогии нацистов. Он вовсе не отрицал, что это опасный путь, но, по его мнению, ответственность за экстремизм лежала в первую очередь на докторе Геббельсе, “этом ядовитом карлике”, который соперничал с ним в том, что касалось советов Гитлеру. Тот же, вне всякого сомнения, старался своими примитивными пропагандистскими методами сорвать переговоры со “старым господином”⁹⁹ насчет формирования НСДАП нового правительства. [...] В то время Гинденбург отказывался назначать Гитлера канцлером, так как считал, что это неминуемо приведет к диктатуре партии. Я спросил у Геринга, обоснованы ли полностью эти опасения рейхспрезидента. Он ответил, что, естественно, невозможно обойтись без временной диктатуры и что Гитлер гарантирует национальную немец-

⁹⁹ Президент Гинденбург.

кую диктатуру, намного более предпочтительную, чем диктатура на манер Москвы. И все-таки он не думал, что дело пойдет так далеко, если Гитлеру будет позволено легально прийти к власти, которая должна принадлежать ему по праву. Я возразил, что самым убедительным аргументом против правления Гитлера является отсутствие в рядах НСДАП людей, способных управлять страной, имеющих достаточное образование, опыт и рассудительность. На что Геринг сказал: «Я найду таких людей, какие мне понадобятся, там, где они находятся, а до партии мне нет абсолютно никакого дела»».

На самом деле Геринг несколько забежал вперед. Поскольку экономическое положение страны начало постепенно улучшаться, а некоторые инициативы Гитлера вызвали недовольство общества¹⁰⁰, результаты выборов 6 ноября принесли нацистам разочарование: они потеряли 2 миллиона голосов избирателей и 34 депутатских мандата. Но тем не менее НСДАП осталась самой представительной партией в рейхстаге, а Геринг снова был избран его председателем. Но старый фельдмаршал по-прежнему был полон решимости не пускать Гитлера в кресло канцлера. Генерал фон Шлейхер, которому до этого удалось убедить рейхспрезидента назначить Брюнинга и фон Папена, решил на сей раз взять бразды правления в свои руки и добиться успеха там, где его предшественники потерпели неудачу. Для национал-социалистов это оказалось плохим известием: власть снова ускользнула от них, причем в то время, когда финансы партии катастрофически истощились после четырех выборных кампаний... И они начали ссориться между собой из-за того, какую политику проводить, чтобы выжить... Дело было в том, что фон Шлейхер, практикуя стратегию «разделяй и властвуй», предложил Грегору Штрассеру войти в правительство в качестве вице-канцлера. Это был ловкий ход: Штрассер, как один из основателей НСДАП, был довольно популярен, и он мог бы увлечь за собой левое крыло партии. Впрочем, эта затея очень быстро сорвалась, поскольку Штрассер, возмущившись тем, что Гитлер обвинил его в предательстве, сложил с себя все полномочия и 9 декабря уехал из Берлина. Но НСДАП все-таки оказалась серьезно деморализованной, и Гитлер даже предупредил всех, что если партия распадется, то «он через три месяца пустит себе пулю в лоб».

А тем временем Гинденбург действительно назначил канцлером генерала фон Шлейхера, который вроде бы пользовался поддержкой армии, националистских кругов, промышленников и крупных землевладельцев. Гитлер вышел из себя и уехал в Мюнхен, проклиная Шлейхера, Папена, Гинденбурга, Штрассера и всех, кого подозревал в том, что они объединились, чтобы преградить ему путь к власти. Ситуация казалась безвыходной... Однако нашелся человек, которому предстояло вывести ситуацию из тупика, а именно Франц фон Папен: обидевшись на то, что ему предпочли Шлейхера, он решил вернуться во власть с помощью национал-социалистов. Четвертого января 1933 года в доме банкира из Кёльна Курта фон Шрёдера состоялась первая тайная встреча Гитлера и фон Папена¹⁰¹. В ходе нее были достигнуты некоторые положительные результаты, поскольку Гитлер дал принципиальное согласие сотрудничать с фон Папеном в правительстве. Но ввиду того, что фюрер отказывался от любой другой должности кроме поста канцлера, а фон Папен повторял, что Гинденбург ни в коем случае не согласится отдать ему этот пост, главная проблема так и осталась нерешенной. На прощание стороны обменялись простым обещанием увидеться еще раз.

В течение последовавших за этим недель канцлер фон Шлейхер столкнулся с теми же трудностями, что имели его предшественники. К ним добавились и новые проблемы:

¹⁰⁰ Третьего ноября коммунисты инициировали забастовку транспортников в Берлине, а Геббельс призвал национал-социалистов присоединиться к забастовочному комитету. Этот союз по интересам с коммунистами был расценен многими немцами как предательство. Публичное выступление Гитлера в защиту штурмовиков, обвиненных в убийстве рабочего в Потемпе, народ также воспринял с большим недовольством.

¹⁰¹ Тайной эта встреча оставалась недолго, поскольку в момент прибытия фон Папена неподалеку оказался фотограф.

создать коалиционное большинство в рейхстаге ему не удалось, все его усилия примириться с профсоюзами встретили в штыки аристократия и богатейшая буржуазия, он тоже заявил, что намерен начать раздел крупных земельных владений в Восточной Пруссии, хозяева которых разорились. Шлейхеру с трудом удавалось поддерживать порядок в стране, где в смертельные схватки все чаще вступали штурмовики и коммунисты. И наконец, его отношение к скандалу, связанному с «помощью востоку»¹⁰², возмутило рейхспрезидента Гинденбурга и привело к сильному ослаблению позиций Шлейхера.

Всеми этими промахами воспользовались его соперники, чтобы продвинуть дело фон Папена, а главное, дело Гитлера. Геринг, благодаря занимаемой должности, имел доступ к президенту и беспрепятственно контактировал с лидерами представленных в рейхстаге партий. Ловкий посредник и опытный интриган, он несколько раз посещал «старого господина» в Нойдеке, поддерживал постоянный контакт с его сыном Оскаром фон Гинденбургом и с начальником рейхсканцелярии Отто Мейснером, проводил переговоры с Гугенбергом, председателем Немецкой национальной народной партии, и часто виделся с фон Папеном. Двадцать второго января 1933 года в доме протезе Геринга, преуспевающего бизнесмена Иохима фон Риббентропа, состоялась тайная встреча с участием Гитлера, Геринга, Фрика, фон Папена, начальника рейхсканцелярии Мейснера и полковника Оскара фон Гинденбурга. Гитлер, естественно, намеревался произвести благоприятное впечатление на сына президента с тем, чтобы тот надавил на Гинденбурга, видевшего своей основной задачей недопущение гражданской войны. Надо было также воздействовать на фон Папена, чтобы тот тоже смог указать рейхспрезиденту правильный путь... Казалось, некоторый успех был достигнут: фон Папен признал, что Гинденбург не считал целесообразным и дальше отлучать национал-социалистов от власти, и выразил готовность попросить президента назначить канцлером Гитлера. И намекнул, хотя позже горячо это отрицал, что должность вице-канцлера оставляет за собой.

Но игра еще вовсе не была выиграна, поскольку, несмотря на нажим сына и фон Папена, Гинденбург соглашался назначить Гитлера только в том случае, если у НСДАП будет большинство мест в рейхстаге, хотя сам Гитлер хотел сформировать правительство, не зависящее от парламента, точно так же, как это делали его предшественники. Фюрер претендовал также на пост имперского комиссара в Пруссии, против чего возражал фон Папен, утверждавший, что эту должность должен занимать вице-канцлер, то есть он сам¹⁰³. Впрочем, фон Папен сомневался, что сможет добиться от Гинденбурга более двух министерских постов для нацистов. Президент, помимо всего прочего, потребовал, чтобы Министерство обороны и Министерство иностранных дел остались в руках людей, которым он доверяет... А Гитлер особенно настаивал на том, чтобы новые выборы в Законодательное собрание состоялись после его прихода к власти. Против этого возражал Гугенберг, хотя и считал свое членство в правительстве обязательным условием. В течение нескольких последовавших за этим дней Герингу и Риббентропу пришлось успокаивать Гитлера, увещевать фон Папена, уговаривать Гугенберга, сглаживать углы и вычислять квадратуру круга...

Двадцать восьмого января 1933 года фон Шлейхеру, который лишился поддержки президента Гинденбурга, пришлось подать в отставку. А между лидерами рейхстага, отцом «Кайзергоф», превратившимся в штаб-квартиру национал-социализма, и резиденцией рейхспрезидента продолжались напряженные переговоры. Наконец, во второй половине дня

¹⁰² Некоторые депутаты от католической партии «Центр» узнали, что владельцы крупных имений на востоке, получавшие государственные субсидии для восстановления пострадавшего от кризиса сельскохозяйственного производства, потратили эти средства на крупные покупки за границей. Гинденбург обвинил фон Шлейхера в том, что тот не воспротивился созданию парламентской комиссии для расследования этого дела.

¹⁰³ В июле 1932 года, почти сразу же после прихода к власти, фон Папен распустил социал-демократическое правительство Пруссии и назначил сам себя имперским комиссаром в Пруссии. Эта должность так и осталась за ним.

29 января, Геринг пришел к Гитлеру и объявил ему, что в 11 часов следующего дня того ждет президент Гинденбург и что вопрос о назначении фюрера канцлером практически решен. Действительно, утром 30 января 1933 года президент Гинденбург принял Адольфа Гитлера и назначил его рейхсканцлером. Каждый полагал, что нашел идеальное решение: Гитлер – потому что наконец-то дорвался до власти, к которой отчаянно стремился последние десять лет. Гинденбург – потому что сумел избежать развязывания гражданской войны и сохранил контроль над вооруженными силами в лице министра рейхсвера, надежного человека генерала фон Бломберга¹⁰⁴. Фон Папен – потому что стал вице-канцлером правительства, в котором из одиннадцати министерских портфелей национал-социалисты получили лишь три; он также считал, что сумеет изолировать Гитлера и заставить уважать себя. Гугенберг – потому что наконец-то сбылась его мечта стать министром хозяйства, в чем ему отказывали предыдущие канцлеры. Наконец, Геринг – потому что стал рейхсминистром без портфеля, министром внутренних дел Пруссии и комиссаром по делам авиации¹⁰⁵. Такое обилие должностей распахивало перед ним двери к славе, могуществу и богатству. Древняя мудрость гласит, что самым верным способом погубить человека является удовлетворение всех его желаний...

¹⁰⁴ В самый последний момент возник слух, что генерал фон Шлейхер готовит государственный переворот с участием потсдамского гарнизона. Возможно, это было дезинформацией с целью напугать фельдмаршала Гинденбурга и выкрутить ему руки.

¹⁰⁵ Это была невысокая должность, поскольку он подчинялся министру транспорта. Но Геринг очень скоро добился значительного расширения своих полномочий.

VII

Кровавое вознесение

Вечером 30 января 1933 года, когда нескончаемые колонны штурмовых отрядов в свете факелов маршировали перед рейхсканцелярией, в окне второго этажа были четко видны два силуэта. Это канцлер Гитлер и министр без портфеля Геринг, подняв руку в нацистском приветствии, наслаждались своим триумфом. А вот вице-канцлер стоял позади них, и на это обратили внимание все, за исключением, вероятно, самого вице-канцлера. Для Франца фон Папена только что сформированное коалиционное правительство ничем не отличалось от других: составленное по большей части из министров консервативного толка, оно должно было отчитываться перед рейхстагом, так как не имело поддержки абсолютного большинства депутатов, оно оказывалось зависимым от расположения президента Гинденбурга, и оно не получило контроля над армией. Полномочия канцлера, который мог встречаться с президентом только в присутствии вице-канцлера, ограничивались осуществлением исполнительной власти. Конечно, один член национал-социалистской партии занял кресло рейхсминистра, а другой – пост министра внутренних дел Пруссии, но у первого должность была чисто символическая, а другой находился в прямом подчинении у премьер-министра Пруссии, которым был не кто иной, как вице-канцлер фон Папен.

Однако Франц фон Папен пренебрег некоторыми важными деталями, а именно: консервативные министры нового правительства были чисто техническими фигурами, не считая Гугенберга, за ними не стояли никакие партии, и они не могли сопротивляться Гитлеру, тем более что штурмовики СА и молодчики из СС оказывали устрашающее воздействие на министров, депутатов, партии, профсоюзы и на все общество. Кроме того, Гитлер добился роспуска рейхстага в надежде получить большинство в результате новых выборов, и никто не имел возможности преградить ему дорогу. За исключением разве что президента Гинденбурга, возраст которого явно повлиял на ясность ума. И потом, благодаря щедрым обещаниям, которые дал бедным, безработным, рабочим, крестьянам, промышленникам, юнкерам, монархистам и военным, фюрер стал чрезвычайно популярен в стране, а его методы кардинально отличались от традиционного поведения немецких политиков. «Мы недооценили неумную жажду власти Гитлера, – признался позже фон Папен, – и не учли того, что ее можно было победить только его же оружием. Кроме того, наше воспитание и наш ум помешали нам предвидеть последствия его действий». Другими словами, фон Папен даже не подозревал, что Гитлер не окажется джентльменом. Да тот и не намеревался действовать по-джентльменски! Наконец, вице-канцлер в своих расчетах упустил очень важный фактор в лице министра внутренних дел Пруссии Германа Геринга. Потому что, каким бы ни было действующее законодательство, тот не собирался признавать власть над собой премьер-министра Франца фон Папена...

Было очевидно, что министр внутренних дел Пруссии оказался на ключевом посту: эта должность позволяла контролировать силы полиции самой крупной земли государства, включая Берлин, что было основным козырем в свете захвата абсолютной власти. Ведь Геринг, верный соратник Гитлера, только об этом и думал... Именно поэтому сразу же после взятия власти он обосновался в Министерстве внутренних дел вместе с Паулем Кёрнером и Мартином Зоммерфельдтом и стал проявлять особый интерес к работе ведавшего политическими преступлениями отдела 1А полиции Пруссии. В принципе он подчинялся полицей-президенту Берлина, но Геринг переподчинил отдел своему министерству, значительно расширил его полномочия и назначил руководителем старшего государственного советника Рудольфа Дильса. Этот методичный молодой мужчина, большой любитель пива,

дамский угодник, циник и ловкий оппортунист, быстро представил своему министру все досье, составленные предыдущей администрацией. Начиная с досье на основных руководителей национал-социалистской партии. Так Геринг узнал, что Иоахим фон Риббентроп купил свой дворянский титул у одной баронессы, которая подала на него в суд, поскольку не получила от него денег. Он прочел десятки докладов о развратном поведении Эрнста Рёма и его многочисленных любовниках, о приватной жизни яркого антисемита Адольфа Розенберга и его любовницы-еврейки. Он узнал о фальшивых декларациях Адольфа Гитлера, поданных им для получения немецкого гражданства. Об отношениях между экономическим советником партии Готфридом Федером и ростовщиками-евреями. Открыв досье на себя самого, Геринг обнаружил, что прусские власти знали буквально все о его пребывании в клинике для душевнобольных в Лангбро. Он с большим негодованием узнал, что некий усердный шпик и какой-то психиатр-любитель приписали ему «подавленные гомосексуальные наклонности»...

Естественно, это досье после прочтения было уничтожено. Но не только оно: в течение нескольких недель новый министр внутренних дел прочел множество документов и тщательно запомнил их содержание. На первых порах это позволило ему провести чистку среди своих подчиненных: из тридцати двух глав муниципальных отделений полиции Пруссии двадцати двум пришлось подать в отставку. А сотни других служащих были попросту уволены. Среди прочих и молодой прокурор Роберт Кемпнер, который добился обвинительного приговора для нескольких членов СА и СС, принявших участие в беспорядках, и даже предложил арестовать Адольфа Гитлера по обвинению в государственной измене. Геринг вызвал Кемпнера к себе, объявил ему об увольнении и закричал: «Вам еще повезло, что я не упрятал вас в тюрьму¹⁰⁶. Убирайтесь, и чтобы я вас больше не видел!»

Однако Герману Герингу предстояло еще раз увидеться с Робертом Кемпнером, причем в обстоятельствах, каких он не мог даже предположить... А пока места уволенных служащих начали занимать члены НСДАП и старые сподвижники Геринга: Пауль Кёрнер стал статс-секретарем правительства Пруссии, граф Хелдорф занял пост начальника полиции Берлина, Мартин Зоммерфельдт получил должность директора по связям с прессой – нашлось место даже Эриху Грицбаху, бывшему главе кабинета фон Папена, резко поменявшему хозяина! «Геринг занялся чисткой авгиевых конюшен», – с удовлетворением отметил в своем дневнике 15 февраля Йозеф Геббельс. Следующим шагом министра внутренних дел Пруссии стало составление списков коммунистов, социалистов и других возможных противников, которые должны быть арестованы, когда представится удобный случай...

Нет ничего проще, чем создать этот удобный случай. Двадцать четвертого февраля Геринг приказал своей полиции произвести обыск в «Доме Карла Либкнехта», берлинской штаб-квартире коммунистической партии. Полицейские нашли там лишь стопки листовок, но специалист НСДАП по пропаганде Йозеф Геббельс моментально превратил их в призывы к терроризму, к революции и в планы государственного переворота. Три дня спустя Геринг объявил, что 50 000 членов СА и СС приняты на работу в качестве вспомогательных полицейских: надев на руку белую повязку, столичные драчуны, мошенники, подстрекатели, сутенеры и солдафоны принялись помогать полиции поддерживать законный порядок – в национал-социалистском смысле, разумеется. Накануне выборов 5 марта 1933 года эти преданные помощники должны были проследить за тем, чтобы народ пошел по правильному пути, и защитить его от любой угрозы со стороны марксистов... или демократов. Геринг дал им четкие указания: «В ходе предвыборной борьбы полиция должна принять все необходимые меры против врагов Национального фронта и применять огнестрельное оружие, не опасаясь за последствия». И добавил со своим легендарным чувством меры: «Начиная

¹⁰⁶ Через некоторое время Кемпнер все-таки был арестован.

с сегодняшнего дня каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, – есть моя пуля. Если кто-то называет это убийством, значит, это я убил». Такое напутствие получили неопытные помощники полиции, среди которых оказалось множество уголовников, так что крайности были неизбежны. Несмотря на все это, даже самые радикальные меры должны были предприниматься тайно, поскольку президент Гинденбург оставался гарантом законности, а рейхсвер мог вмешаться в случае распространения беспорядков.

В такой обстановке вечером 27 февраля, около 21 часа, загорелось здание рейхстага. На месте пожара был задержан молодой слабоумный голландец Маринус Ван дер Люббе, но к 23 часам, когда пожар был потушен, следователи и свидетели пожара констатировали: очагов возгорания было много, и они были удалены друг от друга, так что вряд ли здание поджег один человек. Геринг приехал к рейхстагу через полчаса после первого сообщения о пожаре. Следом за ним прибыли Гитлер и Геббельс, которые в этот вечер вместе ужинали, а потом появился фон Папен. Взволнованный Гитлер произнес: «Это – знак свыше!» Геббельс сразу же заявил о «преступлении коммунистов». Мартин Зоммерфельдт, который в этот момент находился рядом с Герингом, писал в воспоминаниях: «Геринг стоял в фойе, полном дыма, в окружении полиции и пожарных. [...] Видно было, что он сильно огорчен случившимся, но не придавал событию слишком большого значения. Спокойно и в кратких выражениях он приказал мне собрать всю информацию о причинах возгорания и размерах причиненного огнем ущерба, переговорив с пожарными и полицией, и затем подготовить отчет для прессы, представив его для проверки в министерство».

Зоммерфельдт выполнил поручение, составил отчет и вручил его шефу около часа ночи. Вот как он сам об этом рассказал: «Быстро пробежав глазами то, что я написал, он стукнул кулаком по столу, разметав сложенные бумаги, и закричал: “Что за ерунду вы мне суετε! Это какой-то нескладный полицейский рапорт, а не политический отчет для прессы!” [...] Я с обидой возразил: “Это не ерунда, а точная информация, подтвержденная полицией и пожарными. Это и есть материал для прессы, о котором вы меня просили!” Но он, не слушая, вскричал: “Чушь, чушь собачья! Какие пятьдесят килограммов горючего материала? Да там было десять, а то и сто центнеров горючего!” – “Но это невозможно, господин министр! – возразил я. – Вам никто не поверит, ведь один человек не унесет столько горючего!” – “Да какой один человек! – продолжал он орать. – Это был не один человек, а десять или двадцать! Это же коммунисты, они подожгли рейхстаг, чтобы дать сигнал к восстанию! Восстание уже началось!”». Зоммерфельдт продолжал стоять на своем, и Геринг сам продиктовал отчет секретарше, при этом он все время заглядывал в какую-то бумагу, лежавшую перед ним на столе. В новом отчете говорилось, что рейхстаг подожгли коммунисты, дав сигнал к восстанию, и что «для предотвращения насилия» полиция уже производит аресты коммунистов и закрывает коммунистические газеты, выход которых отныне запрещен. «Он использовал цифровые данные из моего отчета, – говорит Зоммерфельдт, – но увеличил их все в десять раз».

Несколько часов спустя Зоммерфельдт понял, откуда взялся текст, которым пользовался министр внутренних дел, когда диктовал секретарше свою версию случившегося: один из сотрудников Геббельса рассказал ему, что Геринг и Гитлер, покинув рейхстаг, встречались с его шефом, и виртуоз пропаганды передал им проект сообщения для прессы, составленный очень тщательно. То есть заранее, а не по горячим следам события¹⁰⁷. Как бы там ни было, нацисты получили на руки козырные карты: спустя сорок восемь часов был обнаружен

¹⁰⁷ Хотя в деле о поджоге рейхстага многое остается загадкой, «Мемуары» Зоммерфельдта, а главное, воспоминания Ханса Гизевиуса, который долго следил за этим делом, дают понять, что главными виновниками поджога были Геббельс и глава берлинских штурмовиков Карл Эрнст. Однако нет уверенности в том, что Геринг лично принимал участие в подготовке поджога, хотя он так же оперативно, как и Геббельс, воспользовался возможностью извлечь из этого происшествия выгоду для нацистов.

подписанный Гинденбургом указ «о защите народа и государства», согласно которому временно ограничивалась свобода личности, свобода прессы и право на проведение собраний. Отменялась тайна почтовой переписки, телефонных переговоров и телеграфных отправок. Предусматривалась смертная казнь за государственную измену, за поджоги и за нападения на представителей законной власти. Имперскому правительству было дано право взять на себя полномочия правительств земель и разрешалось провести арест 5000 «марксистских преступников», список которых был составлен за пару недель до этого... Среди прочих оказались задержанными генеральный секретарь коммунистической партии Германии Эрнст Тельман, идеологи, рядовые активисты, а также депутаты рейхстага от КПП Торглер и Кюне, болгарские коммунисты Димитров, Танев и Попов, объявленные сообщниками поджигателей. Для ровного счета власти арестовали многих социал-демократов, а помещения основных печатных органов оппозиции закрыли и опечатали. Это значительно повысило шансы НСДАП на победу на выборах 5 марта.

А вездесущий Геринг проявил себя на других фронтах помимо репрессий: 20 февраля он пригласил в свою шикарную «служебную квартиру» на Кайзердам двадцать пять промышленных тузов, включая сталелитейного магната Густава Круппа, Альберта Фоглера, руководившего трестом «Ферейнигте штальверке», и Георга фон Шницлера, директора химического концерна «И. Г. Фарбениндустри». Там они встретились с Гитлером, который произнес туманную речь о необходимости «покончить с марксизмом для установления социального мира и расцвета экономики». После этого Геринг перешел к животрепещущей теме, которая, естественно, касалась получения от промышленников мощной финансовой поддержки. Он заявил: «Те, кто не участвует непосредственно в политической борьбе, должны, по меньшей мере, пойти на необходимые финансовые жертвы... Они тем более согласятся на это, если поймут, что предстоящие выборы станут в Германии последними на десять следующих лет, а возможно, на век». Ловко обрисовывая ситуацию, можно добиться невозможного: в едином порыве расчетливые и хитрые промышленники достали чековые книжки с намерением оказания помощи нацистам в похоронах немецкой демократии...

Результаты выборов 5 марта 1933 года не оправдали ожиданий Гитлера и Геринга, точнее, не соответствовали затраченным усилиям: получив 288 депутатских мандатов и 43,9 процента голосов избирателей, НСДАП конечно же одержала самую крупную победу в истории выборов в Веймарской республике, но получить большинство в рейхстаге она могла только с помощью немецких националистов Гугенберга. Однако для установления абсолютной власти требовалось квалифицированное большинство в количестве двух третей депутатов рейхстага. Но в те смутные времена несколько решительных людей всегда могли подправить просчеты демократии: например, председателю рейхстага Герману Герингу достаточно было признать недействительным 81 мандат, полученный коммунистической партией – большинство кандидатов в депутаты подверглись аресту, – изгнать нескольких депутатов социал-демократов, дать расплывчатые обещания правым националистским партиям и запугать других умелым привлечением штурмовых отрядов и СС. И это все произвело магическое действие: 23 марта немецкие националисты Гугенберга, католический «Центр» и Народная партия Баварии присоединились к НСДАП, сформировав конституционное большинство, и рейхстаг одобрил закон «О чрезвычайных полномочиях», передававший законодательную власть правительству Гитлера на четыре года. Закон позволял правительству принимать любые законные акты без утверждения их рейхстагом. Лишь 94 депутата, в основном социал-демократы, решились проголосовать против этого коллективного самоубийства. «Тихо! Фюрер сам спросит у вас все, что нужно, в свое время!» – приказал Геринг одному из «левых» депутатов, попытавшихся выступить с протестом после голосования. Когда расходились вечером, депутаты понимали, что в этот день пришел конец парламентаризму, демократии... и Веймарской республике.

В течение последовавших за этим недель, отмеченных беспощадным сломом всех элементов устоявшегося порядка, национал-социалисты установили контроль над государственными учреждениями всех уровней. Потом они начали прибирать к рукам профсоюзы, и закон от 31 марта предписал всем правительствам земель местное законодательство привести в соответствие с имперскими законами. Для контроля над этим процессом в земли были направлены одиннадцать специальных представителей рейхсканцлера. Первого апреля был проведен первый общегерманский бойкот магазинов и предприятий, принадлежащих проживавшим в Германии евреям. Наконец Гитлер, давший слово не менять состав правительства после выборов, постарался поскорее забыть о своем обещании и назначил Йозефа Геббельса государственным министром пропаганды и просвещения. Он также лишил вице-канцлера фон Папена поста премьер-министра Пруссии и отдал эту должность Герингу, который давно к ней стремился¹⁰⁸. Счастливый назначенец узнал эту новость в начале апреля, в то время, когда вместе с фон Папеном находился в Риме, куда они отправились для обсуждения конкордата с Ватиканом¹⁰⁹. Но сразу же по возвращении в Германию Герман Геринг добился для себя новой должности: 28 апреля 1933 года он заявил совету министров, что хотел бы преобразовать рейхскомиссариат по делам авиации в Министерство авиации. И через неделю Гитлер и Гинденбург подписали его назначение на пост министра авиации...

В середине мая председатель рейхстага, министр без портфеля, министр авиации, министр внутренних дел и премьер-министр Пруссии перебрался из квартиры на Кайзердам в новую огромную резиденцию в доме № 11а по Лейпцигерштрассе, естественно переоборудовав ее по своему вкусу. Он также преобразовал Прусский государственный совет, включив в его состав таких разных людей, как руководители штурмовых отрядов СА Рём, Эрнст и Хайнес, принц Август Вильгельм, Пауль Кёрнер, рейхсфюрер СС Гиммлер и шеф берлинских охранных отрядов Далюге, дирижер Фуртвенглер, генерал-фельдмаршал фон Макензен, принц Филипп Гессенский и щедрый покровитель нацистов Фриц фон Тиссен. Разумеется, этот совет был никому не нужен, но его члены получали большую зарплату...

И все же неутомимого Германа Геринга в то время больше занимали не обустройство интерьеров и не конституционные изменения. Для укрепления власти Гитлера в стране – и упрочения своего положения – он создал в начале мая тайную государственную полицию, назначив заместителем руководителя, то есть своим заместителем, Рудольфа Дильса, преданного и беспринципного человека. Эта грозная организация, ставшая вскоре известной под сокращенным названием «гестапо», обосновалась в помещениях бывшего технического училища на Принц-Альбертштрассе неподалеку от официальной резиденции Геринга. Она занялась подавлением оппозиции в Пруссии и для этого организовала первые концентрационные лагеря в Ораниенбурге и в Папенбурге, где проходили «перевоспитание» коммунисты, социал-демократы, профсоюзные работники, журналисты, неудобные режиму идеалисты и строптивые политические деятели. Вскоре пошли слухи о пытках, совершаемых в «Колумбия-Хауз», собственной берлинской тюрьме гестапо на Бабельштрассе. Эрнст Ганфштенгль очень скоро об этом узнал. Вот что он написал в своих воспоминаниях: «Ко мне во дворец президента рейхстага зашел некий граф Шёнборн, которого я знал, и подтвердил эти истории, добавив конкретные подробности. Я из-за этого напустился на Геринга за завтраком. Вначале он категорически все отрицал. Тогда я предложил ему поехать на место

¹⁰⁸ Запись в дневнике Геббельса от 21 марта: «Геринг жаден, он хочет занимать все посты, и даже пост премьер-министра Пруссии. Но Старик [Гинденбург] не хочет этого допустить». Запись от 12 апреля без комментария: «Геринг стал премьер-министром Пруссии»...

¹⁰⁹ На самом деле Геринга мало интересовали переговоры с Ватиканом. Большую часть времени он проводил с Муссолини и с Итало Бальбо, министром авиации Италии.

лично. Геринг повел себя уклончиво, потом рассердился и потребовал назвать, кто мне обо всем этом рассказал. Вначале я отказывался это сделать, но потом, получив обещание, что мой информатор не пострадает, назвал имя графа Шёнборна. Это было ошибкой, но мне в то время еще многому предстояло научиться. Вскоре Шёнборн исчез: его на несколько недель задержали». По меньшей мере один человек смог описать, как работала тайная полиция, – молодой чиновник Ханс Бернд Гизевиус, в 1933 году назначенный на службу в гестапо и пораженный тем, что увидел. «Не пробыв и двух дней на своей службе, – вспоминал он, – я заметил, что там царят ужасные порядки. Это была не та полиция, которая выступала бы против нарушений, убийств, грабежей, против ущемления свободы. Это была полиция, которая защищала преступников, позволяющих себе подобные эксцессы. [...] Уже спустя два дня я спросил одного из моих коллег [...]: “Скажите, где я – в учреждении полиции или просто в разбойничьей пещере?” Я получил ответ: “Вы в разбойничьей пещере и будьте готовы ко всему. Вам предстоит еще очень многое пережить”». Действительно, Гизевиусу суждено было многое увидеть и пережить, и очень много он слышал от человека, который в то время тоже служил в государственной тайной полиции, – выдающегося криминалиста Артура Небе. «В августе 1933 года Небе получил от Геринга задание убить Грегора Штрассера “в автомобильной катастрофе” или на охоте, – рассказывал Гизевиус. – Это поручение настолько потрясло Небе, что он не захотел выполнять его и потребовал от имперской канцелярии объяснения. Из имперской канцелярии ему ответили, что фюрер ничего не знает о таком задании. Небе после этого пригласили к Герингу, ему были сделаны тягчайшие упреки в связи с подачей такого запроса»¹¹⁰.

Гизевиус рассказал также о концентрационном лагере гестапо в Ораниенбурге. Правда, первые концентрационные лагеря, созданные по приказу Геринга, не были еще ужасными фабриками смерти, в какие их превратил Гиммлер: чаще всего из них люди выходили живыми и здоровыми. Но непереложным является по меньшей мере один факт: отважный, склонный к рыцарству патриот Герман Геринг уже перешел черту, которая отделяла политическую ангажированность от чистейшей воды бандитизма. Ради того, чтобы оказать услугу фюреру? Чтобы удовлетворить собственные амбиции? В течение последних шести лет обе эти причины были связаны неразрывно...

В то время еще один фактор сильно повлиял на укрепление его могущества: Готфрид Шаппер, бывший офицер разведки времен мировой войны, предложил Гитлеру создать службу прослушивания телефонных разговоров, которая подчинялась бы непосредственно рейхсканцелярии. Фюрер ему отказал, но при этом направил Шаппера к Герингу, который сразу же заинтересовался предложением: это позволяло ему перехватывать информацию, передаваемую по телефону, телеграфу или радио, любого реального или потенциального врага или соперника, начиная со священнослужителей, деятелей профсоюзов, руководителей СА, иностранных дипломатов, журналистов, коллег по правительству и товарищей по партии... И в апреле 1933 года появилась специальная организация для контроля за телефонной и телеграфной сетью и радиосвязью Германии под невинным названием «Центр исследований Германа Геринга»¹¹¹. Он разместился в Шарлоттенбурге, пригороде Берлина, в строго охраняемом здании на берегу озера Литцензее, и вскоре туда стала стекаться достойная внимания информация, перехваченная из всех уголков Германии. Информацию регистрировали, сортировали, анализировали, проверяли, а затем распечатывали на коричневой бумаге и каждое утро рассылали с курьерами в заинтересованные министерства и службы:

¹¹⁰ После всех этих упреков Геринг предпочел дать повышение Небе, чтобы заставить его замолчать.

¹¹¹ До 1935 года центром руководил бывший морской офицер Ганс Шимпф. «Исследовательское учреждение» состояло из шести основных отделов: I – административный, II – кадры, III – сортировка и оценка сведений, IV – расшифровка, V – оценка, VI – технический. Отделы III, IV и V включали в себя несколько секций, специализировавшихся в области пропаганды, безопасности, экономики, внешней политики, внутренней политики и пр.

председателю рейхстага, в Министерство внутренних дел, в Министерство авиации и премьер-министру Герингу¹¹².

К его должностям вскоре добавились новые назначения: этот страстный охотник стал имперским егермейстером и имперским лесничим. Естественно, с новыми мундирами и окладом, соответствовавшим этим должностям... Кроме того, Гинденбург решил, что Геринг достоин нового воинского звания, причем не меньшего, чем генерал пехоты¹¹³, — и это стало весьма существенным повышением в звании для капитана. Чтобы не отставать от президента, Гиммлер присвоил Герингу звание бригаденфюрера СС (бригадный генерал). Таким образом, в уже набитом формой гардеробе этого неисправимого собирателя мундиров и всяческих наград появились четыре новых мундира... «Геринг, — отметил в своем дневнике Геббельс, — слишком хвастлив, в этом его несчастье. Он ценит мундир выше самой должности».

Гитлер тоже втайне посмеивался над этим монументальным тщеславием, но при этом с большой радостью его удовлетворял: Геринг был не просто неким «персонажем в стиле барокко» — он был человеком, на которого фюрер всегда мог положиться, когда требовалось предпринимать жесткие меры, а также оставался удивительно популярным в Германии политиком, эмиссаром, который внушал доверие за границей, несравненным собирателем средств и даже источником конфиденциальных сведений, после того как организовал свой «Центр исследований». К осени 1933 года Гитлеру удалось провести чистку в своем правительстве, избавиться от политических конкурентов, урезать права и свободы, нейтрализовать оппозицию, задушить правительства земель, ликвидировать профсоюзы, поставить на колени церковь, заткнуть рот рейхстагу, организовать полицейское государство и навязать стране свою диктатуру. И во всем этом неоценимую помощь оказал ему Герман Геринг. Именно это и было причиной столь щедрого наделения новыми почетными должностями, шикарными мундирами и экзотическими наградами того, кто фактически уже стал вторым лицом Третьего рейха...

Честно говоря, это положение вовсе не предполагало спокойную жизнь, особенно если человек склонен совершать оплошности. И это ясно проявилось в ходе начавшегося в Лейпциге 20 сентября 1933 года процесса о поджоге рейхстага. На скамье подсудимых находились, разумеется, Ван дер Люббе, а также болгарские коммунисты Танев, Попов и Димитров и лидер парламентской фракции компартии Германии Эрнст Торглер. На процессе присутствовали представители всех германских газет и множество иностранных репортеров, и Геринг с Геббельсом, привлеченные в качестве свидетелей, рассчитывали превратить суд в форум антикоммунистической пропаганды. Но германское правосудие еще не пропиталось нацизмом полностью, а доказательства причастности к поджогу трех болгар и депутата Торглера оказались малоубедительными. К тому же Димитров активно участвовал в деятельности Коминтерна, руководимого Сталиным, с которым в то время Гитлер портить отношения вовсе не желал¹¹⁴. Так что Герман Геринг, одетый в блестящий новенький мундир СА с наградами до самого пояса, решил вступить на скользкий путь. «Пока Геббельс фехтовал рапирой элегантно и ловко, — написал позже Мартин Зоммерфельдт, — Геринг бросился в атаку с обнаженной абордажной саблей».

¹¹² Естественно, Геринг сам составлял лист рассылки этой информации. В список входили Министерство экономики, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Министерство пропаганды, Министерство иностранных дел, а также абвер и, разумеется, секретариат рейхсканцлера.

¹¹³ Президент пошел на это с большой неохотой под давлением Геринга и Гитлера. Но это был обмен услугами: в качестве премьер-министра Пруссии Геринг выделил Гинденбургу большой участок леса, чтобы увеличить площадь его имения Нойдек.

¹¹⁴ Кроме того, власти СССР предложили обменять Димитрова на двух задержанных в стране немецких агентов.

Это метафора, тем не менее поначалу все складывалось удачно: Геринг, хорошо подготовленный Дильсом, спокойно рассказал о том, что он делал в день пожара, а также описал все этапы расследования. Увы! Поскольку немецкий уголовно-процессуальный кодекс не изменился со времен мюнхенского процесса 1924 года, обвиняемый имел право задавать вопросы свидетелю. И это все поменяло: Димитров, несмотря на посредственное владение немецким языком, оказался мастером вести диалог и незаурядным оратором, а всемогущему Герингу не удалось скрыть все слабости обвинения и сдерживать себя, когда он попадал в затруднительное положение. И с того момента все очень сильно испортилось.

Обв. Димитров: Он [Геринг], естественно, несет, и он уже об этом здесь заявил, ответственность за свое министерство и свою полицию. Не так ли?

Свид. Геринг: Да, так. *Обв. Димитров:* Я спрашиваю: что сделал господин министр внутренних дел [...] для того, чтобы в порядке полицейского расследования выяснить путь Ван дер Люббе из Берлина в Генигсдорф, [...] пребывание Ван дер Люббе в ночлежном доме в Генигсдорфе, его знакомство там с двумя другими людьми и, таким образом, разыскать его истинных сообщников?¹¹⁵

Свид. Геринг: Само собой разумеется, мне как министру незачем было бегать по следам, как сыщику. Для этого у меня есть уголовная полиция. [...] Это было политическое преступление, и мне сразу же стало ясно, и ясно по сей день, что ваша партия – это партия преступников.

Обв. Димитров: Известно ли господину премьер-министру Герингу, что эта партия [...] является правящей на шестой части земного шара, а именно в Советском Союзе, и что Советский Союз поддерживает с Германией дипломатические, политические и экономические отношения, что его хозяйственные заказы давали и дают работу сотням тысяч германских рабочих?

Председатель: Димитров, я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду.

Обв. Димитров: Господин Геринг ведет здесь национал-социалистскую пропаганду! [...] Но в Германии ведется борьба против коммунистической партии. Это мировоззрение, это большевистское мировоззрение господствует в Советском Союзе. [...] Это известно?

Свид. Геринг: Германскому народу известно, что здесь вы бессовестно себя ведете, что вы явились сюда, чтобы поджечь рейхстаг. [...] Вы в моих глазах мошенник, которого надо просто повесить.

Председатель: Димитров, я вам уже сказал, что вы не должны заниматься здесь коммунистической пропагандой. [...] Вы это сделали повторно, и поэтому пусть вас не удивляет, что господин свидетель так негодует!

Обв. Димитров: Я очень доволен ответом господина Геринга.

Председатель: [...] Я лишаю вас слова. *Обв. Димитров:* Вы боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?

Свид. Геринг: Это вы будете бояться, как только после суда попадете ко мне в руки, подлец!

Председатель: Димитров лишается права присутствовать на судебном заседании в последующие три дня. Немедленно уведите его!

То, что последовало потом, было легко предсказать: Ван дер Люббе был приговорен к смертной казни и обезглавлен на гильотине, Димитрова, Танева и Попова суд оправдал без дальнейших вопросов, Торглер тоже был оправдан, так как доказал свое алиби... Но

¹¹⁵ Прямой намек на давно ходившие слухи о том, что к Ван дер Люббе заранее были приставлены два штурмовика, которые подслушали, как он делился своими планами поджога.

Геринга это уже совсем не интересовало¹¹⁶. Уехав из Лейпцига вечером после словесной дуэли с Димитровым, он пожалел о том, что потерял хладнокровие, и естественно, ему пришлось согласиться с присутствовавшими на суде журналистами: обвиняемый выиграл процесс благодаря спокойной ироничности, в то время как свидетель обвинения из-за собственной горячности выставил себя в смешном виде. Несколько дней спустя во время обеда в рейхсканцелярии Геринг сказал Гитлеру: «Мой фюрер, эти судьи Верховного суда вели себя безобразно. Складывалось впечатление, что судили нас, а не коммунистов». И прибавил, что мог бы лично заняться немедленным реформированием судебной системы. На это Гитлер сказал: «Мой дорогой Геринг, это лишь вопрос времени. [...] В любом случае эти люди уже созрели для отставки, на их место мы поставим своих людей. Но пока Старик [Гинденбург] жив, мы сделать это не в состоянии».

Итак, пока Герман Геринг не мог ничего предпринять и вынужден был признать, что неудачное участие в суде поколебало его позиции на вершине имперской власти. В той новой Германии, девизом которой стал принцип «все против всех», подобное ослабление позиций непременно служило сигналом к нападению. И Геринг очень скоро столкнулся с проблемами Геббельса, который с удовлетворением отмечал, что «акции Геринга повсюду упали в цене» и что «фюрер открыто осудил гигантоманию». Он также почувствовал угрозу со стороны рейхсминистра внутренних дел Вильгельма Фрика, который вознамерился подчинить Министерство внутренних дел Пруссии, вотчину Геринга, своему ведомству. Ему угрожал также рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который руководил полицией Мюнхена и зарился на гестапо Пруссии. Опасность исходила также от старого сообщника и соперника Эрнста Рёма, жаждавшего стать министром обороны: тот позволил своим штурмовикам применять похищения, аресты, пытки, конфисковывать имущество, совершать другие карательные меры, так что Герингу пришлось лишить СА полномочий вспомогательной полиции. Стараясь обеспечить себе монополию в области репрессий, он даже приказал закрыть и очистить некоторые бункеры и «дикие лагеря»¹¹⁷, где штурмовики держали в заключении и пытали своих жертв.

Но Геринг быстро утомился от этой непрерывной борьбы: хотя ему и удалось противостоять подчинению прусского гестапо Вильгельму Фрику, подчинив это ведомство премьер-министру Пруссии (то есть себе), он не смог помешать поглощению Министерства внутренних дел Пруссии Рейхсминистерством внутренних дел, а также переходу прусского гестапо в подчинение Гиммлеру и Гейдриху весной 1934 года. Так распорядился Гитлер, а его распоряжения не обсуждались. Однако хитрость была второй натурой Геринга: он предпринял меры предосторожности, создав заранее полностью подчинявшееся ему новое подразделение – группу земельной полиции, сформированную из полицейских чинов, безоговорочно преданных режиму национал-социалистов и отличавшихся жестокостью и полным отсутствием совести... С той поры всеслышащие уши «исследовательского центра» и мускулистые руки специального подразделения земельной полиции позволяли Герману Герингу оставаться на плаву в полном аллигаторов болоте, во что превратился Третий рейх Адольфа Гитлера. Именно это нашло отражение в ходе последовавших драматических событий...

¹¹⁶ Все, конечно, в жизни относительно. Геринг вроде бы хотел организовать «несчастный случай» до отъезда Димитрова в Москву, но проговорился; то же самое сделали его личный пресс-секретарь Зоммерфельдт и Эрнст Ганфштенгль, уполномоченный НСДАП осуществлять взаимодействие с иностранной прессой. В результате об этом узнали журналисты, и план сорвался.

¹¹⁷ Подобные тем, что организовал неподалеку от Щецина гауляйтер Померании Карпенштайн, в Бреслау – комиссар полиции Хайнес и недалеко от столицы – руководитель берлинских подразделений СА и бывший официант Карл Эрнст. Только в Берлине действовало более пятидесяти неофициальных тюрем, располагавшихся в подвалах, на складах или в гаражах.

Помимо рейхсвера, численность которого по условиям Версальского договора ограничивалась 100 тысячами человек, в Германии к весне 1934 года действовала внушительная силовая организация штурмовиков, которая насчитывала 2,5 миллиона членов, имела неопределенный статус и такие же задачи. Перед приходом нацистов к власти эти крепкие солдаты и задиристые драчуны с глиняной совестью эффективно охраняли сборища нацистов и яростно нападали на собрания их противников. Но после триумфа НСДАП и устранения ее противников чем еще могли заниматься низкооплачиваемые и беспокойные коричневорубашечники, считавшие, что у них украли плоды победы? Политические руководители нацистской партии стали чиновниками и получили хорошо оплачиваемые и не очень обременительные должности. Руководители штурмовиков рангом ниже – Эрнст, Хайнес, фон Хайдебрек, Шмидт, Хайн, Шейнгубер, фон Краусер и другие – серьезно обогатились за счет присвоения имущества евреев, коммунистов и социалистов, а также крупных сумм, полученных от буржуазии, коммерсантов и промышленников. Их руководитель Эрнст Рём был назначен министром без портфеля в начале 1933 года, публично удостоился лестных слов от фюрера, назвавшего его «старым боевым товарищем», и перебрался в особняк на Штандартенштрассе, который некий озадаченный посетитель описал так: «Шикарное убранство, гобелены, полотна старых мастеров, великолепные зеркала из хрусталя, толстые ковры и мебель времен прекрасной эпохи... Все это походило на бордель миллионера».

Чего еще можно было желать? Главного! Все дело было в том, что Рём, бывший капитан, который в 1919 году выявил талант агитатора у ефрейтора Адольфа Гитлера, в душе оставался ландскнехтом. По большому счету, он предпочитал обстановку казарм позолоте министерств, военные парады – вечерам в опере, а попойки в кордегардии – торжественным ужинам. Именно поэтому у него, человека, который в течение двенадцати лет оказывал НСДАП неоценимые услуги, с некоторых пор появились честолюбивые планы: стать военным министром и главнокомандующим вооруженными силами страны. А всех своих приспешников сделать генералами. Тогда он смог бы создать настоящую регулярную армию численностью несколько миллионов человек, раздать награды и деньги всем своим штурмовикам, ставшим профессиональными солдатами, взять в новую армию лучших офицеров рейхсвера, а остальных отправить по домам, забрать все тяжелое вооружение, которого так не хватало его бойцам, и наконец осуществить «вторую революцию», чтобы захватить власть и разделаться со своими соперниками в нацистской иерархии, начиная с Геббельса, Гимmlера, Фрика, Бломберга и конечно же Германа Геринга. А вот Гитлера, своего старого товарища по борьбе, Рём намеревался использовать в качестве выставочной фигуры, если тот согласится сотрудничать. В противном же случае, естественно... Но одна деталь портила этот обширный план: Рём и его сподвижники не умели держать язык за зубами.

Публичные высказывания Рёма по поводу слияния СС, СА и рейхсвера под его командованием¹¹⁸ давно уже настораживали рейхсминистра обороны фон Бломберга и начальника министерского управления военного министерства фон Рейхенау, которые пожаловались на него президенту и рейхсканцлеру. А заявление Рёма о необходимости создания «народного рейхсвера» на основе СА и о проведении затем «второй революции» социалистического типа в личной беседе с Гитлером вызвало у того явное недовольство: фюрер вовсе не хотел новой революции и не мог изменить структуру рейхсвера, пока здравствовал Гинденбург. Поэтому Рёму было указано на необходимость воздерживаться от всяких необдуманных инициатив, но он предпочел пропустить это мимо ушей, а Гитлер не стал повторять. Упорно держась своей иде-фикс, Рём сблизился с некоторыми людьми, обиженными праздновавшим триумф национал-социализмом, в частности с Грегором Штрассером и генерал фон Шлейхе-

¹¹⁸ В феврале 1933 года у Рёма хватило наглости предложить этот план на рассмотрение коллегам в правительстве, которые тут же его отвергли...

ром. Увы! Вождь коричневорубашечников явно недооценил своих злейших врагов в нацистской иерархии, и в первую очередь, конечно, самого деятельного и самого осведомленного из них – Германа Геринга...

Оба эти человека были конечно же товарищами по борьбе: именно Рём, «король пулемета», вооружил в свое время первые отряды Геринга. Именно Рём добился единственного мало-мальски значительного успеха в сорвавшемся путче 1923 года. Именно Рём, едва ли не единственный из членов НСДАП, помогал многострадальному эмигранту Герингу, вернувшемуся в Мюнхен в 1927 году... Но мы уже отмечали, что признательность и национал-социализм – две вещи несовместимые. И не забыли, что по приказу фюрера Рём в 1930 году вновь занял пост начальника штаба штурмовых отрядов СА, получил должность, о которой мечтал честолюбивый и дородный депутат рейхстага. Этого вполне хватило для того, чтобы Рём стал смертельным врагом премьер-министра Пруссии и новоиспеченного генерала Германа Геринга. Следует, правда, отметить, что помощники Рёма питали к Герингу чуть ли не патологическую ненависть: не он ли обогатился быстрее и значительнее, чем они? Не он ли рассказал Гитлеру об их самых злостных правонарушениях? Не он ли с помощью гестапо расформировал их «дикие лагеря», ужаснейшие и зловеющие места принудительного заключения, с точки зрения журналистов и иностранных дипломатов? Не он ли изуродовал или ликвидировал их самых неконтролируемых мастеров пыток? К несчастью для них, вожди СА не опасались телефонного прослушивания и часто в подпитии говорили по телефону много лишнего. А ведь их постоянно прослушивали служащие «Центра исследований Германа Геринга», ежедневно доставлявшие шефу доклады о ночных разговорах интересующих его людей... Таким образом, премьер-министр Пруссии во всех подробностях знал о политических планах вождей СА, а также об их отношении к нему: они говорили совершенно открыто о «борове Геринге» (а Эмму называли его «свиноматкой»), а в одном из разговоров с Рёмом Карл Эрнст даже пообещал «собственноручно срезать с его жирного тела куски мяса, уменьшив вес наполовину, после чего всадить ему в горло нож». О фон Бломберге, Гимmlере и Геббельсе он высказывался в том же духе, и Геринг собирал записи подобных разговоров с непередаваемым наслаждением...

Эту информацию хозяин «Центра исследований» доводил до сведения военного министра, Геббельса и Гимmlера, естественно не указывая при этом ее источника. В качестве главы СС новый руководитель гестапо Генрих Гимmlер находился в подчинении у начальника штаба СА Эрнста Рёма, и это его тяготило¹¹⁹. И Геринг предложил ему уникальную возможность избавиться от этой зависимости. Так два давних соперника заключили временный союз, желая убедить Гитлера избавиться от Рёма...

Поначалу их затея казалась обреченной на провал, поскольку незадолго до этого Гитлер написал Эрнсту Рёму открытое письмо, наполненное самой искренней признательностью. Опубликованное 2 января 1934 года в газете «Фёлькишер беобахтер», вот как оно заканчивалось: «В конце первого года национал-социалистской революции я должен поблагодарить тебя, Эрнст Рём, за те неоценимые услуги, которые ты оказал нашему движению и немецкому народу. Ты должен знать, что я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность назвать такого человека, как ты, своим другом и соратником. В знак моей дружбы и благодарности, твой Адольф Гитлер». Так что, несмотря на его недисциплинированность, претензии на лидерство, странные связи, на педофильские дебоши его подручных и на многочисленные преступления подчиненных, «старый боец»¹²⁰ Эрнст Рём оставался фаворитом фюрера и одним из немногих соратников, к которым Гитлер обращался на «ты».

¹¹⁹ В то время личный состав СС насчитывал 60 000 человек, а под командой Рёма состояло около 2,5 миллиона штурмовиков.

¹²⁰ Со времен Мюнхенского путча.

Что же могло так тесно связывать покрытого шрамами баварского драчуна с бывшим австрийским ефрейтором, для которого дружба, верность и признательность были словами, полностью лишенными смысла?¹²¹ Этого мы, безусловно, никогда не узнаем. И все же следует отметить очевидный факт: все попытки Геббельса, Гиммлера и Геринга очернить Рёма в глазах фюрера всегда заканчивались для них неутешительно. Но сложность достижения успеха лишь подогревала их желание непременно добиться своего, и трое сообщников, объединившихся ради одной цели, проявили в этом деле все свои таланты: в период с апреля по июнь 1934 года сведения, собранные гестапо Гиммлера, СД¹²² под управлением Гейдриха и «исследовательским центром» Геринга, в виде распечаток постоянно ложились стопками на рабочий стол Гитлера. пытки, грабежи, похищения людей и другие преступления, совершаемые подручными Рёма, составляли ежедневную порцию докладов, которые интересовали фюрера лишь постольку, поскольку это вызывало недовольство в стране. Неуважительные высказывания Рёма и его ближайших помощников в адрес «маленького ефрейтора прошедшей войны» раздражали того не меньше, чем их пьяная болтовня о необходимости «второй по-настоящему социалистической революции». Их неосторожные заявления о предстоящем разоружении 100 000 солдат рейхсвера 2,5 миллиона штурмовиков смущали Гитлера, но лишь потому, что эти разговоры беспокоили Генеральный штаб и президента Гинденбурга и могли привести к применению военной силы против молодчиков Рёма. А заодно и против всех нацистских лидеров¹²³. Наконец, сведения о том, что в казармах штурмовиков собиралось оружие, поступившее из-за границы, его тоже беспокоили, но еще не настолько, чтобы он решился действовать...

Весь июнь Гитлер, пребывавший в нерешительности, ездил по стране. Четырнадцатого июня он даже встретился в Венеции с Муссолини, хотя этот визит ничего не дал. После этого фюрер продолжил поездки по Германии, несколько раз встречался и разговаривал с Герингом, Гиммлером и Геббельсом. Двадцать первого июня он посетил Нойдек, где военный министр фон Бломберг дал ему ясно понять, что он сможет рассчитывать на поддержку армии только в случае уничтожения СА как политической силы. То же самое вскоре подтвердил и старый маршал Гинденбург: в случае, если Гитлер окажется не в состоянии обуздать своих штурмовиков, армия займется этим сама. Фюреру было о чем задуматься, но в течение нескольких дней, последовавших за этим предупреждением, он продолжал колебаться. Принятие же решения ускорила поступившая к нему вскоре двойная информация от гестапо и от «Центра исследований»: из докладов агентов и стенограмм прослушанных разговоров следовало, что Рём собрал своих людей вокруг Берлина для осуществления скорого государственного переворота. И вроде бы даже договорился со Шлейхером и Штрассером, которых Гитлер ненавидел, о формировании нового правительства после захвата власти. Чтобы информация выглядела более достоверной, Гиммлер и Геринг добавили подробностей: фон Шлейхер должен был стать канцлером, Штрассер – министром экономики, Рём – военным министром, Теодор Кронеисс¹²⁴ должен был вместо Геринга возглавить Министерство авиации, а принц Август Вильгельм в звании регента стал бы гарантией для монархистов. Наконец, заговорщики якобы заручились поддержкой Франции для исполнения своего замысла...

Этот доклад, в котором были умело смешаны правда и ложь, также получили разведслужбы рейхсвера. На самом же деле не существовало никакого союза между Рёмом, Штрассером и Шлейхером: цели у них были совершенно разные, взаимное доверие полностью

¹²¹ Что бы ни писали психиатры-любители, гомосексуальных наклонностей Адольф Гитлер не имел.

¹²² Нацистская секретная служба безопасности, разведывательное управление СС.

¹²³ Значительно уступая СА в численности, рейхсвер был единственной силой, имевшей в распоряжении тяжелое вооружение, поэтому в случае гражданской войны победа неминуемо осталась бы за армией.

¹²⁴ Вице-президент самолетостроительной компании «Мессершмитт» и офицер СА.

отсутствовало. Участие Франции в заговоре было придумано только для того, чтобы заговорщики выглядели государственными преступниками в глазах фюрера. Наконец, если Рём действительно вынашивал планы путча и не делал из этого тайны, то сообщение о скором начале мятежа было надумано: на июль все штурмовики были отпущены в отпуск. Карл Эрнст, их руководитель в Берлине, готовился уехать в свадебное путешествие, а Рём даже отправился подлечить свой ревматизм в Бад-Висзее, курортный городок неподалеку от Мюнхена. Ничто из этого не указывало на грядущий государственный переворот, но дезинформацию подготовили специалисты, и она оказала сильное воздействие на Гитлера...

Двадцать седьмого июня, после появления этого подложного рапорта, группенфюрер СС¹²⁵ Йозеф (Зепп) Дитрих явился с визитом к начальнику Генерального штаба рейхсвера фон Рейхенау и попросил у него автоматы и ружья, а также транспортные средства для поездки «на юг Германии» семисот человек из возглавляемого им подразделения «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»¹²⁶.

Двадцать восьмого июня Гитлер и Геринг находились в Эссене: они присутствовали на свадьбе гауляйтера Тербовена. Там статс-секретарь Кёрнер передал им поступившую из Берлина информацию, говорившую о том, что штурмовики готовятся захватить столицу. Кроме того, они якобы арестовали одного иностранного дипломата, что было строжайше запрещено. Гитлер пришел в ярость, вернулся в гостиницу и вызвал к себе обергруппенфюрера СА Виктора Лутце¹²⁷, и позже тот сделал в своем дневнике такую запись: «В номере отеля телефон звонил почти непрерывно. Фюрер углубился в свои мысли, но было видно, что теперь ему придется действовать». Действительно, Гитлер крикнул своим спутникам: «Хватит, надоело, надо показать пример!» Геринг получил приказ вернуться в Берлин и быть готовым перейти к действиям с получением сигнала «Колибри». После чего фюрер позвонил Рёму, грубо накричал на него из-за задержанного дипломата, затем сообщил, что намерен лично прибыть в Бад-Висзее, чтобы выступить через день, в 11 часов, перед руководителями групп СА. Довольный Геринг вернулся в Берлин, где привел в боевую готовность личную полицию и специальное вооруженное формирование СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»; потом он взял в свои руки полную власть в Пруссии и направил секретные инструкции командующему войсками СС в Силезии: по его сигналу тот должен был арестовать основных руководителей СА в этой провинции и занять их штаб-квартиру...

Гитлер, охваченный возбуждением, больше не мог сидеть на одном месте. Днем 29 июня он посетил рабочий лагерь в Вестфалии, потом отправился в Бад-Годесберг, куда вечером к нему приехал Пауль Кёрнер с последней информацией от Гиммлера и Геринга. Кёрнер сообщил, что командир штурмовиков Берлина Карл Эрнст вместо поездки в Бад-Висзее намеревается утром следующего дня отдать приказ о захвате главных государственных учреждений. «Это же путч!» – закричал Гитлер, даже не удосужившись проверить достоверность информации. Впрочем, несколько минут спустя он узнал, что 3000 подвыпивших штурмовиков проводят шумную демонстрацию на улицах Мюнхена... Фюрер обладал свойством внезапно прекращать колебаться и принимать неожиданные решения. И тогда он поступил точно так же¹²⁸: приказав Зеппу Дитриху немедленно прибыть в Мюнхен с его людьми из

¹²⁵ Это звание соответствует званию генерал-лейтенанта.

¹²⁶ Личная охрана Адольфа Гитлера.

¹²⁷ Генерал-полковник Лутце был соперником Рёма. Он рассказал Гитлеру о честолюбивых планах начальника штаба СА и заработал таким способом доверие фюрера. В феврале он донес Гитлеру, что однажды, будучи пьяным, в некой компании Рём сказал: «То, что объявляет этот смешной ефрейтор, – не для нас. Гитлеру нельзя доверять, он должен уйти в отпуск. Если не так, мы сделаем дело без Гитлера».

¹²⁸ Несмотря ни на что, в решении Гитлера было рациональное зерно: его информаторы донесли, что Гинденбург тяжело болен и что жить ему осталось всего несколько месяцев. Чтобы занять его место, Гитлеру требовалось заручиться поддержкой армии. А мы уже знаем, какие условия выставил ему фон Бломберг от имени рейхсвера...

«Лейбштандарт», Гитлер сел в «Юнкерс-52» в начале третьего ночи вместе с Лутце, Геббельсом, Брюкнером, Шаубом и имперским шефом прессы Отто Дитрихом. Зарождавшемуся дню, 30 июня 1934 года, предстояло стать датой массовой резни, получившей название «ночь длинных ножей»¹²⁹.

В 4 часа утра самолет приземлился на аэродроме Обервизенфельд неподалеку от Мюнхена. Серым ветреным утром под моросившим дождем фюрера встречали представители НСДАП и армии; он вышел из самолета в черном кожаном пальто, с очень бледным лицом. Гитлер смотрел прямо перед собой и бормотал: «Сегодня самый мрачный день в моей жизни, но я поеду в Бад-Висзее и жестоко всех накажу». По прибытии в Мюнхен он выскочил из машины перед Министерством внутренних дел Баварии и вбежал в здание в сопровождении гауляйтера Вагнера¹³⁰ и небольшой свиты. Попавшихся на пути двух руководителей баварского СА, обергруппенфюрера Шейнгубера и группенфюрера Шмидта, находившийся на грани истерики Гитлер грубо оттолкнул, затем сорвал с них знаки отличия с криком: «Вы арестованы и будете расстреляны!» Около 6 часов утра фюрер, все еще кипевший от ярости, вышел из здания министерства и сел в машину. Поскольку люди из «Лейбштандарт» еще не прибыли, его сопровождали лишь девять телохранителей, а также Геббельс, Лутце, Брюкнер и Дитрих¹³¹. Но он все равно велел своему шоферу Эриху Кемпка немедленно ехать в Бад-Висзее.

Шестьдесят километров между Мюнхеном и Бад-Висзее были преодолены на большой скорости, и примерно в 6 часов 30 минут «мерседес» Гитлера и две машины сопровождения затормозили перед частным отелем, где остановились Рём и несколько его соратников. Никакой охраны снаружи не было, и Гитлер первым вошел в пустой холл. Пока его подручные занимали этажи, Гитлер постучал в дверь номера, который занимал Рём, и, услышав вопрос «Кто там?», ворвался внутрь с пистолетом в руке и крикнул своему пораженному старому другу: «Эрнст, ты арестован!» Вслед за этим прозвучали обвинения, потом последовал приказ немедленно одеться, и Гитлер стремительно вышел в коридор, так что Рём даже не успел ничего сказать. Там он начал барабаниТЬ в дверь номера напротив, где размещались обергруппенфюрер Хайнес и его шофер-любовник. Хайнес, проснувшись от шума и увидев перед собой Гитлера, Лутце и полицейского в штатском, вначале отказался одеваться, но Гитлер поставил его перед выбором: подчиниться или быть застреленным на месте. Менее чем за двадцать минут Рём, Хайнес, Бергман, Уль¹³², граф фон Шпрети-Вальбах, два адъютанта, четыре молодых человека, о наклонностях которых догадаться было несложно, и десять охранников, которые до того крепко спали, были заперты в прачечной в подвале.

Ситуация могла осложниться, когда перед отелем остановился грузовик с четырьмя десятками вооруженных охранников штаб-квартиры Рёма: в этот момент могло вспыхнуть вооруженное столкновение, но Гитлер отдал им приказ вернуться в Мюнхен, и они подчинились. После этого фюрер и его подручные посадили арестованных в конфискованный для этого случая автобус и направились в Мюнхен вдоль южного берега озера Тегернзее¹³³. К 9

¹²⁹ Это название придумали сами штурмовики, готовившие вторую революцию в конце 1933 года. Тогда они и не подозревали, что станут первыми жертвами этой ночи.

¹³⁰ Вагнер был также министром внутренних дел Баварии.

¹³¹ Свидетельства о присутствии Зеппа Дитриха и его подчиненных в Мюнхене утром 30 июня весьма противоречивы. По мнению его биографа Чарльза Мессенджера, Зепп Дитрих и его люди из «Лейбштандарт» не успели вовремя приехать в Мюнхен для сопровождения Гитлера в Бад-Висзее из-за плохого состояния дороги и изношенности грузовиков (*Ч. Мессенджер*, *Гладиатор Гитлера*, изд. «Брессейз», Лондон, 1988 г., с. 59). См. также *И. Кершоу*, *Гитлер*, т. I, изд. «Пенгуэн», Лондон, с. 514. В 1949 году Вильгельм Брюкнер подтвердил, что в той поездке эсэсовцы участия не принимали, что Гитлера сопровождали «только две обычные группы на двух машинах».

¹³² Штандартенфюрер СА (полковник) Юлиус Уль, начальник личной охраны Рёма.

¹³³ Это было предосторожностью со стороны Гитлера на случай, если бы люди из охраны Рёма передумали и попытались перехватить автобус на мюнхенской дороге. Те так и поступили, но напрасно прождали Гитлера на северном берегу

часам 30 минутам группа машин добралась до «Коричневого дома», охранявшегося армией и эсэсовцами, которые к тому времени арестовали главных офицеров СА, направлявшихся в Бад-Висзее. Остальных арестовали сразу же при выходе из вагонов поезда. Рёма и его ближайших помощников быстро переправили в тюрьму Штадельхейм, где уже находились арестованные ранее штурмовики. Тем временем Гитлер приказал Геббельсу позвонить Герингу и передать ему сигнал «Колибри»...

Из своего дворца на Лейпцигерплац Геринг, ждавший сигнала вместе с Гиммлером и начальником Генштаба фон Рейхенау, немедленно дал команду начать выполнение давно разработанного плана. Находившиеся в казармах бывшей кадетской школы в Лихтерфельде специальные подразделения земельной полиции на грузовиках и в сопровождении мотоциклистов кружными путями въехали в Берлин и окружили штаб-квартиру штурмовых отрядов СА на Вильгельмштрассе. За несколько минут до этого генерал Боденшац срочно вызвал Франца фон Папена, который был в натянутых отношениях с нацистами после своей речи в Марбурге¹³⁴, в резиденцию Геринга. Проходя по саду возле Министерства авиации, вице-канцлер поразился тому, что дворец превращен в крепость. «Весь район кишел вооруженными автоматами эсэсовцами, – вспоминал он. – Геринг находился в своем кабинете вместе с Гиммлером. Он сказал мне, что Гитлеру пришлось вылететь в Мюнхен, чтобы сорвать подготовленное Рёмом восстание, а ему были даны все полномочия для предотвращения мятежа в столице. Я тут же возразил, что в отсутствие канцлера всю полноту власти должен осуществлять я как вице-канцлер. Геринг сказал, что об этом не может быть и речи. [...] Тогда я сказал, что необходимо сообщить обо всем президенту, ввести в стране чрезвычайное положение и подключить рейхсвер к наведению порядка. Но Геринг отказался и от этого, заявив: не стоит беспокоить Гинденбурга, так как с помощью СС он, Геринг, держит ситуацию под контролем. Мы начали спорить, но Геринг прекратил разговор, попросив меня вернуться домой и не выходить никуда, не предупредив его: от этого якобы зависела моя личная безопасность. Я ответил, что сам могу обеспечить свою безопасность и что отказываюсь исполнять то, что весьма напоминает арест».

В ходе этого разговора личный секретарь фон Папена услышал, как Гиммлер, понизив голос, произнес в телефонную трубку: «Теперь можете начинать!» Позже он понял: фон Папена специально выманили из дворца вице-канцлера для того, чтобы молодчики Геринга и Гиммлера смогли спокойно занять здание. Что они незамедлительно и сделали, убив мимоходом руководителя пресс-службы Герберта фон Бозе и арестовав всех секретарей. А тем временем в резиденции Геринга переговоры завершились, фон Папен позже написал: «В конечном счете Геринг, получавший поток сообщений, чуть ли не выставил меня за дверь. [...] Мы с секретарем поехали на машине к дворцу вице-канцлера на Фоссштрассе, чтобы я смог забрать оттуда свои дела. Но здание было занято людьми Гиммлера, а охранник с автоматом не разрешил мне войти. Один из служащих сумел передать мне, что Бозе убит, после чего его от меня отогнали, а мне приказали вернуться в машину. К нам подошли эсэсовец и член тайной полиции Геринга, попытавшиеся арестовать моего секретаря. Напряжение возросло до такой степени, что в нас едва не начали стрелять. Это было знаком царившего там смятения. Во всем этом принимали участие две группы: одной командовал Геринг, другая исполняла приказы Гиммлера».

Точно так и было: сообщники действовали заодно, но, поскольку преследовали разные интересы, счета сводили по-разному. Впрочем, фон Папену просто повезло: когда он вернулся домой, его спасло от подручных Гиммлера, получивших приказ его убить, только

озера.

¹³⁴ В этой речи, произнесенной 17 июня 1934 года, фон Папен подверг критике нацистский режим и призвал к расширению свобод в стране.

то, что Геринг приказал своим людям защищать вице-канцлера. Это означало лишь то, что премьер-министр Пруссии Герман Геринг, более рассудительный человек, чем шеф гестапо, считал, что убийство – это искусство, которое требует тишины. К тому же Гинденбург никогда бы не простил нацистам убийства своего любимца Франца фон Папена. А ведь старый фельдмаршал все еще оставался верховным главнокомандующим рейхсвера... Существовали, впрочем, и другие противоречия: Гиммлер и Гейдрих хотели воспользоваться случаем для физического устранения Дильса, но Геринг воспротивился этому. Таким образом, первый исполнитель грязной работы гестапо лишь чудом уцелел в этой бойне, а Геринг тайно назначил его исполнительным президентом Кёльна, и по строжайшему приказу патрона Дильс постарался сделать так, чтобы о нем забыли.

А тем временем специальные отряды земельной полиции захватили штаб-квартиру штурмовиков и обезоружили всех, кто там находился. Геринг, покинув на некоторое время свой кабинет, явился туда, чтобы на месте определить, кого следует расстрелять немедленно, а кого допросить. Позже он рассказывал: «Я спросил у капитана СА: “Есть ли у вас оружие?” – “Никак нет, господин начальник полиции, – ответил мне этот мерзавец. – Никакого оружия, кроме пистолета, на ношение которого вы выдали мне разрешение...” И тогда я обнаружил в подвале целый арсенал, там оружия было больше, чем у всей прусской полиции! Говорю же, они могли устроить настоящий фейерверк! В этом случае оставалось только одно: расстрелять!»

Тот день был отмечен множеством расстрелов в Пруссии, в Померании, в Силезии, везде. Причем лишились жизни множество людей, не имевших отношения к СА, в частности: бывший канцлер фон Шлейхер (эсэсовцы, переодетые в гражданскую одежду, подъехали к его вилле на окраине Берлина, ворвались в дом и открыли стрельбу по Шлейхеру и его жене, которые в это время завтракали); генерал фон Бредов, единомышленник и ближайший помощник фон Шлейхера, исполнявший в его кабинете обязанности министра обороны; адвокат Эдгар Юнг, сотрудник фон Папена и истинный автор Марбургской речи; Эрих Клаузенер, бывший начальник отдела полиции прусского Министерства внутренних дел, уволенный со своего поста в феврале 1933 года; Фриц Герлих, католический публицист и историк, некогда судившийся с Герингом... И разумеется, были убиты все сподвижники Рёма, Эрнста и Хайнеса: Герт, Сандер, Бойлвиц, Мореншильд, Киршбаум и десятки других, переправленных в концлагерь близ Лихтерфельде и там казненных. В Министерстве внутренних дел, как, впрочем, и везде, никто не чувствовал себя в безопасности, даже генерал Далюге, начальник отдела полиции Имперского министерства внутренних дел и руководитель прусской полиции! Его подчиненный Ханс Бернд Гизевиус так описал атмосферу того ужасного утра: «Что же на самом деле происходило? Казалось, что продолжались поиски Грегора Штрассера, если судить по драматическому призыву о помощи, направленному Далюге одним из товарищей по партии. Вероятно, Рём, Шлейхер и Штрассер затевали весьма опасный путч. Из полиции стали поступать многочисленные телеграммы. Почти все значимые лидеры СА были арестованы или находились под угрозой ареста. Предателей, несомненно, было очень много. Но сколько же точно? Кто был охотником, а кто дичью? Мы решили узнать все точнее. Для этого я предложил отправиться во дворец Геринга, где надеялся увидеть Небе¹³⁵. Уж он-то должен был сказать, что происходит на самом деле. Меня на это толкала мысль, что лучше находиться там, чем в кабинете или дома. Посему я предпочел держаться поближе к Далюге, полагая, что уж в пасти волка, то есть во дворце Геринга, меня точно не арестуют. Мы вдвоем прошли двести – триста метров, отделявших министерство от Лейпцигерплац, так и не заметив ничего необычного. [...] Люди спокойно шли по улицам. Однако мундиров СС видно не было. И только дойдя до Лейпцигерплац, мы поняли, что дело серьезное. Там

¹³⁵ Артур Небе, шеф государственной полиции и бывший начальник Гизевиуса по службе в гестапо.

мы увидели много полицейских и группы людей. Мы прошли по маленькому проходу, выходящему к дворцу Геринга. Слава богу, это здание не было видно с улицы, потому что как только мы вышли из-за угла, со всех крыш, из всех амбразур и со всех балконов на нас нацелились дула автоматов. Двор кишел полицейскими, если бы не серьезность ситуация, этот контраст со спокойным Берлином мог бы нас позабавить. Пока я проходил вслед за Далюге через заграждения и поднимался по ступеням в большой холл для приемов, горло мое внезапно сдавило страх. Я судорожно вдохнул воздух, полнившийся ненавистью, нервозностью, напряженностью, предчувствием гражданской войны, а главное, запахом крови, большой крови. На лице всех присутствующих, начиная с часовых, отражался ужас. Из стороны в сторону нервно сновали адъютанты. Посыльные, сжимавшие в руках толстые папки с секретными бумагами, пробегали с важным выражением на лице. Ожидавшие чего-то люди с тревогой расспрашивали друг друга. Все говорили вполголоса. Шептали что-то друг другу на ухо. К счастью, я тут же увидел Небе. Мы переглянулись по-своему, как давно практиковали, и поприветствовали друг друга. Мы затянули с рукопожатием несколько дольше обычного, потому что не знали, что следует сказать или о чем спросить в первую очередь. В конце концов я просто спросил, чем он занимался вчера. «Ничем особенным, – ответил Небе. И добавил: – Мне сообщили, что на Геринга готовилось покушение, так что я должен всюду его сопровождать. Он с женой прошелся по разным магазинам. Но мне пришлось ночевать во дворце. А сегодня утром...» Небе многозначительно посмотрел на меня. Последовала довольно продолжительная пауза. [...] Он принял равнодушный вид. В такой момент и среди такого окружения главным было не показывать своего волнения, а уж тем более испуга. Мы из осторожности отошли в укромный уголок поблизости. В паре шагов от нас в кресле сидел, опустив голову, какой-то группенфюрер СА, зубы у него стучали. Небе пояснил, что ему пришлось его арестовать несколько минут назад. Несчастного вызвали по телефону, сразу же по его прибытии Геринг обозвал его грязной гомосексуальной свиньей и заявил, что его надо расстрелять. Чуть поодаль сидел на корточках еще один бедолага, обергруппенфюрер СА Каше: его схватили на улице и предусмотрительно привели сюда. Он выглядел так, словно считал секунды, которые ему оставалось прожить. [...] Вид этого человеческого отчаяния вернул нас к сути дела. Небе дал мне понять, что с утра ситуация сильно осложнилась. В лагере близ Лихтерфельде не прекращаются расстрелы. Он шепотом произнес много фамилий, которых я даже не слышал. Я запомнил только имена группенфюреров СА фон Деттена и фон Фалькенхаузена, префекта полиции города Глейвиц Рамсхорна, префекта полиции Магдебурга, имена штандартенфюрера Бельдинга и адвоката Фосса. И это были лишь несколько кандидатов на расстрел. [...] Нас глубоко огорчила фамилия Герта, награжденного на фронте орденом «За заслуги»¹³⁶. Нам с Небе казалось отвратительным, как убивали этих «важных преступников». Честно говоря, в тот момент мы не могли прийти в себя. И лишь машинально запоминали факты, поскольку больше всего думали о том, сумеем ли сами выйти живыми и невредимыми из этого бедлама. [...] Мы ободряли друг друга, думая при этом молча о ружейных залпах, которые раздавались в Лихтерфельде. Мы находились совсем рядом с кабинетом Геринга, где заседала комиссия по расстрелам. В кабинет постоянно забегали посыльные из гестапо, принося маленькие белые карточки. Дверь оставалась приоткрытой, и мы могли видеть Геринга, Гиммлера, Гейдриха и маленького Пили Кёрнера, статс-секретаря прусского правительства Геринга. Казалось, что совещание проходит очень бурно. Временами из кабинета доносились слова «Вон!», «Ах!», «Стреляйте!» или звучал просто грубый смех. Во всяком случае, мне показалось, что у них было очень хорошее настроение. Геринг буквально светился от удовольствия. Чувствовалось, что он в

¹³⁶ Среди арестованных оказался также один бывший пилот эскадрильи «Рихтгофен». Геринг вызвал его к себе, сорвал с него награды, а затем отдал в руки расстрельной команды.

своей стихии. Он мерил кабинет большими шагами. Это было незабываемое зрелище: растрепавшиеся волосы, белая рубашка и серо-голубые военные брюки на толстом теле, черные сапоги с высокими голенищами, которые закрывают колени. Он напомнил мне Кота в сапогах или какого-то другого экстравагантного персонажа сказок».

Ту же самую картину наблюдал из приемной заместитель статс-секретаря Министерства авиации генерал Эрхард Мильх, которого вызвали во дворец Геринга поздним утром. «Гиммлер медленно зачитывал фамилии по списку, – вспоминал он. – После каждой фамилии Геринг и фон Райхенау кивали или отрицательно качали головой. Если все соглашались, Гиммлер диктовал Кёрнеру фамилию и сухо прибавлял: “Подтверждено!” В какой-то момент один из троих произнес фамилию, которая явно не значилась в списке. Это было имя супруги некоего дипломата, сильно раздражавшей руководителей партии крайним усердием в покровительстве делу национал-социализма¹³⁷. Все нервно рассмеялись. Время от времени Пауль Кёрнер выходил со списком фамилий, которые были видны, и передавал его другим людям. Те по телефону давали указания своим доверенным лицам на местах.

Было ясно, что людей, внесенных в эти списки, ожидало вовсе не продвижение по службе».

О том, что было дальше, рассказал Гизевиус, оставшийся во дворце: «Вдруг раздались громкие голоса. Майор полиции Якоби выскочил из кабинета, затачивая под подбородком ремешок фуражки, а вслед ему Геринг с яростью кричал: “Стреляйте... возьмите с собой всю роту, стреляйте по ним... стреляйте, говорю вам... стреляйте!” Невозможно описать неистовость желания мщения и одновременно страх, подлый страх, отразившиеся в этой сцене. Можно было догадаться, что кто-то скрылся, некто, кто не должен был остаться в живых, иначе день был бы прожит зря. Вначале мы предположили, что бежали Рём или Карл Эрнст. Но Геринг продолжал кричать. Он снова начал ходить из угла в угол по своей шикарной клетке, а мы слышали, как он несколько раз крикнул: “Это все Пауль... этот Пауль, именно он!” Один из адъютантов сообщил нам, что речь шла о Грегоре Штрассере и Пауле Шульце. оказывается, арестовать Штрассера не удавалось, потому что его защищали рабочие его предприятия. [...] Поэтому и прозвучала зверская фраза “Стреляйте по ним!”. А *этим Паулем* был друг Штрассера лейтенант Пауль Шульц¹³⁸». Гизевиус даже увидел окончание – как оказалось, временное – работы комиссии по расстрелам: «Гиммлер с Гейдрихом уехали, малыш Пауль Кёрнер с важным видом вышел в холл, а Геринг удалился в смежную комнату, где его давно ждал “придворный” фотограф. Как же можно было провести такой день, не сделав красивый снимок августейшей особы! Кстати, мы удивились уже тогда, когда заметили, что лакеи тщательно готовят целый набор мундиров».

Они задержались еще на некоторое время, потому что Геринг хотел встретиться с одним только что доставленным во дворец арестованным. Им оказался принц Август Вильгельм, его старинный приятель Ави, который вступил в ряды СА, решив доказать свою преданность национал-социализму, и фигурировал в планах Рёма по реорганизации правительства. «Где ты разговаривал с Карлом Эрнстом в последний раз?» – спросил его Геринг. «По телефону», – ответил принц. «О чем вы говорили?» – «Эрнст просто хотел попрощаться со мной перед отъездом за границу». – «Тебе повезло, что ты сказал правду», – сухо произнес Геринг и зачитал принцу запись разговора. «Рад, что ты решил на несколько дней уехать в Швейцарию!» – сказал затем Геринг принцу, смотревшему на него с недоумением. «Я когда-нибудь говорил тебе, что у тебя самая глупая в мире голова? Уходи отсюда и помалкивай!» – дружелюбно добавил Геринг на прощание. Таким образом, принц вышел из вертепа на Лейпцигерплац свободным, но спасла его вовсе не его невиновность. Просто Геринг пра-

¹³⁷ Речь шла о баронессе Виктории фон Дирксен.

¹³⁸ Пауля Шульца вскоре арестовали. Он получил шесть пуль в живот, но выжил.

вильно оценил ситуацию: нельзя расстреливать представителя рода Гогенцоллернов, каким бы глупым принц ни был.

Во второй половине дня великий организатор чисток отправился в Министерство пропаганды, желая сделать заявление для прессы. Гизевиус находился там, позже он так описал эту сцену: «В зале царила ужасно напряженная обстановка. Я видел лица этих великих редакторов. На них отражались любопытство, недоумение, коварная радость, озабоченность и ужас поочередно. [...] Приехал Геринг. Он был в парадном мундире. Геринг не просто шел: он промаршировал к трибуне и поднялся на нее с величественным видом. Сделав продолжительную паузу, которая произвела сильное действие, он слегка наклонился вперед и опустил и снова поднял глаза, словно боялся того, что намеревался обнародовать. Он, несомненно, разучил перед зеркалом эту нероновскую позу. Потом Геринг сделал заявление. Произнес его он печальным голосом, как профессиональный распорядитель на похоронах. Заявление было путаным: путч Рёма, сексуальный разврат, волнения в стране, реакция, государственная измена, вторая революция, суровое наказание, милосердие фюрера. Шлейхер вошел в заговор с некой иностранной державой. В момент ареста он пытался сопротивляться, и это, “к несчастью”, стоило ему жизни. О Штрассере Геринг не упомянул. Как и об убийстве личного секретаря фон Папена. Когда он снова заговорил о Рёме, всем стало ясно: того больше нет в живых. [...] Самым интересным пунктом заявления Геринга оказался не намек на “больных людей”, чьи пагубные наклонности были элементом социальной коррупции, а то, что фюрер, проводивший в этот день “краткий судебный процесс” в Висзее, приказал ему несколько дней назад по его указанию “нанести удар”. А потом прозвучала наполненная особым смыслом фраза: “Я расширил границы моей миссии”. Из чего стало ясно, что Геринг не ограничился приказом стрелять по руководству путчистов из числа членов СА, а по собственной инициативе нанес удар по “вечно недовольным”».

Среди них, разумеется, оказался Грегор Штрассер, которого в конце концов гестаповцы арестовали во второй половине дня, доставили в свою штаб-квартиру на Принц-Альбертштрассе и бросили в подземную камеру номер 16. Там он провел долгие двенадцать часов, потом в камеру вошли трое эсэсовцев и расстреляли его в упор. Изрешеченный пулями Штрассер был еще жив, и тогда Гейдрих произвел контрольный выстрел. А тем временем пришла ночь, но расстрелы в концлагере близ Лихтерфельде не прекратились: они продолжались при свете автомобильных фар...

Геринг упомянул в своем заявлении, что фюрер возглавлял в Висзее «краткий судебный процесс». Он точно подобрал прилагательное, но существительное использовал неверное, поскольку этот суд не имел ничего общего с юриспруденцией: во второй половине того кровавого дня Гитлер, продолжая находиться в «Коричневом доме», пробежал глазами бесконечный список арестованных и крестиком отметил фамилии тех, кого приговаривал к смерти. Группенфюрер СС Зепп Дитрих¹³⁹ получил первый список из шести фамилий для немедленной казни: Хайн, Хайдебрек, Хайнес, Шейнгубер, Шмидт и граф фон Шпрети-Вальбах. Дитрих отправился в тюрьму Штадельхейм без особого энтузиазма, потому что приговоренные к смерти в большинстве своем были его боевыми товарищами. Но старый солдат обязан повиноваться, и шесть человек оказались перед расстрельной командой. Дитрих с тяжелым сердцем покинул место расстрела до того, как прозвучал последний залп. После этого последовали другие многочисленные убийства, как в тюрьме Штадельхейм, так и в других местах. Причем некоторые воспользовались возможностью свести старые счеты: бывшего главу правительства Баварии, 75-летнего Густава фон Кара, вытащили из

¹³⁹ Скорее всего, он со своими людьми прибыл в Бад-Висзее лишь к 11 часам, когда колонна машин с Гитлером и арестованными главарями штурмовиков уже уехала оттуда. Тогда Дитрих получил приказ вернуться со своими подчиненными из «Лейбштандарт» в Мюнхен.

дома в Дахау, забили до смерти и кинули в болото, а отец Бернхард Штемпfle, некогда подправлявший рукопись «Майн Кампф», был убит перед собственным домом¹⁴⁰. Не обошлось и без ужасных ошибок: музыкальный критик Вильгельм Шмидт стал жертвой вследствие случайного совпадения...¹⁴¹ Но удивительно оказалось то, что Эрнст Рём, человек, который должен был погибнуть самым первым, вечером 30 июня все еще был жив: Гитлер не хотел отдавать приказ о его казни, а в разговоре с Максом Аманном он заметил: «В конечном счете Эрнст некогда находился рядом со мной на скамье подсудимых»¹⁴². На аэродроме Оберви-зенфельд за несколько минут до вылета в Берлин он сказал генералу фон Эппу: «Я помиловал Рёма, приняв во внимание оказанные им услуги». Кто может понять сложную психологию Адольфа Гитлера?..

В Берлине, находясь на своем рабочем месте в Министерстве внутренних дел, Ханс Бернд Гизевиус продолжал наблюдать, как разворачивалась адская спираль событий. Позже он вспоминал: «В течение короткого времени накопилось большое количество радиogramм. Большая их часть уже потеряла актуальность, другие были непонятными, содержали мало новой информации. Дюжина телеграмм касалась Карла Эрнста. Птичка сумела упорхнуть. Полагаю, что именно он и был номером два, который вызывал злобное раздражение и такую же ярость, поскольку уже давно должен был быть расстрелян. Вдруг мы узнали, что фюрер час назад вылетел из Мюнхена. Приземлиться он должен был в Тампельхофе, и его прибытие было нельзя пропустить. Аэродром оцепили вооруженные до зубов эсэсовцы. Тем более что ожидалось прибытие еще нескольких самолетов. Геринг воспользовался запаздыванием самолета из Мюнхена, чтобы произнести короткую речь перед солдатами в серо-голубой форме. Эти его подчиненные в ту пору еще держались в тени и были мало кому знакомы¹⁴³. Здесь они выстроились перед ангарами. Геринг вошел в середину образованного ими каре, и, расставив ноги по-хозяйски, начал говорить – именно в тот вечер – о солдатской верности и духе товарищества. [...] Эта бессвязная речь произносилась в сумерках, и никто, следует отметить, ее не услышал. Небе тоже находился на аэродроме. Ему уже сообщили, что Грегор Штрассер мертв, якобы покончил с собой. Это нас возмутило. [...] Не успели мы с Небе сделать несколько шагов по аэродрому, отойдя в сторону, как увидели, что приземлился небольшой “юнкерс”. Из самолета выпрыгнули три эсэсовца. Затем появился Карл Эрнст в наручниках. Все-таки они его поймали! Этот парень, казалось, был в хорошем настроении. Он быстро перебрался из самолета в машину. Эрнст улыбался направо и налево, словно хотел показать всем, что не воспринимает свой арест всерьез. Но улыбка очень скоро исчезла с его лица. Его спешно повезли в лагерь близ Лихтерфельде.

Наконец раздалось объявление о прибытии самолета из Мюнхена. Мы увидели его в небе. Горизонт окрасился в кроваво-красные тона, и это выглядело символично. Все были взволнованы, у всех в голове крутились тысячи вопросов. Тяжелый самолет коснулся колесами земли, потом остановился, и в тот момент, когда винт прекратил вращаться, мы невольно затаили дыхание. Что теперь произойдет? Послышались команды. Рота почетного караула застыла по стойке “смирно”, Геринг, Гиммлер, Кёрнер, Фрик, Далюге и два десятка офицеров полиции двинулись в направлении самолета. Вот открылась дверца, и первым вышел Адольф Гитлер. Он был во всем темном: коричневая рубашка, черный галстук, кожаное пальто, высокие сапоги. Без головного убора, с белым, как простыня, небритым лицом,

¹⁴⁰ Отличаясь болтливостью, этот священник на светских приемах рассказывал о ляпах в тексте начинающего писателя Адольфа Гитлера. Он к тому же слишком много поведал об отношениях Гитлера и Гели Раубаль, его двоюродной племянницы, которую 18 сентября 1931 года нашли застреленной в мюнхенской квартире фюрера. – *Примечание переводчика.*

¹⁴¹ Эсэсовцы приняли его за некоего Людвиг Шмидта, сторонника Отто Штрассера.

¹⁴² В 1924 году в ходе судебного процесса по делу участников неудавшегося путча в Мюнхене.

¹⁴³ Речь идет о солдатах люфтваффе, новых военно-воздушных сил Германии, формирование которых еще держалось в секрете.

черты которого одновременно обозначились резче и припухли. Потухший взгляд был неподвижным, на глаза падала непослушная челка. [...] Со всех сторон слышались приветствия. Гитлер молча подал руку каждому из тех, кто его окружил. Мы с Небе, наблюдая из предосторожности всю сцену издали, слышали только щелканье каблучков. Тем временем из самолета вышли остальные пассажиры: Брюкнер, Шауб, Зепп Дитрих и другие. Они казались серьезными, во всяком случае озабоченными. Наконец по трапу спустилась дьявольская фигура: Геббельс. Медленным шагом Гитлер прошел перед строем роты почетного караула. Он двигался, тяжело ступая, от одного фланга строя до другого. Складывалось впечатление, что он в любой момент может потерять сознание.

Повернувшись к Герингу и Мильху, Гитлер спросил, что за люди в незнакомой ему форме стоят перед ангарами. Это курсанты-летчики будущего люфтваффе, ответил Мильх. «Единственное приятное зрелище за день. Прекрасный расовый отбор!» – заключил фюрер. Я стоял слишком далеко и не мог услышать эти слова, но увидел, как вся группа продолжила движение. Направляясь к колонне машин, ожидавших в нескольких сотнях метров от места посадки самолета, Гитлер остановил Геринга и Гиммлера. Он потребовал от сподвижников доложить обстановку, хотя, несомненно, весь день поддерживал с ними связь по телефону. Предшественник Рёма фон Пфедфер, оценив ситуацию, решился приблизиться. Но Гиммлер угрожающим жестом велел ему не подходить. Затем он достал из внутреннего кармана помятый список. Гитлер принялся просматривать длинный перечень фамилий, а Гиммлер и Геринг в это время что-то шептали ему на ухо. Было видно, как Гитлер, водя по списку пальцем, задерживал его иногда на чьей-то фамилии. И тогда шепот становился более оживленным. Вдруг Гитлер откинул голову назад с выражением такого сильного волнения на лице, что это не ускользнуло от внимания присутствующих. Мы с Небе обменялись многозначительными взглядами. Гитлер только что узнал о «самоубийстве» Штрассера. Наконец процессия продолжила движение. Впереди шли Гитлер, Геринг и Гиммлер. Походка Гитлера оставалась усталой. Оба кровавых спасителя страны продолжали суетливо что-то говорить. Внешне очень разные, тучный Геринг и худой Гиммлер в этот день одинаково вышагивали, оба имели важный вид, были говорливы и проявляли подобострастие. Остальные встречающие держались на почтительном расстоянии и хранили глубокое молчание. [...] Мрачный символизм происходящего достиг кульминации, когда с крыши одного из ангаров вдруг донесся крик нескольких рабочих: «Браво, Адольф!»».

На другой день Гитлера приветствовали более скромно, но не менее восторженно: простые люди радовались тому, что им удалось избежать кровавой трагедии и что не видели на улицах орущей и зловещей клики сообщников Эрнста Рёма. Они еще не знали о других жертвах. Военные руководители радовались устранению своих самых опасных конкурентов и дали об этом знать через военного министра фон Бломберга. Конечно, им не понравилось, что при расправе пали генералы фон Шлейхер и фон Бредов, но если спасение армии потребовало этих жертв... Гинденбург тоже был полностью удовлетворен уничтожением партийных отбросов. Об остальном окружение его явно не проинформировало: оно почти полностью изолировало президента от внешнего мира. Этим и объясняется появление телеграмм с горячими поздравлениями, направленных Гитлеру и Герингу¹⁴⁴.

Но в то радостное воскресенье, 1 июля 1934 года, когда враг был разгромлен, а палачи заканчивали свою кровавую работу, премьер-министр Пруссии вовсе не чувствовал удовлетворения, поскольку, пока Рём здравствовал, ничего еще не было выиграно. Однако фюрер сказал ему накануне вечером, что он решил пощадить старого товарища по партии. Но если

¹⁴⁴ Геринг получил телеграмму следующего содержания: «Выражаю вам благодарность и признательность за энергичные и успешные действия при подавлении попытки государственного переворота. Примите мои дружеские поздравления. Фон Гинденбург». Трудно представить, что рейхспрезидент сам написал текст этой телеграммы.

бы вдруг Рём остался в живых, если бы он помирился с Гитлером, если бы тот назначил его на новую должность, тогда над обоими главными организаторами «ночи длинных ножей» нависла бы большая опасность!

Следовательно, об этом не могло быть и речи... Именно поэтому во время приема в саду рейхсканцелярии, устроенного в воскресенье вечером, Геринг и Гиммлер убеждали Гитлера «закончить дело». Когда руководитель имперского сельского хозяйства Рихард-Вальтер Дарре чуть позже подошел к ним, оба заговорщика все еще продолжали гнуть свое. Когда стемнело, Гитлер сдался, и в Мюнхен ушли соответствующие приказы. Теодор Эйке, начальник концентрационного лагеря в Дахау, прибыл в тюрьму Штадельхейм в сопровождении двух эсэсовцев. По указанию фюрера они дали Рёму револьвер, чтобы тот покончил с собой. Но старый драчун отверг подобную милость, и его попросту застрелили.

Итак, Герман Геринг победил на всех фронтах! На следующий день, 2 июля, он устроил грандиозный банкет в своем дворце на Лейпцигерплац, желая отпраздновать победу вместе с основными сообщниками. Ничто не указывало на то, что привкус крови испортил им аппетит. Впрочем, Геринг уже вечером в воскресенье распорядился уничтожить все относящиеся к завершившейся акции документы. Сколько же человек стали жертвами этого кровавого уик-энда? Согласно официальной статистике, от 77 до 84, включая 50 штурмовиков, неофициально же только в Берлине и Мюнхене было убито от 150 до 200 человек. Но эти цифры могли быть и втрое больше, если бы в расчет брались «несчастные случаи», «ошибки», «самоубийства», «сердечные приступы» и «смерть в заключении», имевшие место по всей стране. Таким образом, герой мировой войны, ветеран-патриот, романтик-авантюрист, неудачливый путчист, безденежный беженец, предприимчивый делец, громогласный оратор, продажный депутат, победоносный председатель рейхстага, бессовестный министр внутренних дел и честолобивый премьер-министр мог теперь претендовать на звание заслуженного бандита. Впрочем, он еще не закончил собирать знаки отличия...

VIII

Головокружение от взлета

Именно летом 1934 года Адольф Гитлер стал настоящим властителем Германии: в конце июня и начале июля он похоронил одновременно всех своих противников, как правых, так и левых, и задним числом провозгласил эти три дня убийств «действиями во имя общественного спасения». В конце июля, после неудавшегося путча в Вене¹⁴⁵, он избавился от вице-канцлера фон Папена, отправив его послом в Австрию. В начале августа, после смерти фельдмаршала Гинденбурга, он взял на себя полномочия президента и таким образом стал также Верховным главнокомандующим вооруженными силами, солдаты и офицеры которых отныне присягали лично ему. Наконец, 19 августа Гитлер узаконил захват власти путем проведения голосования: 90 процентов немцев одобрили установление диктатуры. С того момента фюрер занялся главной своей целью – осуществлением милитаризации. И в выполнении этой громадной задачи он главную роль отвел, естественно, Герману Герингу...

Во время захвата власти в январе 1933 года Геринг, тогда всего лишь комиссар по делам авиации, получил очень сложное задание: восстановить боевую авиацию, которую Германии запрещалось иметь по окончании мировой войны, и сделать это в строжайшей тайне, потому что нарушение ограничений Версальского договора могло привести к незамедлительной оккупации немецкой территории. Причем требовалось сделать это в сжатые сроки, чтобы новый режим как можно скорее получил в распоряжение мощное орудие устрашения и поставил союзников перед свершившимся фактом. И при всем этом Гитлер потребовал обеспечить надежность и эффективность нового вида вооруженных сил, так как считал боевую авиацию одним из основных инструментов будущих завоеваний.

Геринг, сразу же почувствовав себя в своей тарелке, незамедлительно собрал своих боевых товарищей и распределил между ними обязанности. Своему старому приятелю Бруно Лёрцеру он поручил руководить «Немецким авиационным спортивным союзом» и «Немецким авиационным клубом»: под видом спортивных программ они должны были осуществлять начальную летную подготовку будущих летчиков истребительной авиации рейха¹⁴⁶. Своего давнего друга и соперника Эрнста Удета он назначил на пост технического советника комиссариата по делам авиации. А верного Карла Боденшаца, ставшего к тому времени полковником, сделал своим первым советником, руководителем кабинета и главным адъютантом.

Тридцатого января 1933 года Геринг со своим свежееиспеченным штабом явился на собрание берлинского аэроклуба, отмечавшего двадцать пятую годовщину со дня основания с участием воздушных асов мировой войны и представителей крупных авиастроительных компаний – Генриха Коппенберга из фирмы «Юнкерс», Курта Танка из «Фокке-Вульф», Фрица Наллингера из «Бенц моторен», а также Эрнста Хенкеля, Клаудиуса Дорнье и многих других. На этом форуме Геринг, блистая наградами, твердо заявил: «Господа, положение катастрофическое, но выход есть! Фюрер разрешил мне сказать вам, что правительство намерено предоставить промышленности крупные кредиты. Вы могли бы ускорить проектные работы и усовершенствовать некоторые уже имеющиеся образцы самолетов, таких, как “Юнкерс-52” – идеальный прототип, “Хейнкель-70”, “Фокке-Вульф-200”, а Дорнье мог бы сосредоточиться на гидросамолетах. Господа, вы можете выбирать себе рабочих из числа 6

¹⁴⁵ Двадцать пятого июля 1934 года австрийские нацисты попытались вооруженным путем захватить власть. Они убили канцлера Дольфуса, но армии удалось подавить путч.

¹⁴⁶ Дальнейшее обучение на тяжелых типах самолетов было поручено Немецкому летному училищу гражданской авиации.

миллионов безработных. Мы дадим им работу, и они будут строить нам аэродромы, заводы, собирать фюзеляжи и моторы. Мы будем платить людям за то, что они начнут учиться летать, и возьмем из рейхсвера сержантов, которые научат их соблюдать дисциплину. Пусть у них и нет права носить летную форму, но они должны быть обучены как настоящие солдаты». Зал взорвался аплодисментами, с криками «Да здравствует толстяк!» несколько крепко сбитых офицеров приблизились к Герингу и стали подбрасывать его в воздух. «Смотрите-ка, – воскликнул Бруно Лёрцер, – он снова начал летать!»

Но хочешь, не хочешь, а приземляться надо: обладал ли бывший летчик-истребитель и торговец авиационными двигателями Герман Геринг, ничего не понимавший в современных технологиях, достаточной компетенцией, чтобы руководить столь гигантской работой по созданию военной авиации? Сколь бы тщеславен ни был, он оставался реалистом и испытывал некоторые сомнения. И поэтому решил призвать на помощь настоящего профессионала в лице Эрхарда Мильха, исполнительного директора компании «Люфтганза»...¹⁴⁷

Вначале Мильх отказывался от предложенной ему должности заместителя комиссара по вопросам авиации: идея служить под началом бывшего депутата, которому он некогда давал деньги, ему вовсе не улыбалась. Тем более что он недолюбливал толстого интригана с неумным темпераментом и знал о его недавней наркотической зависимости. Но Геринг представил Мильха фюреру, который прекрасно умел подчинять своему обаянию людей и играть на патриотических струнах их души. «Вы – специалист в своей области, – сказал Гитлер, – в партии нет никого, кто бы так хорошо разбирался в авиации. Вы должны согласиться! К этому вас призывает не партия, а Германия!» Мильх, очарованный, как и многие другие, странным красноречием фюрера, в итоге согласился. Однако всплыл осложняющий дело фактор: доносчики-профессионалы вскоре обнаружили, что отец Эрхарда Мильха еврей, а это немыслимая ситуация для должностного лица при нацистском режиме. Но Геринг был не из тех, кого останавливали подобные пустяки: в Берлин была вызвана мать Мильха, которая нотариально заверила, что ее сын Эрхард родился в результате ее внебрачной связи с неким бароном Германом фон Биром, имевшим, естественно, безупречное арийское происхождение...¹⁴⁸ Фамилию отца выбрал лично Геринг. «Раз уж отняли у него настоящего отца, мы должны были дать ему взамен аристократа!» – позже сказал он со смехом. В мгновение ока с пути нового арийца Эрхарда Мильха исчезли все преграды, что позволило ему не только оставаться заместителем Геринга, но и стать статс-секретарем Министерства авиации после учреждения этого ведомства в мае 1933 года. Мильх оказался ценным сотрудником: он обладал навыками умелого организатора, чувством меры, понимал требования времени, добирался до самой сути вопросов, напряженно работал, составлял долгосрочные планы, короче говоря, много знал и многое умел, в отличие от нового министра воздушного транспорта Германа Геринга...

Точно одно: как не было бы Октябрьской революции без Льва Троцкого, так не было бы и люфтваффе без Эрхарда Мильха. Устроив свою штаб-квартиру в бывшем здании банка на Беренштрассе, статс-секретарь и новоиспеченный полковник поставил перед собой задачу создать военно-воздушные силы под видом гражданской авиации. Он пригласил к сотрудничеству ценные военные кадры – Вальтера Вефера, Вильгельма Виммера, Ганса-Юргена Штумпфа и Альберта Кессельринга¹⁴⁹. Все они были полковниками сухопутных войск, но

¹⁴⁷ Вначале Геринг обратился к капитану Бранденбургу, ветерану мировой войны, сумевшему восстановить немецкую гражданскую авиацию, работая в департаменте воздушных сообщений Министерства связи. Но тот, зная репутацию Геринга, категорически отверг это предложение.

¹⁴⁸ Это привело к появлению едкого высказывания полковника люфтваффе Эриха Киллингера: «Желая сойти за христианина, Мильх сделал мать шлюхой!»

¹⁴⁹ Соответственно, первый начальник Генерального штаба люфтваффе, технический директор, начальник управления кадров, начальник бюро планирования производства.

быстро влились в новый вид вооруженных сил и даже научились летать под присмотром Эрхарда Мильха. Все эти люди оторвались от земли и теперь согласовывали работу центров подготовки высококлассных рабочих, механических цехов, исследовательских лабораторий, центров летных испытаний, сборочных заводов, метеослужбы, подразделений наземного обеспечения, аэродромов, командных пунктов и бетонных укрытий. А также деятельность училищ, где проходили подготовку летчики и штурманы истребительной, разведывательной, бомбардировочной авиации, авиации связи и морской авиации, авиационно-инженерных училищ и училищ противовоздушной обороны. Они национализировали заводы «Юнкерса» в Дессау и поставили своих людей на руководящие должности в фирмах «Дорнье», «Мессершмитт» и «Хейнкель». Они установили сроки набора и обучения личного состава, начав с подготовки 1600 пилотов. Они по распоряжению Мильха занимались закупкой 1000 самолетов (среди которых предусматривалось иметь значительное количество бомбардировщиков) для формирования «Флота устрашения» – авиационных сил, призванных противодействовать любой попытке вторжения со стороны Франции. Все это, разумеется, осуществлялось в обстановке строжайшей секретности¹⁵⁰. Конечно, бывали случаи производственного брака, приводившего к печальным последствиям при эксплуатации, но Мильху, который был ненастоящим военным, и Кессельрингу, который был ненастоящим летчиком, приходилось соблюдать драконовские сроки, установленные хозяевами...¹⁵¹

В течение года этой головокружительной работы Мильх имел почти что неограниченные полномочия. Геринг подписывал все необходимые документы, чтобы авиационная промышленность получала людей, необходимое оборудование и сырье. Но виделся он с Мильхом не чаще одного раза в месяц, и это в лучшем случае. А в его штаб-квартиру на Беренштрассе и в авиационно-исследовательский центр в Рехлине навещался очень редко. В апреле 1933 года, когда Мильх начал излагать ему свою подробную программу производства, Геринг перебил его, сказав только: «Да, да... Сделайте это!» А генерал Штумпф вспоминал: «Геринг ограничивался постановкой общих задач своим подчиненным, собирая их у себя раз в месяц. [...] Когда я доложил, что мы уже подготовили тысячу летчиков, он сказал буквально следующее: “Спасибо! Подготовьте еще тысячу!” Узнать, как мы этого добились, он явно не желал! Конечно, у Железного человека в то время хватало других забот¹⁵², к тому же подробности и технические детали его явно тяготили».

Однако Геринг не смог бы обойтись без Мильха так же, как и Мильх не смог бы обойтись без Геринга. Кому другому удалось бы выбить для военно-воздушных сил бюджет в 642 миллиона рейхсмарок на 1933/34 финансовый год и целый миллиард на следующий год? Когда главный штаб люфтваффе представил ему финансовые документы, показывающие невозможность финансировать план развития авиации, Геринг тут же сказал: «Дайте-ка мне эту штуку!» – и направился в рейхсканцелярию, откуда вернулся с заведомо положительным решением фюрера. При этом он добавил: «Запомните раз и навсегда: финансовые расчеты не должны приниматься во внимание!» И подтвердил это таким рассказом: «Было, например [в начале 1934 года], одно совещание у фюрера. [...] В отсутствие Шахта фон Бломберг оценил стоимость перевооружения примерно в 30 миллиардов марок и высказал мнение, что об этом стоило проинформировать Шахта. Но фюрер возразил: “Ради бога, не надо ему об этом

¹⁵⁰ Тайная подготовка летного состава рейхсвера и танкистов началась за десять лет до этого, еще при Веймарской республике, в рамках советско-германского военно-технического сотрудничества с использованием военно-учебных центров и научно-исследовательских институтов на территории СССР (в частности, авиационной школы в Липецке и ЦАГИ).

¹⁵¹ Так, спешно приобретенные аэродромы оказались слишком пыльными или слишком вязкими, взлетные полосы не всегда были забетонированы, они также часто оказывались недостаточно длинными, ангары и диспетчерские пункты находились слишком близко от взлетно-посадочных полос, что делало авиабазы весьма уязвимыми при бомбардировке. Кроме того, подготовка летчиков основывалась на теории и была слишком укороченной по причине нехватки опытных преподавателей и летчиков-инструкторов.

¹⁵² См. главу VII.

говорить, иначе он упадет без памяти со своего стула, и тогда мне будет очень трудно все ему объяснить. Не стоит называть ему цифру следующего года». Но Бломберг продолжал стоять на своем, заявив, что Шахт должен был быть в курсе, чтобы принять необходимые меры. [...] И тогда я сказал: «Времени для того, чтобы все это уладить, предостаточно. Пусть господин Шахт потеряет сознание позже». Мое предложение было принято, и Шахт в тот день ничего не узнал о предполагаемых расходах в размере 30 миллиардов марок».

Однако уже весной 1935 года огромные затраты на вооружение жестоко подорвали экономику¹⁵³, а ограничения импорта создали перебои в обеспечении продовольствием населения, вызвав в свою очередь сильное недовольство людей. Когда рейхсминистр экономики Ялмар Шахт доложил членам правительства о том, что это повлечет за собой сокращение финансирования вооружения авиации, Геринг решил взять быка за рога: он отправился в Гамбург, где нехватка масла вызвала самые сильные протесты, и произнес перед многочисленным собранием активистов НСДАП речь, которая надолго всем запомнилась. «Товарищи по партии, друзья, я верю в дружбу народов, – сказал Геринг. – Именно поэтому мы и вооружаемся. Если будем слабыми, мы будем зависеть от всех. [...] На международной арене есть люди, которые плохо слышат. Заставить их слышать может только грохот пушек. И именно пушки мы и стараемся сейчас производить. У нас нет масла, товарищи, но я хочу у вас спросить: что вы предпочитаете? Масло или пушки? Нам нужно сало импортировать или железную руду? Вот я вам и говорю: вооружение сделает нас сильными... а от масла люди только толстеют!» Ему бешено зааплодировали, Гитлер послал Герингу поздравительную телеграмму, Шахт сдался, а бюджет авиации на следующий год увеличился в два раза¹⁵⁴!

Но роль Геринга состояла не только в этом. Благодаря его влиянию и двум годам усилий люфтваффе были признаны третьим по значимости видом вооруженных сил постановлением от 26 февраля 1935 года и объединили в своем составе авиацию сухопутных войск, военно-морскую авиацию и даже подразделения ПВО. Легендарное чувство меры министра воздушного транспорта подвигло его на превращение ландтага Пруссии в «Дом авиаторов» и на сооружение на Лейпцигерштрассе самого крупного в мире здания Министерства авиации – ужасного монстра из бетона, стекла и мрамора, где размещались 4500 кабинетов (до расширения)...¹⁵⁵ Генералу Штумпфу, предложившему сформировать батальон парашютистов, Геринг ответил: «Минимум полк... Нет, мне нужна дивизия!» Офицеры и солдаты, призванные на службу в возрождающейся немецкой военной авиации, широко пользовались благами этой неумейной гигантомании: они имели самое современное оборудование, самые высокие оклады и самые комфортабельные казармы во всех вооруженных силах. Естественно, у них были и самые красивые мундиры лазурного цвета, сшитые по личному эскизу Германа Геринга, большого специалиста в этой области.

Министр авиации старался даже предоставить подчиненным... британские самолеты! Под предлогом нарушения воздушной границы страны неким неопознанным самолетом Геринг заявил, что Германия должна добиться от союзников право иметь «воздушные полицейские силы» для охраны границ.

Это, по его мнению, оправдывало покупку за границей самолетов, которые Германии было запрещено производить... Пресс-секретарь НСДАП Эрнст Ганфштенгль вспоминал: «Во время одной из поездок в Берхтесгаден в конце лета [1933 года] мне поручили встретить промышленника сэра Джона Сиддли¹⁵⁶ и его жену. Я до сих пор вспоминаю, как они

¹⁵³ Шестнадцатого марта 1935 года Гитлер официально возобновил призыв и заявил о намерении создать армию в составе тридцати шести дивизий, то есть численностью 500 000 человек.

¹⁵⁴ Он составил 2,2 миллиарда рейхсмарок в 1936/37 финансовом году.

¹⁵⁵ См. карту 6.

¹⁵⁶ Знаменитый конструктор самолетов «Хокер-Сиддли».

с Герингом сидели на балконе, рассматривая большие фотографии и чертежи британских военных самолетов, которые Германия якобы хотела приобрести».

К тому же министр Геринг и его личная полиция в ходе кровавых событий конца июня 1934 года обеспечивали защиту Мильху и его непосредственным подчиненным, чьи отношения с СА, СС и гестапо были весьма прохладными... Именно по этому поводу генерал Штумпф позже написал: «Геринг постоянно прикрывал меня от партии и от СА». И наконец, Геринг лично сбросил плотную завесу тайны, объявив 10 марта 1935 года в интервью корреспонденту «Дейли мейл» о возрождении немецкой военной авиации. А после этого, несколькими днями позже, сообщил британскому военно-воздушному атташе полковнику Дону о том, что у Германии имеется 1500 боевых самолетов! Это было явным преувеличением: в ту пору на службе в люфтваффе числились 900 офицеров и 17 000 солдат и первая эскадра, которую свежеепеченный генерал авиации Геринг¹⁵⁷, естественно, назвал именем Рихтгофена. Однако на вооружении эскадры состояли лишь довольно старые бипланы «Хейнкель-51» и первые бомбардировщики «Дорнье-11», которые представляли большую угрозу для жизни пилотов, а кичливое заявление о том, что эти силы якобы уже обеспечивают военный паритет с Королевскими военно-воздушными силами Великобритании, было явно натянутым. Тем не менее общий импульс был задан, работа не прерывалась, и менее чем за пару лет самолетный парк люфтваффе увеличился с 77 до 2700 машин...

И все же, хотя Геринг был так же полезен Мильху, как Мильх был полезен Герингу, взаимоотношения между ними вскоре охладели. «Мильх, — написал позже генерал Рикхоф, — очень тяготился своим подчиненным положением. [...] Геринга было очень трудно убедить принять какое-нибудь решение, и поэтому Мильх часто обходился без одобрения министра». Конечно, и Геринг злился, зная, что Мильх всем и каждому говорил: «Настоящий министр — это я!» На самом деле все зависело от того, в каком контексте рассматривалась роль министра: Геринг красовался перед фюрером, перед армией, перед немецким народом, перед журналистами и иностранными дипломатами, а Мильх проводил серьезную работу по планированию, организации, производству, координации и внедрению новшеств... Кстати, министр авиации, ставший уже главнокомандующим люфтваффе¹⁵⁸, давал фюреру, ждавшему немедленных результатов, необдуманные обещания, которые выполнять приходилось Мильху. Так, в конце июля 1934 года Геринг и Мильх (тоже уже ставший генералом) были вызваны в Байройт Гитлером, которого не удовлетворяла программа выпуска самолетов на предстоявшие четырнадцать месяцев: «всего» 4021 единица, включая 1800 самолетов «первого удара», из которых 822 бомбардировщика. Фюреру нужно было значительно больше самолетов, и Геринг, заботившийся прежде всего о собственном престиже, немедленно пообещал увеличить производство. Но Мильх, прекрасно зная пределы возможностей производства и сроки подготовки экипажей, тут же привел возражения технического порядка. И получил нагоняй от министра в присутствии Гитлера. Геринг хотел показать себя единственным специалистом в области авиации и поэтому в августе, отправляясь на следующую встречу с Гитлером в Берхтесгаден, заявил Мильху, что его присутствие там не обязательно. К несчастью для очень хвастливого министра авиации, Адольф Гитлер имел определенный опыт в технических вопросах и инстинктивно отличал любителя от профессионала¹⁵⁹, поэтому он настоял на участии Мильха в этой встрече. Геринг, естественно, подчинился, но отношения со статс-секретарем Министерства авиации от этого вовсе не улучшились...

¹⁵⁷ Мы помним, что до этого Геринг был всего лишь пехотным генералом, поскольку официально военно-воздушные силы не существовали.

¹⁵⁸ Главнокомандующим люфтваффе Геринг был официально назначен военным законом от 21 мая 1935 года.

¹⁵⁹ Широта познаний Гитлера в таких областях, как механизация в военном деле и вооружение, всегда поражала его окружение.

Правда, помимо различий в темпераменте, эти два человека проповедовали почти противоположные концепции возрождения военной авиации: Мильх хотел работать серьезно, методично, глубоко, без постановки неразумных сроков и целей. А Герингу требовалась «пропагандистская» авиация, численность которой могла бы удовлетворить фюрера и запугать Францию и Польшу, считавшиеся в то время наиболее вероятными противниками. В схеме Геринга главенствовало количество, а качество отходило на второй план... Проблема заключалась в том, что вмешательство министра авиации и главнокомандующего люфтваффе в сферу деятельности статс-секретаря ведомства весьма негативно сказывалось на возрождавшейся военной авиации. Особенно явно это проявлялось в кадровой политике. Третьего июня 1936 года начальник Генерального штаба люфтваффе Вефер, блестящий теоретик действий авиации в современной войне¹⁶⁰, но неопытный пилот, не справился с управлением своего личного самолета, и тот врезался в землю и взорвался. Даже не спросив мнения Мильха, Геринг назначил на место погибшего Вефера начальника административного департамента Министерства авиации Альберта Кессельринга, малосведущего в стратегии воздушной войны офицера, но преданного делу национал-социализма. Одновременно с этим Геринг своей властью сместил генерала Виммера с должности начальника технического управления люфтваффе и назначил на это место своего старого приятеля полковника Эрнста Удета – аса времен мировой войны, виртуозного летчика-испытателя, талантливого художника, хорошего товарища, неумолимого гуляку, запойного алкоголика, не имевшего соответствующего образования, опыта штабной работы и технической подготовки. Это оказалось очень серьезной ошибкой, приведшей к тяжелым последствиям и усугубившейся тем, что Геринг взял в обыкновение контактировать с Удетом, минуя его начальника, Эрхарда Мильха. К тому же с Удетом Геринг встречался очень редко, поскольку у премьер-министра Пруссии, председателя рейхстага, министра авиации, главнокомандующего люфтваффе, хозяина лесов рейха и без того было много дел...

Одним из таких дел являлась дипломатия. Геринг питал определенную неприязнь к служащим Министерства иностранных дел, «людям, которые все утро точат карандаши, а вечерами посещают светские чаепития». Он, видимо, страстно желал возглавлять это ведомство. К тому же Гитлер считал его ценным эмиссаром. Поэтому Геринг постоянно занимался вопросами внешней политики. Швеция, где он часто бывал, естественно, считалась его заказником. И даже несмотря на то, что шведы всегда принимали его довольно сдержанно, Гитлер упорно продолжал считать Геринга специалистом по Скандинавии. Это, впрочем, не всегда было плюсом, поскольку всякий раз, как шведские газеты осуждали преступления гитлеризма, Геринг получал разнос за то, что не смог заставить их замолчать... Поскольку же, пытаясь запугать шведскую прессу, в частности «Гётеборгскую газету торговли и мореплавания», он всякий раз лишь делал из себя посмешище в глазах всей Скандинавии, «первый паломник фюрера» вскоре очутился в замкнутом круге, выход из которого ему так и не удалось найти...

Геринга в рейхсканцелярии также считали специалистом по итальянским вопросам со времен его первой поездки в Рим в 1924 году, которая, как мы помним, не принесла ему славы... Но и три его посещения Италии в течение 1933 года тоже не увенчались успехом, потому что хорошо информированный Бенито Муссолини испытывал презрение к «бывшему клиенту психиатрической больницы», потому что Геринг довольно грубым тоном говорил с дуче о планах Гитлера, и, наконец, потому что посол Германии в Риме фон

¹⁶⁰ Он был автором учебника по авиационной стратегии, где задачи люфтваффе определялись так: авиационная поддержка сухопутных и военно-морских сил, а также разрушение экономического потенциала и линий связи противника в его тылу. Однако он категорически осуждал бомбежки гражданских объектов (§ 186: «Авиационные налеты на города с целью терроризировать гражданское население категорически запрещены»). Люфтваффе проиграло битву за Англию по большому счету потому, что немецкие пилоты плохо усвоили уроки генерала Вефера.

Хассель, следуя указаниям министра иностранных дел фон Нейрата, при любом удобном случае объяснял своим итальянским коллегам, что «Геринг [...] не занимается вопросами внешней политики рейха». Посему Муссолини попросил Гитлера проследить за тем, чтобы германо-итальянские отношения «развивались по общепринятым дипломатическим каналам без привлечения специальных эмиссаров». И фюрер с этим согласился...

Геринга это ничуть не смутило, он перенаправил свои дипломатические интересы на Балканы. Пятнадцатого мая 1934 года вместе с Мильхом, Кёрнером и принцем Филиппом Гессенским он предпринял большое турне по столицам стран юго-восточной Европы, начиная с Будапешта и заканчивая Афинами, и побывал попутно в Праге, Белграде, Софии и Бухаресте. Свою задачу он видел в том, чтобы одновременно изолировать Австрию и вбить клин между Малой Антантой и Францией с Италией. В ходе многочисленных переговоров Геринг добился некоторых успехов в Югославии и в Болгарии, но взаимоотношения между Балканскими странами были очень напряженными, и его самые смелые инициативы имели весьма печальные последствия. Так, его заявление румынскому королю Каролю о том, что Германия никогда не согласится на пересмотр границ в пользу Венгрии, были крайне негативно восприняты в Будапеште. Рейхсминистерству иностранных дел пришлось срочно предотвращать скандал.

В Польше все складывалось иначе. Германо-польский пакт 1934 года был подписан без участия Геринга, а его первая поездка в Польшу состоялась в конце января 1935 года. Официально он прибыл туда «на охоту», но визит был тщательно спланирован в рейхсканцелярии. В ходе трехчасового совещания Гитлер дал своему эмиссару четкие инструкции относительно того, что тот должен говорить в Варшаве: вопрос о Польском коридоре¹⁶¹ уже не должен был рассматриваться в контексте территориального спора между странами, проявлявшими взаимную заинтересованность в «обеспечении защиты от русских». И в варшавском дворце, и в ходе официальной охоты в Беловежской Пуще Геринг, видимо, добросовестно выполнил свою задачу, так как министр иностранных дел Польши Шембек написал 10 февраля 1935 года польскому послу в Берлине Липскому: «Геринг зашел очень далеко, предложив нам чуть ли не антирусский союз и совместное наступление на Москву».

Но в Варшаве последнее слово оставалось за маршалом Пилсудским, которому большой опыт не позволил поддаться такому искушению: он понимал, что нападать на такого мощного соседа, как СССР, нельзя, а предложение немцев явно направлено на то, чтобы поссорить Польшу с Францией и Советским Союзом. Но от этого Геринг не перестал быть в Польше привилегированным гостем. Он снова приехал туда 17 октября на похороны Пилсудского. Посол США в Москве Уильям Баллит, прибывший в Варшаву по тому же поводу, так описал Геринга в своем письме Рузвельту: «Геринг опоздал и в собор вошел с видом немецкого тенора, исполняющего роль Зигфрида. Впрочем, размерами он вполне походил на оперного певца: диаметр его зада достигал метра. Для того чтобы верх казался таким же широким, как низ, он подбивал ватой плечи мундира, по пять сантиметров с каждой стороны, но это не помогало: плечи настолько расширить было просто невозможно. [...] Глаза его выдавались из орбит, словно у него была большая щитовидная железа или он постоянно употреблял кокаин». Но Баллиту пришлось признать, что Герингу удалось добиться психологического эффекта: «Он приковал к себе всеобщее внимание сразу же при появлении в соборе, и похороны Пилсудского превратились в торжественное появление на сцене в первом акте Германа Геринга. При прохождении кортежа от собора до аэродрома – три часа под морозящим дождем – я шел позади Зигфрида, который, замечая фотокамеры, сразу же

¹⁶¹ Польским, или Данцигским, коридором называлась в период между двумя мировыми войнами часть Восточной Пруссии, переданная по Версальскому мирному договору Польше с тем, чтобы обеспечить ей выход к Балтийскому морю. Вопрос о статусе Данцига (Гданьска) с 1920 года был источником напряженности в отношениях между Германией и Польшей.

принимал театральную позу. [...] На следующий день в Кракове похоронная процессия прошла до Вавельского замка, старинной резиденции польских королей. Католическая церковь сумела организовать по-настоящему великолепную панихиду. Однако она оказалась слегка затянутой, и Геринг задремал...»

Но очень скоро очнулся, вспомнив, что в сферу его дипломатических интересов входят франко-германские отношения. Они отличались напряженностью после заключения франко-советского пакта, но Геринг чуть ли не всю вторую половину дня провел с членами французской делегации, в состав которой входили министр иностранных дел Лаваль, Роша¹⁶² и маршал Петен. Переводчик Пауль Шмидт так описал двухчасовую встречу Геринга с Пьером Лавалем: «Тучный и грузный Геринг, отличавшийся прямолинейностью, сразу же перешел к делу, не вдаваясь в дипломатические тонкости. “Полагаю, вы поладили с большевиками в Москве, господин Лаваль?” – сказал он, затронув сразу же наиболее деликатную тему франко-советского пакта о взаимопомощи. “Мы в Германии знаем большевиков намного лучше, чем вы во Франции, – продолжал он. – Мы знаем, что ни при каких обстоятельствах нельзя иметь с ними никакого дела, если желаете избежать неприятностей. Вы столкнетесь с этим во Франции. Увидите, какие трудности создадут вам ваши парижские коммунисты”. Затем последовала гневная тирада против русских, в которой он использовал те же слова, что произнес Гитлер при встрече с Саймоном¹⁶³. [...] Я как переводчик, естественно, очень внимательно следил за всеми индивидуальными оборотами, что позволило мне убедиться, насколько близко приспешники Гитлера следовали за своим хозяином. Иногда казалось, будто проигрывали одну и ту же граммофонную пластинку, хотя голос и темперамент были разными. [...] Очень убедительными словами Геринг убеждал Лавалья в желании Германии достичь общего урегулирования отношений с Францией. Конкретные детали не упоминались. [...] Беспристрастного человека не могло не убедить то, что Геринг, только что выпустивший пар в адрес русских и Лиги Наций, пользуясь языком человека с улицы, был искренен, когда сказал: “Можете не сомневаться, господин Лаваль, что у немецкого народа нет большего желания, чем заключить наконец мир после столетней вражды с его французским соседом. Мы уважаем ваших соотечественников как храбрых солдат, мы восхищаемся достижениями французского духа. Давнишнее яблоко раздора в Эльзас-Лотарингии больше не существует. Что же еще мешает нам стать действительно хорошими соседями?” Эти слова явно произвели должное впечатление на Лавалья...» Действительно, трудно было лучше усилить бдительность противника... Как бы там ни было, даже немецким дипломатам в Варшаве пришлось признать, что этот визит Германа Геринга в Польшу оказался весьма успешным.

Зная, конечно, о желании фюрера пробить брешь в рядах антигитлеровской коалиции, Геринг также вел переговоры с Великобританией. Да, он не участвовал в переговорах, завершившихся заключением в июне 1935 года англо-германского морского соглашения¹⁶⁴, но тем не менее осуществлял очень эффективную «параллельную дипломатию», в отношении целей которой его британские собеседники часто проявляли удивительную наивность. Так, когда принц Уэльский, будущий король Эдуард VIII, упомянул о том, что интересно было бы организовать визит в Германию британских ветеранов войны, Геринг тут же телеграфировал ему: «Как участник боев от всего сердца благодарю Ваше Королевское Высочество за рыцарскую поддержку сближения отважных британских воинов с немецкими ветеранами». Ответом ему стала «теплая благодарность» принца Уэльского... Часто посещавший Герма-

¹⁶² Глава кабинета Пьера Лавалья.

¹⁶³ Сэр Джон Саймон – министр иностранных дел Великобритании.

¹⁶⁴ Это соглашение предоставляло Германии право иметь флот, по тоннажу равный 35 % общего водоизмещения военно-морских сил Британской империи.

нию бывший министр воздушных сообщений Великобритании лорд Лондондерри также оказался в числе простаков, умело обработанных Герингом: поскольку благородный англичанин был готов дать убедить себя, ушлый немец заявил: «Пусть же Германия и Англия объединятся ради общего дела, и никакая коалиция мировых держав не сможет нам противостоять». Британскому военно-воздушному атташе он даже сказал: «Я уверен в том, что британцы и немцы когда-нибудь объединят усилия в битве против большевиков на берегах Вислы». А в разговоре с леди Морин Стенли, сопровождавшей лорда Лондондерри в ходе его визита в Берлин в октябре 1936 года, он выразился еще яснее: «Естественно, вы знаете, что мы собираемся сделать: прежде всего, мы захватим Чехословакию, затем Данциг. А потом начнем сражаться против русских. Но я только не могу понять, почему вы, британцы, этому противитесь». Даже очень недоверчивый посол Великобритании в Германии сэр Эрик Фиппс описывал Германа Геринга как «армейского офицера-ветерана, не склонного к нацистскому усердию в самые смутные времена». Для того чтобы настолько заморочить голову собеседникам, несомненно надо иметь большой актерский талант... А преследовал Геринг очень простую цель: рассорить Великобританию с Францией, которую лидеры нацистов считали наиболее вероятным противником в будущем. Как и Советский Союз, ее союзника.

Помимо этого у Германа Геринга имелось множество других дел: прежде всего ему требовалось сохранять положение второго человека рейха, тайно интригуя против многочисленных реальных и потенциальных соперников. Таких, как Гесс, Борман, Розенберг, Геббельс, Гиммлер, Шахт, Фрик, Дарре, Функ, Лей и адмирал Рёдер...¹⁶⁵ Ему постоянно приходилось поддерживать солидную репутацию, подавать в суд иски о диффамации со стороны целой толпы недоброжелателей или просто тех, кто знал о нем больше других¹⁶⁶. Одно это могло занять все его время... Но в тот период время Геринга, казалось, было бесконечно растяжимым: он очень серьезно относился к своим должностям имперского егермейстера и имперского лесничего, и следует признать, что его деятельность по сохранению лесных угодий и охране диких животных сделала его «зеленым» до появления этого понятия. Он определил границы огромных заказников, по его инициативе в Германию ввезли лосей из Швеции, бизонов из Канады, лебедей и диких уток из Польши и Испании. Он ужесточил германские законы об охоте, существенно ограничив выдачу разрешений, ввел высокие штрафы за браконьерство и за отстрел добычи сверх положенной по разрешению квоты, запретил использование проволочных силков и стальных капканов, верховую охоту и охоту из автомобиля, применение света во время ночной охоты, а также вивисекцию животных. Как главный лесничий он утвердил схемы зеленых посадок, которые должны были образовывать зеленые пояса вокруг всех крупных городов рейха в качестве их «легких» и мест отдыха трудящегося населения. Справедливости ради следует отметить, что после войны Федеративная Республика Германия практически ничего не поменяла в законодательстве об охране окружающей среды, принятом под руководством главного егеря и главного лесничего Третьего рейха...

Однако все описанное выше — далеко не полный перечень интересов Германа Геринга. Когда в марте 1936 года Гитлер в ответ на ратификацию франко-советского пакта 1935 года начал проводить милитаризацию Рейнской области¹⁶⁷ — весьма рискованные действия,

¹⁶⁵ Что никоим образом не исключало возможности заключения временных и обратных союзов: с Дарре против Шахта, с Геббельсом против Бормана и Розенберга и т. д. Геринг, кстати, добился решающего преимущества в конкурентной борьбе, когда Гитлер назначил его своим официальным преемником указом от 19 декабря 1934 года.

¹⁶⁶ Преследовались также любые заявления относительно якобы неарийского происхождения Эммы Зоннеман или ее первого мужа.

¹⁶⁷ Фюрер считал, что договор о взаимопомощи между Францией и СССР нарушает условия Локарнских соглашений, которые, кстати, запрещали милитаризацию Рейнской области.

принимая во внимание малую численность и слабую оснащенность немецких сил¹⁶⁸, – именно люфтваффе он поставил задачу устрашения французов. Правда, тогда в распоряжении Геринга имелись всего три эскадры истребителей, две из которых должны были охранять восточную границу, но искусство стратегии именно в том и состоит, чтобы с помощью хитрости скрыть свою слабость. И вот единственное соединение бипланов «Арадо-68» (без вооружения) начало перемещаться с одного аэродрома на другой, причем каждый раз самолеты перекрашивались и на них появлялись новые опознавательные знаки. Военные атташе союзников купились на этот фокус, французские войска остались в казармах, их правительство ограничилось словесными протестами в Лигу Наций, а ремилитаризация Рейнской области стала настоящим триумфом гитлеровского режима. За это Геринг удостоился звания генерал-полковника авиации, хотя он ограничился тем, что передавал распоряжения фюрера статс-секретарю Министерства авиации Эрхарду Мильху, предоставив ему самому действовать...

Спустя три с лишним месяца ему представилась новая возможность сыграть очень важную роль: 25 июля 1936 года делегация, посланная в Берлин генералом Франко, попросила у Гитлера помощи в переброске мятежных воинских соединений из Тетуана в Севилю. Фюрер согласился помочь и, естественно, отдал соответствующий приказ Герингу. Специальный штаб «В» люфтваффе получил указание до конца июля подготовить операцию, а первые транспортные самолеты «Юнкерс-52» вылетели в Испанское Марокко. Восемьдесят восемь пилотов-добровольцев в гражданской одежде прибыли в Кадис на грузовом корабле, который привез также шесть разобранных истребителей. В течение августа 10 000 солдат Франко были переправлены в Испанию немецкими транспортными самолетами, а бипланы «Хейнкель-51» приняли участие в первых крупных столкновениях между фалангистами и республиканцами. Но эти старые самолеты оказались менее боеспособными, чем разные модели истребителей, имевшиеся в распоряжении республиканцев. Поэтому в конце октября Гитлер одобрил отправку в Испанию более современных самолетов – нескольких эскадрилий легких бомбардировщиков и, главное, новых истребителей «Мессершмитт-109». Техника прибыла в Испанию в начале ноября. Был сформирован легион «Кондор», в котором насчитывалось 200 самолетов и 5000 человек, первым командиром которых стал генерал Хуго Шперле. «Я отправил в Испанию большую часть моих транспортных самолетов и большое количество истребителей, бомбардировщиков и зенитных пушек, – позже гордо сказал Герман Геринг, – и смог таким образом повысить боевую эффективность люфтваффе. Для того чтобы люди смогли приобрести боевой опыт, я сделал так, что [...] туда регулярно направлялись новые пилоты, а уже повоевавшие возвращались назад». Вмешательство немцев в гражданскую войну в Испании оказалось эффективным¹⁶⁹, и за это Геринг получил множество новых наград. Однако его роль в течение трех лет боевых действий оставалась чисто представительской: он лишь передавал подчиненным приказы фюрера, принимал парады, экзаменовал летчиков и произносил цветистые речи. А настоящую организаторскую работу – как всегда – осуществлял генерал Эрхард Мильх...

Это – все? Конечно нет: как только люфтваффе ввязалось в гражданскую войну в Испании, их главнокомандующему были даны новые полномочия, по широте превосходящие права, которые ему обеспечивали все остальные должности... В апреле 1936 года рейхсминистр экономики Ялмар Шахт предложил Гитлеру назначить Германа Геринга «ответствен-

¹⁶⁸ Четыре участвовавших в этой операции немецких батальона получили приказ незамедлительно отступить в случае вторжения французских войск.

¹⁶⁹ Но успехи авиации были сильно преувеличены, а недостатки сильно приуменьшены. Так, оказалось, что транспортные самолеты «Юнкерс-52» слишком уязвимы, их оснащение – ненадежное, радиус действия – слишком ограниченный, бомбовые удары – очень неточные, а люфтваффе так и не удалось полностью блокировать ни один порт.

ным за контроль обмена валюты»¹⁷⁰; Гитлер согласился, добавив: «и за сырьевые ресурсы». Так как аппетит приходит во время еды, генерал-полковник Геринг сразу же принялся расширять поле своей деятельности. Это продолжалось до того момента, когда в сентябре 1936 года Гитлер объявил о начале реализации второго четырехлетнего плана, основной задачей которого было обеспечение экономической независимости Германии от импорта и ускоренное развитие тех отраслей, которые составляют базу военной промышленности. Ответственным за эту работу стал, разумеется, Герман Геринг. По правде говоря, несмотря на несколько месяцев нерегулярного обучения в Мюнхенском университете за четырнадцать лет до этого, Геринг почти не разбирался в экономике: он сам при случае говорил: «Как можно предположить, что я что-либо пойму в этих сложных экономических вопросах?» Поэтому он отказывался читать доклады объемом более четырех страниц и гордился тем, что не просмотрел ни одного графика, ни одного статистического отчета... Но все было в порядке: в национал-социалистской системе будущее принадлежало дилетантам без комплексов, и Геринг сразу же занялся подбором людей, которые могли бы провести вместо него серьезную работу. В итоге он нанял знающих специалистов и поставил во главе них своего давнишнего поделщика Пауля Кёрнера, столь же мало разбиравшегося в экономике, как и сам Геринг! Разумеется, он создал полнокровную административную структуру, в которой числилась почти тысяча сотрудников, занимавших просторные кабинеты в шикарных зданиях и имевших в своем распоряжении сотни машин. Он располагал неограниченными кредитами, раздутым пропагандистским аппаратом и всеми необходимыми средствами для того, чтобы покуситься на полномочия рейхсминистра экономики Ялмара Шахта...¹⁷¹

Задача нового комиссара по планированию была проста: обеспечить быстрое перевооружение и гарантировать снабжение в случае войны. Для этого требовалось строго ограничить импорт, тщательно экономить дефицитную иностранную валюту и, естественно, максимально использовать все внутренние ресурсы. И хотя концепция автаркии выглядела простой, воплотить ее в жизнь оказалось делом нелегким. Потому что подобная экономическая политика подразумевала полное пренебрежение понятием рентабельности и значительное снижение уровня жизни населения. Но эти соображения вовсе не пугали властителей Третьего рейха. И Геринг принялся за работу с усердием неопита, отвагой военного и с твердой убежденностью в том, что для выполнения задачи достаточно просто отдать приказ. Это вскоре привело к оживлению во всех отраслях экономики – в сельском хозяйстве, во внешней торговле, в текстильной, горнорудной, металлургической промышленности, в работе транспорта, в банковско-финансовой сфере. Был введен бартер в торговых отношениях со странами Центральной Европы, приостановлен импорт фуража, удобрений и неосновных продуктов питания, были снова открыты давно заброшенные шахты и запущены амбициозные проекты строительства домов и дорог. При этом абсолютным приоритетом считалось все, что относится к перевооружению. Это стало причиной повышения активности, колоссальной мобилизации рабочей силы и сопровождалось мощной пропагандистской кампанией... «Геринг работает как лошадь!» – с восхищением отметил Геббельс. И добавил: «Больше всего его беспокоят сырьевые ресурсы».

Действительно, неумная активность Геринга приводила к большим затратам энергии и гигантским расходам одновременно. Так, он решил начать добычу железной руды на рудниках в Зальцгиттере у подножия горы Гарц. До тех пор местные залежи считались нерентабельными по причине повышенного содержания в руде примесей кремния, поскольку в то время еще не разработали технологию, которая позволяла бы отделить крем-

¹⁷⁰ Поскольку главными нарушителями закона о контроле обмена валюты являлись партийные бонзы, Шахт решил, что только у Геринга хватит власти для того, чтобы заставить их уважать действующее законодательство...

¹⁷¹ Шахт пожаловался 3 октября послу Франции в Берлине Франсуа-Понсэ: «Кредит доверия ко мне снова понизился» – и высказал «разочарование и озабоченность».

ний от железа¹⁷². Но человек, ответственный за реализацию второго четырехлетнего плана, пропустил мимо ушей предупреждения крупных промышленников: он решил построить в Зальцгиттере самый крупный в Европе металлургический комбинат, назвав его, естественно, «Завод Германа Геринга». Туда были незамедлительно вкачаны миллиарды марок, из Соединенных Штатов по заказу прибыло самое современное горное оборудование, к этому месту были подведены автомобильные дороги и протянута железнодорожная ветка, неподалеку от месторождения в течение нескольких месяцев выросли дома для проживания рабочих. К несчастью, в этом регионе не было угля, так что пришлось за большие деньги привозить его из Рура. К тому же новый метод добычи оказался малоэффективным, местную руду надо было в большой пропорции смешивать с импортной рудой из Швеции, что привело к громадному увеличению стоимости производства, продемонстрировавшему всю безрассудность этой затеи. Тогда Геринг решил: в его ведение должны перейти рентабельные металлургические заводы региона – таким способом он надеялся замаскировать ужасную финансовую пропасть Зальцгиттера. И через некоторое время «Завод Германа Геринга» стал гигантским концерном. «Все это, – написал позже министр экономики Ялмар Шахт, – превратилось в гигантский арбуз, на котором прописными буквами было начертано все о глупости, коррумпированности и мошенничестве авторов этой затеи».

Геринг все же добился кое-каких результатов в поисках местных импортозамещающих материалов: немецкие химики разработали технологию получения искусственного каучука «Буна» довольно высокого качества. Они даже научились производить бензин из угля. Но стоимость произведенного искусственного каучука намного превосходила стоимость натурального импортного материала, а для производства одной тонны бензина требовалось переработать десять тонн угля... Экономическую нецелесообразность подобных проектов понимали все, кроме, разумеется, руководителей НСДАП... Кстати, поскольку в нацистской Германии большая половина населения к тому времени носила униформу, потребовались крупные объемы шерсти. О том, чтобы ввозить ее из-за границы, не могло быть и речи, поэтому Геринг поставил задачу фирме «И. Г. Фарбениндустри» разработать искусственную шерсть. Готовая ткань, полученная из целлюлозы на основе древесной коры, напоминала шерсть, но имела три недостатка: она была непрочной, вызывала кожный зуд и не удерживала тепло тела. К этому следует добавить, что основную часть древесины для производства искусственной шерсти приходилось ввозить из-за рубежа! Можно привести еще несколько примеров такого рода нелепостей, а именно: попытка добычи золота из Рейна, кормление телят снятым молоком, производство сливочного масла из угля. Германия половину пищевых жиров ввозила из-за границы, и проект производства сливочного масла из угля очень понравился Герману Герингу. К его огромному удовлетворению, масло было действительно получено. Но когда первые его образцы включили в рацион узников тюрьмы «Плётцензее», после первого же употребления синтетического масла заключенным пришлось срочно оказывать медицинскую помощь...

И все же ничто из всего описанного не могло поколебать доверия Гитлера к Герману Герингу. Тем более что фюрер, сам ничего не понимавший в экономике, считал первостепенными задачами милитаризацию и автаркию: он надеялся, что будущие завоевания откроют доступ к неисчерпаемым источникам сырьевых ресурсов. Так что с точки зрения консервирования экономики Третьего рейха, отделения ее от экономики континентальной и «замыкания» на саму себя любые, самые нерентабельные и самые немыслимые, проекты получали право на существование. Впрочем, во многих областях Геринг добился положительного эффекта: нацистские директора возглавили административные советы частных фирм, начи-

¹⁷² Главная проблема заключалась в том, что сепарация производилась в основном с помощью электромагнитов. А железная руда Гарца магнитным свойством не обладала.

ная с «Дрезднер банка» и кончая «И. Г. Фарбениндустри», и постепенно перевели их под контроль НСДАП и государства. Кроме того, в период с 1934 по 1936 год Геринг посещал Югославию, Болгарию, Венгрию, Румынию и Польшу не как турист и не совсем как дипломат. Эти поездки дали ему возможность заключить плодотворные коммерческие контракты¹⁷³, а также взаимовыгодные договоры по закупкам вооружений¹⁷⁴. Покупка нескольких австрийских предприятий и шахт позволила оказывать большое влияние на экономическую и политическую жизнь небольшой страны, которую Гитлер уже давно желал присоединить к Германии. И потом, следует помнить, что уполномоченный по реализации четырехлетнего плана был также шефом «Центра исследований», службы прослушивания, которая стала включать в свои ежедневные доклады сведения о внутренних и внешних переговорах, относящихся к торговле, финансам и сырьевым ресурсам.

Следует также добавить, что Герингу не было равных в трудоустройстве в другие министерства «своих» людей, где они упорно работали в целях продвижения интересов комиссара по реализации четырехлетнего плана. Например, в «Рейхсбанке» работал некто Герберт Геринг, доводившийся кузеном премьер-министру. Но, естественно, во всех государственных учреждениях числились десятки других, менее щепетильных людей. И когда случались конфликты между министерствами и комиссариатом, неизменно верх брал комиссариат. Министерство иностранных дел с опозданием узнавало о соглашениях, которые обсуждал Геринг, как и о содержании его высказываний относительно внешней политики рейха. Министерство экономики было полностью отстранено от закупок вооружения: эти функции взял на себя комиссариат по выполнению четырехлетнего плана... Тогда Ялмар Шахт, которому надоели методы работы Геринга и политика автаркии Гитлера, в декабре 1937 года подал в отставку. В результате Герман Геринг смог прибрать к рукам еще и Министерство экономики!¹⁷⁵ Для координации своих многочисленных должностных обязанностей он уже за год до этого создал при правительстве Пруссии некое «бюро премьер-министра Пруссии и генерал-полковника Геринга», состоявшее из двадцати пяти различных отделов, штат которых составляла целая армия бюрократов. Возглавлял бюро его старый друг и дилетант в сфере управления Боденшац, которого вскоре сменил такой же любитель Эрих Грицбах.

Герман Геринг ничуть не изменился внешне и не потерял своего красноречия, а четырехлетний план приобрел в его лице талантливейшего пропагандиста, умеющего объяснить все, чего не понимал сам, словами, которые были понятны всем. Судите сами. «Для меня, – говорил Геринг, – ни один закон экономики не является святыней. Экономика всегда стояла на службе нации. [...] Я никогда не был руководителем предприятия или членом правления и никогда им не буду. Я также никогда не был аграрием. Я в жизни ничего не вырастил, не считая нескольких цветов в горшках на балконе. Но свое сердце и свою душу целиком, [...] а также всю мою энергию без остатка я готов отдать этому великому делу».

Однако уникальное положение, которое теперь занимал в немецкой промышленности и в сфере немецких финансов Герман Геринг, могло служить источником непомерного обогащения для человека, готового поступиться принципами... Именно так и было. Рассмотрим подробнее доходы Железного человека, который в свое время бедствовал без работы. В качестве председателя рейхстага он ежегодно получал 7200 марок, и вдвое большая сумма полагалась ему на представительские расходы. Как рейхсминистр авиации он получал еще 28 160 марок. К ним следует прибавить 12 000 марок, оклад председателя государственного совета

¹⁷³ Позволившие, например, закупить у Югославии по низким ценам большие партии бокситов, необходимых для самолетостроения.

¹⁷⁴ По меньшей мере, в этом случае Геринг проводил довольно независимую от Гитлера политику. Того нисколько не интересовали эти страны, поскольку он не считал их потенциальными врагами.

¹⁷⁵ Правда, на этом посту он пробыл всего несколько месяцев...

Пруссии, и 25 595 марок, оклад премьер-министра Пруссии. Восемнадцать тысяч марок Геринг получал в качестве генерала авиации, и 23 000 марок составляли зарплату уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана. Добавим сюда солидную заработную плату главного егеря и главного лесничего рейха, чрезвычайного посланника фюрера для переговоров с главами иностранных государств и главного распорядителя всех берлинских приемов и церемоний. И получается, что в сумме официальные доходы Германа Геринга превышали 100 000 марок, причем большая их часть не облагалась налогом...

Но все это было лишь надводной частью айсберга, так как еще в бытность начальником политической полиции Герман Геринг имел обыкновение направлять своего эмиссара в совет директоров Берлинской биржи, чтобы «однозначно указать, какие акции должны рухнуть завтра и взлететь послезавтра», если верить весьма прозрачному намеку Ханса Бернда Гизевиуса. В качестве должностного лица, ответственного за выполнение четырехлетнего плана, он имел возможность контролировать рынки промышленных товаров и вооружений, а также получал бесчисленные подарки в денежной форме от «И. Г. Фарбениндустрии», «Норддойче Ллойд», «Альянц», «Гамбург-Америка лайн», «Фокс», «Осрам», «Зибель», «Всеобщей электрической компании», «Бреннинкмейер», «Рейнметал» и «Люфтваганза». Не забудем также о табачной компании «Реетсма», выплачивавшей по 600 000 марок в год. К тому же Геринг был не в силах отказаться от дивидендов по бесплатно полученным им акциям компаний «Бенц», «Баварские моторные заводы», «Юнкерс» и концерна «Рейхсверке Герман Геринг», а также от принадлежавшей ему «Эссенской национальной газеты». И потом, с его стороны было бы невежливо отослать назад ковры и гобелены, щедро подаренные ему музеем Кёльна, три картины Лукаса Кранаха, подаренные ему городом Дрезденом. Он не смог отказаться от «Дианы-охотницы» кисти Рубенса, подаренной ему директором столичного Музея кайзера Фридриха, от бриллиантов, преподнесенных ему ювелиром Фридлиндером, как и от шестиместного «мерседеса», подарка от имени немецких автопроизводителей¹⁷⁶. Наконец, будучи имперским лесничим, Геринг мог передавать во владение земельные угодья и целые гектары лесов особо выдающимся людям, точнее, тем, кто имел возможность выразить свою благодарность в звонкой монете. Если иметь в виду еще и то, что он получал крупные гонорары за «авторизованные биографии» и другие тексты, которые просто надиктовывал, что большая часть его колоссальных расходов оплачивалась из «представительского фонда» и что он давно уже прекратил выплачивать свои долги, можно представить себе, какой масштаб носило его обогащение...

Однако это еще не все, поскольку Генрих Геринг старался также вкладывать деньги в недвижимость как опытный финансист. У него, конечно, был выбор между дворцом председателя рейхстага и дворцом премьер-министра Пруссии, но эти места не соответствовали его новому социальному положению. Поэтому он и положил глаз на бывшую резиденцию министра торговли, располагавшуюся за Лейпцигерплац на пересечении Принц-Альбертштрассе и Саарландштрассе¹⁷⁷. Тем более что она находилась неподалеку от нового здания Министерства авиации¹⁷⁸. Это было и без того шикарное пятиэтажное здание, но Геринг полностью перестроил его по своему вкусу (разумеется, на средства из бюджета земли Пруссия), а затем с гордостью показал дворец Гитлеру. Фюрер осмотрел здание критическим взглядом, как опытный архитектор, затем воскликнул: «Как темно! Как же можно жить в такой темноте? Сравни это с работой моего профессора: там все светло, понятно и просто!»

Гитлер имел в виду профессора Пауля Трооста, но Геринг решил, что речь шла об его ученике Альберте Шпеере, новом фаворите фюрера, и он немедленно привлек его к работе.

¹⁷⁶ Следует добавить, что все руководители НСДАП, начиная с Гитлера, обогащались тем же путем.

¹⁷⁷ После воссоединения Саарской области с Германией в Саарландштрассе была переименована Штрэземанштрассе.

¹⁷⁸ См. карту 6

«Геринг, – вспоминал позже Шпеер, – усадил меня в свой огромный лимузин с откидывающейся крышей, словно драгоценный трофей, и увез в свою резиденцию. [...] Я действительно увидел нечто вроде лабиринта в романтическом духе из маленьких темных комнат, заставленных массивной мебелью в стиле Возрождения, с оконными витражами и с тяжелыми бархатными обоями. Там имелось также нечто вроде часовни со свастикой, которая красовалась также на потолке, на стенах и на полу по всему дому. Складывалось впечатление, что в этом доме должно произойти нечто весьма торжественное и трагическое. Для системы было типично то, что [...] критика и пример Гитлера незамедлительно оказали воздействие на Геринга: он сразу же забраковал то, что сделал сам совсем недавно, хотя ему лично было очень комфортно в здании, интерьер которого отражал его собственные вкусы. “Не обращайтесь на это внимания, – сказал он, – мне и самому это не нравится. Даю вам карт-бланш – все должно походить на резиденцию фюрера”». Это была грандиозная задача! Как и всегда в случае с Герингом, о расходах можно было не беспокоиться. Поэтому архитектор разрушил стены и превратил многочисленные комнатки на первом этаже в четыре больших помещения, в самом просторном из которых оборудовал кабинет Геринга площадью 140 квадратных метров, почти такой же, как у Гитлера. Потом была сооружена пристройка из стекла, обрамленного бронзой. Бронза, конечно, считалась ценным металлом для военной промышленности, а ее использование по иному назначению жестоко каралось, но это ничуть не смутило Германа Геринга. Всякий раз, когда он приходил проверить, как идут строительные работы, лицо его светилось радостью, он становился похож на ребенка в день своего рождения – с довольным видом потирал руки.

Его можно понять: в полностью перестроенный дворец теперь вела гигантская лестница из белого мрамора, внутри были анфилада залов с колоннами и охотничьими трофеями на стенах, круглый обеденный зал на пятьдесят человек, огромная кухня, кабинет в стиле Муссолини с разноцветными витражами, комнаты, украшенные дорогими коврами, скульптурами и гобеленами, кинозал. Все здание огибала терраса, имелись также теплицы для тропических растений, комфортабельные апартаменты на четвертом этаже для Пили Кёрнера и большой ров для львов в полуподвале: Железный человек особенно любил эту породу больших кошек. Когда работы были завершены, хозяин сделал последний мазок мастера, добившись переименования соседней улицы: решением муниципалитета Берлина Эбертштрассе получила имя Германа Геринга.

Однако никто всерьез не думал, что такой значительный человек ограничится одной резиденцией. Вообще-то у Геринга были апартаменты в соседнем Министерстве авиации, квартира в Мюнхене и охотничий домик в поселке Гросс Роминтен в Восточной Пруссии. Он также построил себе шале в местечке Оберзальцберг рядом с резиденцией Гитлера, а после окончания работ забыл заплатить строителям... Но все это еще не отражало главного: в знак признательности за службу премьер-министр Пруссии Герман Геринг подарил сам себе загородный дом в лесном массиве Шорфхейд, в 65 километрах к северу от Берлина. И, пользуясь полномочиями имперского лесничего, организовал в окрестностях заказник, где вели вольную жизнь бизоны, лани, кабаны, медведи, олени, туры, выдры, бобры и дикие лошади. В качестве главного егеря рейха он приобрел охотничий дом в скандинавском стиле, выстроенный на узкой полоске земли между озерами Гроссдёлнер и Вуккерзее. Это было простое бревенчатое сооружение с большим залом и каменным камином, на стенах там висели охотничьи трофеи, на полу лежали медвежьи шкуры, а в центре стоял массивный дубовый стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.